

11-119
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

вып. 12

**ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1958

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1958

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ КАРЕЛЬСКОГО
ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Г. Н. МАКАРОВ

Д. В. БУБРИХ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО, ФИНСКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет практическую направленность. Она предназначена главным образом для преподавателей русского и финского языков в школах с финским или карельским составом учащихся.

Из карельских наречий в работе учитываются в основном два: собственно-карельское (в средней и северной Карелии, начиная с сел Койкар и Линдозера на среднем течении р. Суны, а также в Калининских краях) и ливвиковское (у Ладожского озера и во внутренних частях Олонецкого перешейка, кончая Пряжей, Сязозером, Вохтозером и его окрестностями). Третье из карельских наречий, людиковское (восточнее ливвиковского, узкой полосой от Михайловского с/с через Кашканы, селения около Пряжи, Виданы, Спасскую губу до Тивдии и окрестностей), мы учитываем только в тех чертах, которые резко отделяют его от ливвиковского наречия, к которому оно во многом близко.

Небольшой объем данной работы не позволяет входить в подробности. Сходства и различия между русским, финским и карельским языками берутся только главнейшие. Имеется в виду дать общее понимание особенностей этих языков сравнительно друг с другом.

Работа дает материал для методистов, но методические проблемы не разрешает, так как автор не является методистом.

¹ От редакции. Публикуемая ниже работа покойного члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Д. В. Бубриха была задумана как практическое пособие для преподавателей школ с карельским, финским и русским контингентом учащихся. В связи с преждевременной кончиной автора (30.XI.1949 г.) работа осталась незавершенной и обрывается на разделе „Фонетика“. Д. В. Бубрих намеревался написать также морфологию и синтаксис, о чем в рукописи имеется его записка: „Следуют главы, посвященные морфологии и синтаксису. 24.VI.49 г.“ Но такие главы, к сожалению, написаны не были.

Публикуя данную статью, редакция настоящего издания „Трудов“ сохранила ее в том виде, в каком она была представлена в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. В двух-трех местах редакция сочла нужным исправить или дополнить авторский текст, как недосмотр автора при сверке рукописи. Дополнения оговорены в примечаниях (сносках), а явные пропуски или недосмотры автора исправлены без оговорок.

п 24374

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Карельской ССР

Буквенные знаки, принятые в настоящей работе

Русские и финские слова даются в книге чаще всего в литературном написании. Но в главах, посвященных фонетике, приходится прибегать и к упрощенной фонематической транскрипции. Из знаков объяснения требуют только значок' (обозначающий мягкость) и буква *N* (обозначающая заднеязычный носовой согласный: финск. *laNka* „нить“, множ.ч. *laNNat* „нити“ — в литературном написании *lanka, langat*). Что касается карельских написаний, то они даются сплошь в упрощенной фонематической транскрипции.

Для русского языка используется русский алфавит, а для финского и карельского латинский. В карельские написания, за недостатком нужных латинских букв, вносятся некоторые русские — *ж з, х, ц, ч, ш*. Буква *ч* снабжается соответственно произношению значком мягкости — *ч'*. Буквосочетание *дж'* в карельских написаниях обозначает звонкий согласный, соответствующий глухому *ч'*.

Для читателей, мало знакомых с финским языком, целесообразно дать представление о соотношении между финскими буквами и финскими звучаниями.

Литературное финское письмо пользуется латинским алфавитом с добавлением букв: *ä* и *ö*.

Буква *ä* обозначает гласный, который получается, если русское *э* произнести, раскрыв рот так же, как при произнесении *а*. Этот гласный сходен с англ. *a* в *man*. Финский пример: *väri* „цвет“.

Буква *ö* обозначает гласный, который получается, если русское *э* произнести, округлив губы так, как при произнесении *о*. Этот гласный сходен с немецк. *ö* в *Löffel* или с франц. *eu* в *beurre*. Финский пример: *mökki* „хижина“.

Трудность для русских представляет также произнесение буквы *y*. Эта буква обозначает гласный, который получается, если произнести русск. *и*, округлив губы, как при произнесении русск. *у*. Этот гласный сходен с немецк. *ü* в *Brücke* или с франц. *u* в *sukre*. Финский пример: *kylä* „село, деревня“.

Двойные буквы — обозначители гласных — обозначают так называемые долгие гласные, гласные двойной длительности. Финские примеры: *saari* „остров“, *koossa* „вместе“, *tuuli* „ветер“, (сравни *tuli* „огонь“), *ääni* „голос“, *kööri* (уст.) „хор“, *kuunel* „слеза“, *teemme* „делаем“, *liima* „клей“.

Сочетания букв-обозначителей гласных с последующим *i* произносятся за один слог (так что *i* звучит как русск. *й*). Финские примеры: *aika* „забор“, *koira* „собака“, *kuiiva* „сухой“, *äiti* „мать“, *söimme* „мы ели“, *myimme* „мы продали“, *leipä* „хлеб“. Следует заметить, что *ai, äi* и *ei* строго различаются в произношении.

Сочетания букв-обозначителей гласных с последующими *u* и *y* произносятся также за один слог (так что *u* звучит как немецк. *u* в *grau* или англ. *w* в *brown*). Финские примеры: *taulu* „классная доска“, *koulu* „школа“, *neula* „игла“, *kiuru* „жаворонок“, *käydä* „идти, ходить“, *pöytä* „стол“. Следует заметить, что *eu* и *öu* строго различаются в произношении.

Указанное произношение сочетаний букв-обозначителей гласных *u* или *y* относится лишь к первому слогу. В других слогах эти сочетания произносятся за два слога. Финский пример: *vara^us* „свобода“.

За один слог произносятся также сочетания *uo, uö* и *ie*. Финские примеры: *nuotta* „невод“, *työ* „работа“, *sieni* „гриб“.

Указанное произношение сочетаний *uo, uö* и *ie* относится только к первому слогу. В других слогах эти сочетания произносятся за два слога. Финский пример: *lapsien* „детей“.

Из сочетаний букв-обозначителей согласных особых указаний требуют *nk* и *ng*.

В сочетании *nk* первый согласный (*n*) по месту образования приспособляется ко второму. Такое произношение свойственно также немецк. *nk* в *denken* или англ. *nk* в *think*. Финский пример: *lanka* „нить“.

В сочетании *ng* первый согласный (*n*) по месту образования приспособляется ко второму, а второй после этого в полной мере уподобляется первому, так что получается двойной носовой согласный, образованный в том же месте, что *g*. Такое произношение свойственно также немецк. *ng* в *Ding* или англ. *ng* в *thing*. Финский пример: *rengas* „кольцо“.

h произносится всегда. Финские примеры: *haapa* „осина“, *raha* „дурной“, *tähti* „звезда“.

s всегда произносится как русск. *с*¹. Финские примеры: *sana* „слово“, *lasi* „стекло, стакан“, *kansi* „крышка“.

j произносится подобно немецк. *j* (вроде русск. *й*). Финские примеры: *jalka* „нога“, *raja* „граница“, *Karjala* „Карелия“.

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКИМ, ФИНСКИМ И КАРЕЛЬСКИМ НАРОДАМИ И ЯЗЫКАМИ

В конце I тысячелетия н. э. прибалтийско-финские племена были расселены несколько иначе, чем современные прибалтийско-финские народности.

Относительно западные прибалтийско-финские племена обитали у Рижского залива, на территории современной Эстонии и на территории современной западной Финляндии. На последней из указанных территорий обитало два племени: Сумь (*Suomi*) у слияния вод Финского и Ботнического заливов, Емь или Ямь (*Yäme*) недалеко от Суми внутри страны, у ближайшей группы крупных озер с выходами как на Финский залив, так и на Ботнический.

Относительно восточные прибалтийско-финские племена обитали восточнее р. Наровы. Они тянулись до Волхова и за Волхов. За Волховом существовала Весь (*Versä*).

Восточные славяне называли все прибалтийско-финские племена, вошедшие с IX века в состав Русского государства (в новгородской его части), общим названием Чудь. Сюда они относили из относительно западных прибалтийско-финских племен племена современной Эстонии (по крайней мере в восточной ее части), а из относительно восточных как племена между Наровой и Волховом, так и Весь² за Волховом.

¹ С некоторой шепелявостью.

² В IX веке Весь играла очень большую роль. Поэтому летописи, повествуя о событиях IX в., выделяют Весь из общей массы Чуди под специальным названием Весь. Повествуя о более поздних событиях, летописи названием Весь уже не пользуются.

Возникновение Русского государства сыграло в истории прибалтийско-финских племен громадную роль. Особенно это касается относительно восточных племен.

Уже в IX в. Весь за Волховом выступила в роли проводника начал русской государственности на север и северо-восток. В эту и ближайшие последующие эпохи Восьми расселилась довольно широко. Она расселилась в углу между Волховом и Свирью по рекам Паше, Сяси и Ояти, севернее Свири у рек Олонки и Видлицы, у Онежского озера, у Белого озера, проникая в своих поездках даже в Заволочье. На поселения Веси у рек Олонки и Видлицы, в пределах современной южной Карелии, нам следует обратить особое внимание. Эти поселения Веси засвидетельствованы археологически.

Начиная с IX в. в системе Русского государства стало формироваться новое важное племя. В те времена между Ладожским озером и Финским заливом был, кроме Невы, и другой еще не пересохший путь: Ладожское озеро — р. Вуокса — мелкие речки и озера — Выборгский залив. Этот водный путь играл, несомненно, далеко не последнюю роль. Постепенно у русского (т. е. ладожского) конца этого водного пути стало собираться население из различных „чудских“ групп: из групп непосредственно к востоку от р. Наровы и Чудского озера, из групп, обитавших ближе к Волхову, наконец, из групп за Волховом, т. е. из вепских групп. Постепенно это население сливалось воедино, понемногу оно расширяло территорию своих поселений. В XI в. появилась вышедшая из него группа у северного побережья оз. Сайма. Вероятно, в то же время появилась вышедшая из него группа у Выборгского залива. На грани XI и XII вв. появилась вышедшая из него группа у устья Невы, так называемая Ижора. Постепенно усиливалось движение данного населения по удобному водному пути (с некоторыми волоками): Ладожское озеро — оз. Пюхьярви (немного севернее его) — озерные притоки, озера и реки вплоть до большого озера Пиелисъярви — реки севернее последнего озера — р. Оулуйоки — Ботнический залив (в северной его части). От озера Пиелисъярви данный путь имел восточное ответвление: р. Лиекса — озера Ребольской группы — р. Чирка-Кемь — р. Кемь — Белое море. Восточное ответвление данного водного пути (к Белому морю) стало энергично эксплуатироваться только позднее. Главную роль долго играл путь к северной части Ботнического залива, у берегов которого и стало понемногу собираться описываемое население. В середине XIII в. это население, рассеявшееся по весьма обширной территории, выступило как важная военная величина, как стойкий и энергичный борец против натиска с Запада. С этого времени в наших летописях появляется название Корела (в среде самого описываемого населения название Кагяла укреплялось, конечно, и раньше). Территория Корелы в середине XII в. охватывала Карельский перешеек, современную восточную Финляндию (от р. Кюмийоки) и современную северную Финляндию (от р. Пюхьяйоки или, может быть, даже от какой-нибудь более южной реки).

В XII в. Корела боролась с натиском с Запада чрезвычайно успешно. Однажды ей удалось даже проникнуть в самое сердце Швеции и разрушить важнейший шведский город Сигтуну (вблизи которого шведы после этого построили Стокгольм).

В XIII в. на Кореле отразилось постигшее Русь громадное несчастье — монголо-татарское нашествие. Сопротивление Корелы натиску с запада несколько ослабело. В связи с этим отдельные группы Корелы стали выселяться на русские земли. Разбрасывание

Корелы шло очень далеко. В середине XIII в. одна ее группа засвидетельствована даже у Кубенского озера. Можно думать, что уже в XIII в. все усиливавшиеся группы Корелы появились в современной средней и северной Карелии и у разных берегов Белого моря. Впрочем, первые определенные свидетельства о Кореле в этих местах относятся только к началу XV в. Можно также думать, что струйки Корелы уже с XIII в. стали проникать в южную Карелию, на реки Видлицу и Олонку, в среду раньше поселившейся там Веси. Однако определенных свидетельств на этот счет нет.

В XIV в. борьба между Русью (включая Корелу) и Швецией закончилась на время Ореховецким миром (1323). Швеция, пользуясь затруднениями Руси (монголо-татарским нашествием), постепенно укрепилась в западной Финляндии и простерла свои притязания на земли Корелы. Указанный мир положил конец этим притязаниям, хотя и не без ущерба для Руси и для Корелы. Граница по указанному миру начиналась у р. Сестры, шла в глубь Карельского перешейка и там круто поворачивала на северо-запад, оставляя в пределах Руси все побережье Ладожского озера, земли севернее и Северную Приботнию. Две группы Корелы попали под ярмо Швеции: привыборгская и присайминская.

Ореховецкий мир сыграл важнейшую роль. На запад от границы стал формироваться финский народ, а на восток от нее — карельский. В состав финского народа вошли Сумь, Емь и две группы Корелы (привыборгская и присайминская), которым огнем и мечом были навязаны католицизм, шведские порядки и т. д. В состав карельского народа вошли основные группы Корелы и важные группы Веси, расселившиеся в современной южной Карелии. Территориально оторванная привневская группа Корелы, Ижора, развивалась в отдельную маленькую ижорскую народность. Территориально оторванные группы Веси у Онежского озера (севернее истока р. Свири) и южнее Свири развились в отдельную маленькую вепскую народность. Из компонентов карельского народа, поскольку он распространился в современной Карелии, значительно преобладала Восьми. К Веси восходят современные южные карелы — ливвики (у Ладожского озера и в глубине Олонецкого перешейка) и людикки (узкой полосой по восточному краю ливвиков), составляющие ныне вместе 60—70% карельского населения Карельской АССР. К Кореле восходят современные средние и северные карелы — собственно-карелы, составляющие 30—40% карельского населения Карельской АССР. Конечно, в состав южных карел вошло некоторое количество Корелы, а в состав по крайней мере средних карел некоторое количество Веси, но этот взаимный обмен не меняет соотношения.

Процессы формирования финского и карельского народов определились достаточно ярко уже к XVII в. В направлении сплочения финского народа действовал ряд внутренних факторов, среди которых не последнюю роль играло становление письменного финского языка (с середины XVI в.). В направлении сплочения карельского народа действовал также ряд внутренних факторов. Громадное значение получило сложение в Заонежье и прилегающих местах сильной металлургической промышленности: Эта промышленность крепко связала карел южной Карелии и карел более северных мест. Связь эта возникла при непосредственном участии русского народа, так как Заонежье было заселено русскими. К указанному мощному фактору сплочения карельского народа прибавился и другой, не менее мощный. В XVII в. карельский народ принял участие в борьбе со шведской

интервенцией и в этой борьбе скрепил как свое единство, так и связь с русским народом.

XVII в. принес с собою большое испытание для карельского народа. По Столбовскому миру (1617) Швеция завладела всеми старыми землями Корелы, Карельским перешейком и всеми территориями к северу от него. Корела, оказавшаяся на захваченной шведами территории, не могла примириться со шведским игом. И вот, на протяжении первой половины XVII в. произошел знаменитый массовый „исход“ карел со шведских земель на русские. Большинство переселенцев направилось на юго-восток, в новгородские, тверские и др. края, в связи с чем выросла так называемая „тверская“, или калининская группа карел. Часть переселенцев направилась в современную Карелию. На оставленных карелами землях расселились финны.

С XVIII в. отношения между финским и карельским народами сложились своеобразно. С эпохи Петра I шведская граница стала стремительно передвигаться на запад, а в начале XIX в. (1809) Швеция была окончательно изгнана за море. Финляндия оказалась в составе Русского государства. Средостение между финнами и карелами исчезло. И вот тут-то и обнаружилось, что национальные начала на востоке были представлены гораздо ярче и полнее, чем на западе, где действовала Швеция. Характерно, что литературный финский язык, сложившийся первоначально в основном на западнофинляндской диалектной базе, стал постепенно передвигать эту базу в восточном направлении. Такие прогрессивные финские деятели, как Э. Лённрот, ориентировали литературный финский язык на восток совершенно сознательно. Диалектной базой литературного финского языка в конце концов оказались диалекты восточной Финляндии, по происхождению диалекты привыборгской и присайминской Корелы, хотя сохранились и некоторые западнофинляндские явления, например, чередование *t c d*. Громадное влияние „Калевалы“, и вообще карело-финской поэзии тоже со своей стороны содействовало „овосточнению“ литературного финского языка.

В отношении расселения финнов и карел XVIII и XIX века не внесли существенных перемен. Отметим можно только то, что небольшие группы карел-ливвиков и собственно-карел продвинулись в западном направлении на незаселенные земли, не доходя до меридиана г. Сортавала.

Глава II

ФОНЕТИКА

В письме употребляются буквы, а в произношении звуки, и одни другим не всегда соответствуют, особенно если письмо является старым. В том, что буквы не всегда соответствуют звукам, нетрудно убедиться, взяв хотя бы русские слова *нога* (произн. *нагá*), *соха* (произн. *сахá*), *лоб* (произн. *лоп*), *ход* (произн. *хот*), *кого* (произн. *кавó*), того (произн. *тавó*).

Состав букв прост, а состав звуков сложен, так как приходится иметь дело и с основными различиями между звуками, и со второстепенными различиями между ними.

Основные различия между звуками — это различия, связанные с различением слов или форм по значению. В план основных различий между звуками укладывается, например, различие между русскими *а*

и *о* (*Таня* и *Тоня*, *платный* и *плотный* и т. п.) или между русскими *о* и *у* (*стол* и *стул*, *грозный* и *грузный* и т. п.) или между русскими *б* и *п* (*балка* и *палка*, *забор* и *запор* и т. п.) или между русскими *г* и *к* (*гости* и *кости*, *загон* и *закон* и т. п.).

Что касается второстепенных различий между звуками, то эти различия не связываются с различением слов или форм по значению. Можно, например, заметить, что в русском языке есть два разных *э*: одно закрытое, узкое, как в *эти*, а другое открытое, широкое, как в *эта*. Употребление этих двух *э* зависит только от того, следует ли за *э* мягкий согласный, как в *эти*, или не следует, как в *эта*. Значение слов или форм тут не при чем. Различение слов или форм по значению достигается на основе различия других звуков в тех же словах или формах, в приведенном примере — звука *и* (с предшествующей мягкостью согласного) в *эти* и звука *а* (с предшествующей твердостью согласного) в *эта*.

Поскольку имеются в виду только основные различия между звуками, т. е. различия, связанные с различением слов или форм по значению, говорят о фонемах. Различными русскими фонемами являются, например, *а* и *о*, *о* и *у*, *б* и *п*, *г* и *к*.

Поскольку же имеются в виду второстепенные различия между звуками, говорят об оттенках фонем. Различными русскими оттенками одной и той же русской фонемы являются, например, два разных *э*, в случаях вроде *эта* и *эти*.

Фонемы — это весьма важные фонетические единицы в языке. В каждом языке своя система фонем.

Система фонем отрабатывается в каждом языке в ходе развития этого языка исторически.

Так как история творится обществом, то, очевидно, система фонем отрабатывается в общественном порядке. Система фонем в целом в любом языке представляет собою общественно, социально отработанную систему звучаний, а каждая фонема в отдельности — общественно, социально отработанное звучание.

Общественная, социальная основа в любой системе фонем и в любой отдельной фонеме установлена в советской науке о языке.

* * *

Система фонем русского языка существенно отличается от системы букв русского письма. В ходе развития русского языка и русского письма особенно значительное расхождение между фонемами и буквами получилось по линиям, во-первых, обозначения мягкости согласных и, во-вторых, обозначения звука *й*. Если взять, например, слово *няня* и понаблюдать его произношение, то оказывается, что первым звуком является мягкое *н*, т. е. *н'*, вторым (что явно слышится, если протянуть первый слог) звук *а*, третьим опять мягкое *н*, т. е. *н'*, четвертым опять *а*. В целом слово *няня* произносится как *н'ан'а*. Если взять слово *ясно* и понаблюдать его произношение, то оказывается, что первым звуком является *й*, вторым (что ясно, если протянуть первый слог) звук *а*, третьим *с*, четвертым *н*, пятым *а* (хотя пишется *о*). В целом слово *ясно* произносится как *йасна*. Если взять слово *объят* и понаблюдать его произношение, то окажется, что первым звуком является *а* (хотя пишется *о*), вторым *б*, третьим *й*, четвертым *а*, пятым *т*. В целом слово *объят* произносится как *абйят*. Если взять слово *бадьа* и понаблюдать его произношение, то окажется, что первым звуком является *б*, вторым *а*,

третьим мягкое *д*, т. е. *д'*, четвертым *й*, пятым *а*. В целом слово *бадьа* произносится как *бад'йа*. В конце концов оказывается, что в русском письме есть буква *я*, но в русском произношении нет никакого звука *я*. Там, где пишется буква *я*, произносится одно из двух: если предшествует буква-обозначение согласного — звук *а* с предшествующим мягким согласным (*няня — н'ян'а*), а в других случаях — сочетание *йа* (*ясно — йасна, объят — абйят, бадьа — бад'йа*). Аналогично дело обстоит с буквами *ё* и *ю* (с одной стороны, *мёл — м'ол*, а с другой стороны *ёлка — йёлка, объём, — абйём, гольё — гал'йё*; с одной стороны, *блюдо — бл'уда*, а с другой стороны, *юн — йун, завью — зав'йу*). Своеобразно произношение буквы *е* (с одной стороны, *небо — н'эба*, а с другой стороны, *ель — йэл', съел — сйэл, пьеса — п'йэса*). Особо дело обстоит с буквами *и* и *ы*. Буква *и* обозначает в начале слога и слова звук *и* (*играть — играт'*), после буквы-обозначения согласного — звук *и* с предшествующим мягким согласным (*нива — н'йва*), а в иных случаях сочетание *йи* (*бадьи — бад'йи*). Буква *ы* употребляется только после букв-обозначений согласных и обозначает звук, похожий на *и*, с предшествующим твердым согласным (*сыграть — сыграт'*). В сущности говоря, буквы *и* и *ы* захватывают одну и ту же сферу звучания. Можно бы, как будто сказать, что за ними скрывается два оттенка одной и той же фонемы, один обычный, а другой после твердых согласных. Однако есть нечто, что мешает остановиться на этой мысли. Русские могут различать *и* и *ы* в изолированном произношении и этому очень содействует школа, которая учит говорить о „букве *и*“ и „букве *ы*“. Для русских оказывается совсем нетрудно употреблять *ы* не только после твердых согласных, но и в начале слога и слова. Так, русские без всякого усилия читают на географической карте *ыб* (коми) или *Ы-чжоу* (китайск.). Учитывая все это, надо сказать, что за буквами *и* и *ы* скрывается две разные фонемы, но эти две фонемы обычно восполняют одна другую в употреблении, составляют теснейшим образом связанную пару.

После этих указаний мы можем обратиться к рассмотрению русской системы фонем.

Гласные фонемы в русском языке следующие: *а, о, у, э, и (ы)*.

Эти гласные употребляются и в начале слога или слова, и после твердого согласного, и после мягких согласных, равно, как после *й*. Примеры: *арка — арка, сало — сала, мясо — м'аса, ясно — йасна, объят — абйят, бадьа — бад'йа, оба — оба, горы — горы, мёл — м'ол, ёлка — йёлка, объём — абйём, гольё — гал'йё; узко — уска, куры — кúры, блюдо — бл'уда, юн — йун, завью — зав'йу; эра — эра, небо — н'эба, ель — йэл', съел — сйэл, пьеса — п'йэса; играть — играт', нива — н'йва, бадьи — бад'йи* и рядом *сыграть — сыграт'*.

Для правильного понимания звучаний, скрывающихся за буквами-обозначениями гласных, надо дополнительно указать, что *ж, ш* и *ц* в русском языке произносятся всегда твердо (*жёлт — жолт, шёлк — шолк, жест — жэст, шест — шэст, цеп — цэп, жир — жыр, шил — шыл, цифра — цыфра, ложь — лош, мыш — мыш*), а *ч* всегда мягко (*час — ч'ас, чёрт — ч'орт, чёлн — ч'олн, чудо — ч'удо, честно — ч'эсна, чисто — ч'иста, меч — м'эч*).

Из оттенков указанных гласных важно указать на два оттенка *э*. Обычно встречается открытый, широкий оттенок (этот оттенок выступает, например, в *эта — эта, жгст — жэст, шест — шэст, цеп — цэп, лес — л'эс, на дворе — на двар'э*). Но перед мягко произносимыми согласными выступает закрытый, узкий оттенок (этот

оттенок выступает, например, в *эти — эт'и, жест — жэс'т', шест — шэс'т', цеп — цэп', лень — л'эн'*).

Громадное значение в русском языке имеет особая постановка гласных в неударяемом положении: В одном случае дело обстоит в предударных слогах, в другом — в послеударных слогах, исключая конец слова, и в третьем — в неударяемом конце слова. Общей особенностью всех неударяемых слогов является то, что в них не произносится *о* (хотя бы оно и писалось).

В предударных слогах на месте письменных *а* и *о* произносится одинаково несколько ослабленное *а* (*барабан — барабан, борода — барадá*).¹ Кроме того, в предударных слогах на месте письменных *я, е, и* произносится одинаково несколько ослабленное *и* (*тянуть — т'инут', несущ — н'исущ, пила — п'илá*).² После твердых согласных вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*жена — жына, жива — жыва*).

В последующих слогах, исключая конец слова, на месте письменных *а* и *о* произносится одинаково чрезвычайно ослабленный гласный, который удобно обозначать через *ы* (*выдал — выд'ыл, топот — топ'от*). Кроме того, в этих слогах, за указанным изъятием, на месте письменных *я, е, и* произносится одинаково чрезвычайно ослабленное *и*, которое следует обозначать через *и* (*месяц — м'эс'иц, трепет — тр'эп'ит, вылил — выл'ил*).³ После твердых согласных вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*может — мож'ыт, множит — множ'ыт*).

В неударяемом конце слова на месте письменных *а* и *о* произносится несколько ослабленное *а* (*лапа — лапа, дело — д'эла*) и сходным образом на место письменного *я* — несколько ослабленное *а* с предшествующим мягким согласным (*доля — д'ола*). На месте письменного *е* в именительном и винительном падежах ед. ч. слов среднего рода произносится *а* или *э* (*поле — п'ола или п'ола, ложе — л'ожа или л'ожэ*).

Аналогично дело обстоит в образованиях сравнительной степени на *-ее* (*скорее — скар'эйа или скар'эйэ*). Вообще же на месте письменного *е*, как и на месте письменного *и*, произносится *и (ы)* (*босые — бас'и, гуси — гус'и*). После твердого согласного вместо *и*, естественно, оказывается *ы* (*ближе — бл'йжы, кожи — к'ожы*).

Следует указать на два явления, которые идут вразрез с орфографией.

1. В 3 л. множ. ч. наст. и будущ. вр. глаголов на месте неударяемых письменных *-ат, -ят* произносится *-ут* (*множат — мн'ожут, ходят — х'од'ут*).

2. В именительном падеже ед. ч. прилагательных мужского рода окончание после *г, к, х* произносится (в образцовом произношении)

¹ Ранее различались несколько ослабленное *а* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, и чрезвычайно ослабленный гласный, напоминающий *ы* в предударных слогах, отдаленных от ударяемого. Но в настоящее время этого различия нет.

² Ранее дело обстояло сложнее. На месте письменных *я, е* различались несколько особенное *э ('э)* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, и чрезвычайно ослабленный гласный, напоминающий *и*, в предударных слогах, отдаленных от ударяемого. На месте письменного *и* в предударных слогах употреблялось мало ослабленное *и*. В настоящее время у многих еще сохраняется несколько ослабленное *э ('э)* на месте письменных *я, е* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому. Однако это явление быстро исчезает.

³ Ранее различались чрезвычайно ослабленное *и*, т. е. *и* на месте письменных *я, е*, и мало ослабленное *и* на месте письменного *и*. Но в настоящее время этого различия нет.

так, как если бы писалось *-ой* (*пегий* — *п'эг'ий*, *великий* — *в'эл'ийк'ий*, *ветхий* — *в'этх'ий*).

Согласные фонемы в русском языке следующие:

твердые — *г, к, х; д, т, з, с, ц, ж, ш, н, л, р; б, п, в, ф, м,*

мягкие — (*г', к' (х'); й; д', т', з', с', ч', н', л', р'; б', п', в', ф', м'*).

ж, ш и *ц* произносятся только твердо, а *ч'* — только мягко; *й* играет роль мягкой фонемы.

Буква *щ* произносится как звуко сочетание *шч'*.

Своеобразно, трудно для нерусских, произносится твердое *л*: оно является „толстым“ (вероятным) твердым *л*.

Из мягких заднеязычных утвердилось как фонема только *к'* (*ткёшь* — *тк'ош*, *ткёт* — *тк'от* и т. д.). Что касается *г'* (*дуги* — *дуг'и*), *х'* (*блхи* — *блх'и*), то их мягкость обусловлена воздействием последующего переднего гласного и для противопоставления слов или форм по значению не используется, следовательно, является признаком не особых фонем, а только особых оттенков фонем. Впрочем, в словах нерусского происхождения *г'* начинает вести себя как особая фонема (*гяур* — *г'аур*).

Особые указания нужны относительно того, когда *й* произносится в составе сочетания *йи*. Сочетания *йи* (или *йи'*) не произносятся после гласных. Так, *мои* произносится *май* (но не *майй*), *заяц* произносится *зайц* (но не *зайцц*), *пояс* произносится *пояс* (но не *поясц*). После согласного сочетание *йи* произносится совершенно свободно, например, *бадьи* произносится *бад'ий*. Что касается начала слова, то сочетание *йи*, хотя и встречается, но редко: во-первых, на месте письменных *я, е* (*баба-яга* — *баба-йига*, *его* — *йиво*) и, во-вторых, в косвенных формах множественного числа личного местоимения 3-го лица (*их* — *йих*, *им* — *йим*, *ими* — *йим'и*).

Важную роль играет то обстоятельство, что на месте букв-обозначений звонких шумных согласных при определенных условиях произносятся глухие и — наоборот.

В конце слова на месте букв-обозначений звонких шумных согласных произносятся глухие (*сад* — *сат*, *грудь* — *грут'*, *лоб* — *лоп*, *зыбь* — *зып'*, *газ* — *гас*, *мазь* — *мас'*, *нож* — *нош* и т. п.). Особо надо отметить, что вместо *г* встречается не *к*, а *х* (*бог* — *бох*, *порог* — *парбх* и т. п.). В том случае, если за буквой-обозначением звонкого шумного согласного следует буква-обозначение бесшумного согласного (*н, м, р, л*), звонкое произношение сохраняется (*жизнь* — *жизн'*, *призм* — *пр'изм* (род.п. множ.ч.) *бодр* — *бодр*, *рубль* — *рубл'* и т. п.).

Перед буквой-обозначением глухого шумного согласного на месте буквы-обозначения звонкого шумного согласного произносится глухой (*лодка* — *лопка*, *пробка* — *пропка*, *низший* — *н'йш'ий*, *помножьте* — *памношт'и*, *всё* — *фс'о* и т. п.). Особо надо отметить, что и в этом случае вместо *г* произносится *х* (*лёгкий* — *л'охк'ий*, *мягкий* — *м'ахк'ий*, *ногти* — *нохт'и*, *когти* — *кохт'и* и т. п.).

Наоборот, перед буквой-обозначением звонкого шумного согласного на месте буквы-обозначения глухого шумного согласного произносится звонкий (*отбыл* — *адбыл*, *сборы* — *збры* и т. п.).

В некоторых случаях буква *ч* перед буквой-обозначением согласного произносится как *ш*. Один случай: *что* — *што*, *чтобы* — *штобы*.

¹ Раньше преобладало произношение *ш'ш'*. Но теперь такое произношение выходит из употребления.

Другой случай: конечно — *кан'эшна*, нарочно — *нарёшна*, скучный — *скуч'н'ий* и т. п. Следует отметить, что чаще буквосочетание *чн* произносится все-таки как *ч'н*, например, *точный* — *тобч'н'ий* (это слово в произношении не смешивается с *тошный*), *запечный* — *запл'эч'н'ий* (это слово отнюдь не произносится как *запл'эшн'ий*) и т. п., или *встречный* — *фстр'эч'н'ий*, *вечный* — *в'эч'н'ий*, *прочный* — *прбч'н'ий*, *личный* — *л'ич'н'ий*, *тучный* — *туч'н'ий*, *порочный* — *парбч'н'ий*, *беспечный* — *б'исп'эч'н'ий*, *прозрачный* — *празр'ач'н'ий*, *полномочный* — *палнамбч'н'ий* и т. п.¹

Окончания *-тся* и *-ться* произносятся одинаково как — *цца*, напр. *боится* — *байцца*, *боятся* — *байацца*.

Как на явление, идущее вразрез с орфографией, надо указать на то, что в родительном падеже ед.ч. мужского и среднего рода на месте окончаний *-ого*, *-его* произносятся сочетания с *в* (*кого* — *каво*, *чего* — *ч'иво*, *сильного* — *с'йл'н'ва*, *синего* — *с'йн'ва* и т. п.).

Ударение в русском языке, всегда сопровождающееся некоторым удлинением гласного, крайне подвижно. В различных словах и даже в разных формах одного и того же слова оно может быть разное. Примеры одного вида: *мука* — *мука* и *мука* — *мука*, *замок* — *зам'к* и *замок* — *замо'к*. Примеры другого вида: *руки* — *ру'ки* и *руки* — *рук'и*, *берега* — *б'эра* и *берега* — *э'урига*.

Правил, которые опирались бы на те или иные фонетические особенности слов или фонем, нет. Вопрос об ударении в каждом отдельном случае будет решаться в связи с изменением (склонением или спряжением) слов.

* * *

Система фонем финского языка резко отличается от русской.

Гласных много. Основных гласных 8²: *а, о, и, —ä³, ö⁴, у⁵, е, i*. Это краткие гласные. Рядом существует 8 соответствующих долгих гласных, произносимых приблизительно вдвое длиннее: *аа, оо, ии — ää, öö, уу, ее, ii*. Наконец, есть еще 3 сложных гласных, начинающихся по-одному и заканчивающихся по-другому: *ио, уö, ie*. Последние употребляются только в первом слоге слова. Примеры гласных первого слога слова: *sana* „слово“, *sota* „война“, *tuli* „огонь“, *häntä* „хвост“, *pöllö* „сова“, *kylä* „село, деревня“, *meri* „море“, *kivi* „камень“, *aami* „утро“, *koossa* „вместе“, *tuuli* „ветер“, *säili* „жаль“, *kööri* „хор“, *pyyntö* „просьба“, *teemme* „делаем“, *piiri* „круг“, *suola* „соль“, *työ* „работа“, *pieni* „малый“. Примеры гласных второго слога (при ударении на первом слоге): *kana* „курица“, *talo* „дом“, *itku* „плач“, *kynä* „карандаш, перо“, *kylvö* „сев“, *käsky* „повеление“, *kas'e* „роса“, *ovi* „дверь“, *renkaat* „кольца“, *sanoo* „скажет, говорит“, *vanhuus* „старость“, *elää* „жить“, *menköön* „пусть пойдет“, *kysyy* „спросит, спрашивает“, *koneet* „машины“ (множ. ч.), *valmiit* „готовые“.

¹ Произношение *ч'н* все больше укрепляется. Не режет уха, когда говорят даже *скуч'н'ий*.

² Здесь мы переходим на латинский алфавит.

³ Чтобы русскому произнести *ä*, надо взять за основу *э* и опустить язык (вместе с нижней челюстью) до уровня *а*.

⁴ Чтобы произнести *ö*, надо взять за основу *э* и округлить губы, как при *о*.

⁵ Чтобы произнести *у*, надо взять за основу *и* (русс.) и округлить губы, как при *у* (русс.).

Положение вещей осложняется тем, что существуют еще дифтонги, оканчивающиеся на неслоговые *i*, а также *u*, *y*. Дифтонги на *u*, *y* употребляются только в первом слоге слова. Примеры дифтонгов первого слога: *aika* „время“, *koira* „собака“, *kuiva* „сухой“, *äiti* „мать“, *söivät* „они ели“, *myivät* „они продали“, *sauna* „баня“, *koulu* „школа“, *leuka* „подбородок“, *kiuru* „жаворонок“, *täysi* „полный“, *köyhä* „бедный“. Примеры дифтонгов второго слога (только на *i*): *kultainen* „золотой“, *antoi* „он дал“, *puhuvat* „они говорили“, *eläisi* „он жил бы“, *pörröinen* „вздохмаченный“, *pölyinen* „пыльный“, *eteinen* „передняя“.

Все гласные всегда произносятся одинаково. Орфография не расходится с произношением.

Весьма своеобразной чертой системы гласных является т.н. гармония гласных. Если в каком-либо слоге имеются *a*, *o*, *u*, то в последующих возможны такие же *a*, *o*, *u*, но невозможны *ä*, *ö*, *y*. И наоборот: если в каком-либо слоге имеются *ä*, *ö*, *y*, то в последующих возможны такие же *ä*, *ö*, *y*, но невозможны *a*, *o*, *u*. Гласные *e*, *i* возможны при любых условиях (они нейтральны по отношению к гармонии гласных). Все это касается только простых слов. В сложных словах слагающие части гармонией гласных не связаны. Благодаря гармонии гласных одни и те же суффиксы и окончания могут выступать в двух разных звуковых видах, например: *talo-ssa* „в доме“, но *kylä-ssä* „в деревне“, *anta-koon* „пусть даст“, но *elä-köön* „пусть живет, да здравствует“, *anta-nut* „давший“, но *elä-nyt* „живший“.¹

Согласных в финском языке, в противоположность гласным, не много. Основных согласных 11: *h*, *k*, *j*, *t*, *s*, *n*, *l*, *r*, *p*, *v*, *m*. В середине слова встречается еще *d*, например, *kadulla* „на улице“. Особого указания требует заднеязычный носовой согласный, который не имеет отдельного обозначения и может быть условно обозначен большой буквой *N*. Этот согласный встречается перед *k*, например, *lanka* (произн. *laNka*) „нить“. (О другом случае его употребления см. ниже.) В заимствованных словах встречаются и некоторые другие согласные. Все эти согласные являются краткими. Кроме них есть и долгие, хотя и в меньшем количестве. Из долгих выделяется долгий заднеязычный, носовой согласный, который можно обозначить через *NN* (в литературе пишут *ng*), например, *laNNat* (пишут *langat*) „нити“.

s произносится несколько шепеляво.

l произносится несколько иначе, чем русское твердое *л*. Перед задними гласными (*a*, *o*, *u*), а также перед согласными, когда за ними следуют задние гласные, и в конце слова, если предшествует задний гласный, *l* произносится, впрочем, близко к русскому *л*. Это касается случаев вроде *loppi* „конец“, *ilma* „воздух“, *sammal* „мох“. В других случаях *l* близко к немецкому (или шведскому) *l*. Это касается случаев вроде *liha* „мясо“, *selkä* „спина“, *kuunel* „слеза“.

Все согласные, кроме *l*, всегда произносятся одинаково. Орфография не расходится с произношением.

Весьма своеобразной чертой согласных является т.н. чередование ступеней согласных. Согласные *k*, *t*, *p*, оказываясь перед гласным краткого закрытого слога (не-первого в слове), могут испытывать замены — переходить с сильной ступени на слабую. Случаи чередования ступеней согласных:

¹ Не соблюдается также гармония гласных в заимствованных словах типа: *byroo* „бюро“, *analyysi* „анализ“, *polynomi* „полином“, *formulääri* „формуляр“, *afääri* „афера“ и др. — *Ред.*

1. Одноичное *k* ~ *ku*, но между двумя *u* или *y* — *v*. Например: *vako* „борозда“, множ. ч. *vaot*; *luku* „число“, множ. ч. *luvut*; *kyky* „способность“, множ. ч. *kyvyt*.

Одноичное *t* ~ *d*, например, *pata* „горшок“, множ. ч. *padat*.

Одноичное *p* ~ *v*, например, *tupa* „изба“, множ. ч. *tuvat*.

После неслоговых *i*, *u*, *y* — то же самое.

2. *hk* ~ *h*, но перед *e* — *hj*, например: *nahka* „кожа“, множ. ч. *nahat*; *puhkeaa* „пробивается, прорастает“, *puhjennut* „пробившийся, проросший“; это чередование последовательно проводится только у глаголов, у имен же оно известно только при условии, если это имя двухсложное и содержит в первом слоге краткий гласный.

ht ~ *hd*, например, *lehti* „лист“, множ. ч. *lehdet*.

3. *lk* ~ *l*, *rk* ~ *r*, но перед *e* — *l*, *r*, например: *halke* „полено“, множ. ч. *halot*; *arka* „робкий“, множ. ч. *arat*; *syli* „слюна“, *syllellä* „слюною“; *kurki* „журавль“, множ. ч. *kurjet*.

lt ~ *ll*, *rt* ~ *rr*, например, *pelto* „поле“, множ. ч. *pellot*; *parta* „борода“, множ. ч. *parrat*.

lp ~ *lv*, *rp* ~ *rv*, например, *halpa* „дешевый“, множ. ч. *halvat*; *arpa* „жребий“, множ. ч. *arvat*.

4. *nk* ~ *ng* (произн. *NN*) например, *lanka* „нить“ множ. ч. *langat* (произн. *laNNat*).

nt ~ *nn*, например, *ranta* „берег“, множ. ч. *rannat*.

mp ~ *mn*, например, *rampa* „хромой“, множ. ч. *rannat*.

5. *kk* ~ *k*, например, *kukka* „цветок“, множ. ч. *kukat*.

tt ~ *t*, например, *katto* „крыша, потолок“, множ. ч. *katot*.

pp ~ *p*, например, *seppä* „кузнец“, множ. ч. *sepät*.

Ударение в финском языке, никогда не сопровождающееся удлинением ударяемого гласного, падает всегда на первый слог.

* * *

Система фонем в карельском языке несколько приближается к русской. В разных местностях она различна.

Гласных немало. Основных гласных, как и в финском языке, 8: *a*, *o*, *u*, *ä*, *ö*, *y*, *e*, *i*. В остальном дело обстоит в разных диалектах по-разному. В очень немногих диалектах¹ (например, в диалекте с. Видлица Олонецкого р-на) долгие и сложные согласные не отличаются от финских. Обычно на месте *aa*, *ää* наблюдаются сложные гласные *oa*, *eä*, или *ua*, *iä* (на севере — в не-первых слогах *yä*) и т. п.: *maa* „земля“, *peä* „голова“, *eleä* „жить“ или *tua*, *piä*, *eliä* (*elyä*) и т. п. В южной Карелии есть диалект, где на месте долгих *uu*, *yy*, *ii* употребляются дифтонги *u* + неслоговое *u*; *y* + неслоговое *y* (или *u*); *i* + неслоговое *i*: *rii* с дифтонгическим *ii* „дерево“, *ruu* (или *ruu*) с дифтонгическим *uu* (или *uu*) „рябчик“, *rii* с дифтонгическим *ii* „зубец“. В таких диалектах не остается вообще долгих гласных: там нет также *oo*, *öö*, *ee*, как их вообще нет в карельском языке (за исключением диалекта с. Видлица и диалектов к юго-западу, западу и северо-западу от оз. Сегозеро). В последних на месте финских *aa*, *ää* выступают *oo*, *öö*.

Дифтонги поставлены по-разному. Кое-где они поставлены так же, как в финском языке. Но в большинстве диалектов мы находим те или иные особенности. В южной Карелии местами (например, в диа-

¹ Под „диалектом“ здесь и ниже, говоря о языковых особенностях отдельного населенного пункта, автор подразумевает говор. — *Ред.*

Звонкие согласные во всех карельских диалектах, кроме северных, заменили соответствующие глухие в вполне определенных случаях: дело касается сильноступенных согласных в положении между звонкими звуками. Примеры: *regi* „сани“, *pada* „горшок“, *kod'i* „дом“, *kiza* (в средней Карелии) или *kiža* (в южной Карелии) „игра“, *kidž'u* „снеток“, *abu* „помощь“.

Мягкие согласные появились в разных карельских диалектах в разных случаях, и только *č* (*dž'*) одинаково мягко везде. Закономерности смягчения согласных следующие:

1. Во всех диалектах произошло смягчение *d, t, n, l, r* перед *i*, например: *kod'i* „дом“, *moit't'i* „порицать“, *pien'i* „малый“, *kiel'i* „язык“, *suur'i* или *šuur'i* „большой“. В начале слова в некоторых диалектах впрочем отсутствует смягчение *r* перед *i*. Кроме того, в средней и северной Карелии и кое-где в южной Карелии есть мягкие *z', s'* перед *i*, например: *vez'i* „вода“, *uks'i* „один“. В случаях, где имеется *iä* из *äi*, смягчения может не быть, например, *pidiä* „держать“; смягчение перед *i* происходило еще тогда, когда *äi* не успело перейти в *iä*.

2. В очень большом количестве диалектов, занимающих относительно восточное положение, произошло смягчение тех же согласных в начале слова перед всеми вообще передними гласными, например: *t'erva* „смола“, *n'ämä* „эти“, *l'yhyt* „короткий“.

3. В значительном количестве диалектов (в большинстве диалектов, занимающих относительно восточное положение) сверх того произошло смягчение тех же согласных в словах переднего вокализма, например: *häd'ä* „нужда“, *keit't'äy* „варит“, *män'd'u* „сосна“, *sil'mä* или *šil'mä* „глаз“.

В людиковских диалектах есть также смягчение тех же согласных перед другими согласными, когда дальше следует *i*, например, *val'miš* „готовый“.

В тех диалектах, где отпало конечное *i*, вызванное им смягчение согласных осталось, например, у части людиков мы находим *suol'* „кишка“ (из *suol'i*).

Немало случаев, где под влиянием тех форм слова, где согласный не смягчился, твердость согласных восстановилась и в тех формах, где согласный должен был смягчиться. Так, в ливвиковских диалектах, где смягчение согласных происходило только перед *i*, мы находим *lahtet* „заливы“ и под его влиянием *lahti* „залив“ (вместо *laht'i*).

Есть некоторые отклонения от указанного.

Особо следует указать, что сочетания *dj, nj, lj* заменились через *d'd', n'n', l'l'*, например: *sud'd'at* „судьи“, *min'n'at* „невестки“, *pal'l'as* или *pal'l'aš* „нагой“.

Шипящие согласные появились в разных карельских диалектах в разных случаях и только *č'* (или *dž'*), соответствующее финскому *ts*, имеет широчайшее распространение. По употреблению *ž* и *š* карельские диалекты разбиваются на три группы: с одной стороны, диалекты, охватывающие южную Карелию и Петровский район¹, кроме его северо-западного конца, с другой стороны, диалекты, охватывающие среднюю Карелию, начиная с Сегозерского р-на без юго-восточного его угла и всю северную Карелию, а с третьей стороны, немногочисленные „серединные“ диалекты — в юго-западном углу Петровского р-на (сел. Гимолы и Лубосалма), в Медвежьегорском р-не

¹ Имеется в виду административное деление по районам по состоянию до 1.IX.1957 года. — Ред.

и в юго-восточном углу Сегозерского р-на. Различие между этими тремя группами диалектов заключается в следующем. В первой группе диалектов употребляются в основном свистящие *z* и *s*, а шипящие *ž* и *š* являются заменителями когда-то смягчившихся *z* и *s*. Во второй группе диалектов употребляются в основном шипящие *ž* и *š*, а свистящие *z* и *s* продолжают когда-то смягчившиеся *z* и *s* (теперь эти *z* и *s* могут быть и твердыми). В третьей группе диалектов шипящих совсем нет (исключая, конечно, русские заимствования) или они сохраняются только в отдельных случаях, причем в этих отдельных случаях отражают порядки второй группы диалектов. Не занимаясь больше третьей группой диалектов, сосредоточимся на первых двух.

В первой группе диалектов (южная Карелия и Петровский р-н без северо-западного угла) мы находим следующие случаи *z', s' > ž, š*:

1. Во всех ливвиковских и людиковских диалектах, в собственно-карельских диалектах сел Койкары и Святнаволока, а также с Юст-озера, после *i*, например: *l'iža* „добавка“, *iškōy* „бьет, колет“, *lašku* (из *laišku*), *laiška* „ленивый“ и т. п. В некоторых из указанных диалектов есть ограничения указанной закономерности. Так, в большинстве ливвиковских диалектов шипящие не употребляются в конце слова, перед *t* и в некоторых других случаях.

2. В северных людиковских диалектах и в Петровском р-не перед *i*; например: *šil'm, šil'mä* „глаз“, *veži* „вода“.

Во второй группе диалектов (средняя Карелия, начиная с Сегозерского р-на без юго-восточного угла и вся северная Карелия) мы находим следующие случаи *z', s'* или отвердевших *z, s*:

1. В южной части Сегозерского р-на без юго-восточного угла — в словах переднего вокализма, однако, не в их конце, например: *s'ien'i* „гриб“, *s'ebä* „передок саней“, *l'iz'ä* „добавок“, *kez'ä* „лето“, *is'kōy* „бьет, колет“, *kes'täy* „выносит, выдерживает“ (в противоположность *šana* „слово“, *važa* „теленос“, *aštuu* „идет“).

2. Севернее — после *i*, например: *l'is'ä* „добавка“, *is'kōy* „бьет, колет“ (в противоположность не только *šana* „слово“, *važa* „теленос“, *aštuu* „идет“, но и *kez'ä* „лето“, *kes'täy* „выносит, выдерживает“). Местами есть ограничения указанной закономерности.

3. Повсеместно — перед *i* не-первых слогов, например: *vez'i* „вода“, *uks'i* „один“. Очень распространены различные ограничения этой закономерности.

4. Кое-где в начале слова перед *i* и другими передними гласными, например: *s'ilmä* „глаз“, *s'einä* „стена“.¹

Важной особенностью карельского языка является сохранение *h* как в конце слова, так и в середине, например: *veneh* „лодка“, *venehet* „лодки“ (множ. ч.). Во избежание недоразумений: не всем финским словам на *e* соответствуют карельские слова на *eh*; есть и карельские слова на *e*, например: *lähte* или *lähe* „родник, источник“.

Из прочих своеобразных карельских явлений следует указать на замену *j* через *d'* во всех положениях, кроме положения после гласного. Это явление встречается кое-где в относительно южных местах. Примеры: *d'ogi* „река“, *pohd'at* „донья“, *mar'd'at* „ягоды“.

¹ Подробнее см. в нашей статье „Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах“, Советское финноугроведение, 1, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковед., наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 129—159.

Чередование ступеней согласных в карельском языке существенно отличается от финского. В собственно-карельском и ливвиковском наречиях оно поставлено по-разному: в ливвиковском наречии вне чередования согласных стоят все сочетания двух разных глухих согласных, то есть *hk, ht, tk, sk, šk, st, št*, в то время, как в собственно-карельском наречии эти сочетания чередованию ступеней согласных подчиняются. В людиковском наречии чередования ступеней согласных нет. В ливвиковском и собственно-карельском наречиях картина чередования ступеней согласных следующая:

1. а) Одинокое *d* ~ нуль, около огубленного гласного ~ *v*, около *e* или *i* ~ *j* (или нуль), например: *jagua* „делить“, *juap* „делю“; *jogi* „река“, *jovet* „реки“; *regi* „сани (одни)“, *rejet, reet, riet, reit* „сани (многие)“. Есть особые случаи. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла на слабой ступени выступает только нуль.

Одинокое *d* — то же самое, что в п. 1 (стр. 15), например: *pada* „горшок“, *puat* „горшки“; *mado* „змея“, *mavot* „змен“; *vedeh* „в воду“, *vejel'lä* (*vejel*), *veellä* (*veel*), *viel*, *veil* „водою“.

Одинокое *b* ~ *v*, например: *taba* „нрав, обычай“, множ. ч. *tavat*. В собственно-карельских диалектах, географически близких к людиковским, *b* во многих случаях оказывается вне чередования.

б) *g* после неслоговых *u, y* ~ *v* или (в относительно северных местах) нуль, например: *leuga* „подбородок“, множ. ч. *leuvat* (*levvat*) или *leuat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — нуль.

d после неслоговых *u, y* ~ *v*, например: *rauda* „железо“, множ. ч. *rauvat* (*ravvat*). В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — нуль.

в) *g* после неслогового *i* ~ *j* или (в относительно северных местах) нуль, например: *aiga* „время“, множ. ч. *aijat* или *aiat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — нуль.

г) *d* после неслогового *i* ~ *j*, например: *aida* „изгородь“, множ. ч. *aijat*. В Сегозерском р-не без юго-восточного угла — нуль.

д) *b* после неслогового *i* ~ *v*, например: *leibä*, множ. ч. *leivät*.

2. а) Собственно-карельское *hk* ~ *h*, например: *puuhkiu* „метет“, *puuhin* „мету“. В именах *hk* часто оказывается вне чередования.

Собственно-карельское *ht* ~ *h*, например: *leht'i* „лист“, множ. ч. *lehet*.

б) Собственно-карельское *tk* ~ *t*, например: *pitkä* „длинный“, множ. ч. *pität*.

в) Собственно-карельское *sk, šk* ~ *ss, šš* или (в относительно северных местах) *z, ž*, например: *isköu* „колет, бьет“, *issen* или *izen* „колю, бью“; *laškou* „пускает“, *laššen* или *lažen* „пускаю“.

Собственно-карельское *st, št*, ~ *ss, šš*, например: *pistäu* „колет“, *pissän* „колю“; *laštu* „щепка“, множ. ч. *laššut*.

3. *lg* ~ *ll, rg* ~ *rr* или (в относительно северных местах) *l, r*, например: *algu* „начало“, *allušša* (*allus*) или *alušša* „в начале“; *kurgi* „журавль“, *kurret* или *kuret* „журавли“.

ld ~ *ll, rd* ~ *rr*, например: *peldo* „поле“, множ. ч. *pellot*; *parda* „борода“, множ. ч. *parrat*.

4. *ng* остается вне чередования, например: *langa* „нить“, множ. ч. *langat*.

nd ~ *nn*, например: *randa* „берег“, множ. ч. *rannat*.

mb ~ *mm*, например: *ramba* „хромой“, множ. ч. *rammat*.

5. *kk* ~ *k, tt* ~ *t, pp* ~ *p*, а также *č'č' ~ č'*, например: *akka* „старуха“, множ. ч. *akat*; *rotta* „крыса“, множ. ч. *rotat. appi* „тесть“, множ. ч. *apet*; *meč'č'ä* „лес“, множ. ч. *meč'ät*. В ливвиковском наречии сходное чередование имеют и другие долгие глухие согласные, например: *kassu* „коса (на голове)“, множ. ч. *kasat*.

Все эти указания требуют одного дополнения: в северной Карелии вместо *g, d, b, z, ž*, — глухие *k, t, p, s, š*.

Относительно ливвиковского наречия важно заметить, что сильная и слабая ступени согласных там употребляются не совсем так, как в финском языке и в собственно-карельском наречии. Есть два особых случая.

1. В положении между гласными второго и третьего слогов и более отдаленными гласными сочетания звонких согласных в ливвиковском наречии стоят вне чередования ступеней, например: *emändy* „хозяйка“, множ. ч. *emändät*; *vanhemi* „старший“, множ. ч. *vanhembat*.

2. В положении перед дифтонгом второго слога и более отдаленных слогов долгие глухие согласные выступают в слабой ступени, например: *veikoi* (при *veikki*) „братец“, *katoi* „покрыл“, *tapoi* „убил“, *kač'oi* „смотрел“.

В детали не входим.

Ударение в карельском языке не отличается от финского.

Глава III

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ В ДЕЛЕ УСВОЕНИЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Усвоение русской фонетической системы со стороны финнов представляет целый ряд трудностей.

В области гласных трудности еще не очень значительные. Ново для финна *y* в положении твердых согласных, и финн с ним справляется не скоро.

Кроме того, нова для финна система замены гласных в неудараемом положении. Собственно говоря, произношение гласных в неудараемом положении не трудно, трудна именно система замен, создающая расхождения между грамматикой и произношением.

В области согласных трудности громадные. Дело не только в усвоении русских звуков, финскому языку не известных, но и в усвоении целых категорий звуков.

Финну приходится усваивать целую категорию звонких согласных, соответствующих глухим. Правда, *d* в литературном финском языке существует, но оно употребляется только в середине слова. Употреблять его в начале слова финн не привык. Что касается *g, b* и т. д., то они в литературном финском языке вообще не существуют. Правда, в заимствованных словах они пишутся, например: *geologia, biologia*. Но финны редко умеют их правильно произносить.

Далее, финну приходится усваивать целую категорию мягких согласных. Если не говорить о *j*, то в литературном финском языке нет ни одного мягкого согласного.

Затем, финну приходится усваивать целую категорию шипящих согласных, противостоящую категории свистящих согласных. Мы знаем, что финское *s* шепеляво. У некоторых оно шепеляво настолько, что приближается к *ш*. Но для финского языка это отнюдь не создает противостояния категории шипящих согласных категории свистящих, которых в данном языке нет. Такое противостояние в русском языке финну приходится усваивать как совершенно новое явление. Правда, в заимствованных словах *š* (*ш*) пишется. Но финны редко умеют это *š* правильно произносить.

Наконец, финну приходится усваивать целую категорию аффрикат, сложных согласных (*ц, ч'*). В литературном финском языке аффрикат нет; *ts* в произношении финна отнюдь не аффриката.

Добавим, что финну приходится усваивать и некоторые отдельные согласные. В первую очередь тут надо назвать *х* и *ф*. Но эти согласные (заднеязычные) отнюдь не совпадают с финским *h* (фарингальным).

В конце концов из 35 русских согласных финна не затрудняют только 10: *к, й, т, с* (если отвлечься от того, что финское *s* обычно выступает как шепелявое), *н, л* (если отвлечься от особенностей финского *l*), *р, п, в, м*.

В области ударения никаких особых трудностей для финна нет. Новостью для него является только подвижный характер русского ударения.

Трудности облегчаются для финна в том случае, если он хорошо владеет шведским или английским языком.

Методисты должны обратить исключительное внимание на обучение финнов правильному русскому произношению. По-видимому, прибегать надо не столько к теоретическим указаниям, сколько к упорной, систематической, целесообразно поставленной, хорошо разъясняемой практике. Успех не может быть быстрым. Во всяком случае не-русский "акцент" у финна, если он не имеет особых способностей к усвоению иноязычного произношения, неизбежно будет сохраняться довольно долго.

* * *

Усвоение русской фонетической системы со стороны карел представляет несравненно меньше трудностей, чем со стороны финнов: фонетика карельского языка сблизилась с русской. Все же с трудностями в усвоении русского произношения считаться приходится.

Карел в области гласных встречается с теми же трудностями, что и финн. Надо, однако, сказать, что в карельский язык входят некоторые русские заимствования с *ы*, после твердых согласных, и большинство карел уже приучилось правильно его произносить.

В области же согласных, в противоположность финну, карел встречается с очень немногими трудностями.

Ни с какими новыми категориями согласных карелу, изучающему русский язык, не приходится встречаться — карельский язык давно усвоил русские категории согласных. В особом положении находятся только северные карелы: им приходится заново усваивать категорию звонких согласных, соответствующих глухим.

Есть одна категория согласных, которую карелу приходится, так сказать, дорабатывать. Это категория мягких согласных. В карельском языке из мягких известны, кроме *ж*, только переднеязычные. Между тем, в русском языке есть также мягкие заднеязычные (*г', к', х'*) и мягкие губные (*б', п', в', ф', м'*), причем последние играют весьма важную роль (*т'иб'а* "тебя", *п'ятка* "пятка", *в'ал'ий* "вялый", *граф'ат* "графят", *м'уса* "мясо" и т. п.). Надо, однако, сказать, что в карельский язык входят многие заимствования по крайней мере с мягкими губными, и большинство карел уже приучилось произносить их правильно. Поскольку категория мягких согласных, хотя и не до конца развитая, в карельском языке есть, овладение этой категорией во всей полноте существенно облегчено. Как известно, для карела трудности в овладении мягкими губными

невелики. Это видно из того, что карел, вообще говоря, обращается прямо к мягким губным, не прибегая к подстановке вместо них сочетаний твердой губной + *й* (т. е. не прибегая к произношению *т'иб'а́*, *п'ятка* и т. п.). Финн на первых порах прибегает всегда к такой подстановке.

Отдельные русские согласные в карельском языке отсутствуют. Так, в карельском языке нет *ц*. Однако заимствования с *ц* входят в карельский язык и большинство карел произносит его правильно. Усвоение его дается легко, так как категория аффрикат в карельском языке существует. Никогда не бывает так, чтобы карел подставлял *тс* вместо *ц*. Кроме того, в карельском языке отсутствуют *х* и *ф*. Но они через русские заимствования усваиваются без большого труда.

Необходимо указать, что некоторые русские согласные имеют несколько иной оттенок, чем соответствующие карельские. Так, карельские *жс* и *шс* во многих диалектах несколько иные, чем русские. В некоторых диалектах средней Карелии *щ'* обладает минимумом шипящести, приближаясь к *щ'*. Во многих диалектах *л* несколько иное, чем русское. В овладении русскими оттенками этих согласных лежат, пожалуй, наибольшие трудности для карел. Чтобы не было неясностей, необходимо подчеркнуть, что дело касается не всех карел: в некоторых диалектах (особенно в южной Карелии) оттенки перечисленных согласных те же, что в русском языке.

В области ударения никаких особых трудностей для карела, как и для финна, нет.

Методистам намного легче обучать правильному русскому произношению карел, нежели финнов, хотя ни в коем случае не следует преуменьшать и трудностей. Значительно сложнее дело обстоит при обучении русскому языку северных карел, которым, как и финнам, чужды звонкие согласные, имеющиеся в других карельских наречиях параллельно с глухими согласными. К проблеме обучения карел правильному русскому произношению необходимо отнестись с величайшим вниманием.

* * *

Усвоение финской фонетической системы со стороны карел дается без особенного труда, особенно в области согласных.

Карелу, изучающему финский язык, усвоение финских долгих гласных также не представляет большого труда. Есть диалекты (например, по р. Видлице), где все финские долгие гласные налицо.

В области согласных карел, изучающий финский язык, находится в весьма своеобразном положении. Решительно все финские согласные в карельском языке есть. Вместе с тем в карельском языке есть много согласных, неизвестных финскому языку. В связи с этим карелу при изучении финского языка приходится подставлять вместо целых групп своих согласных один согласный: вместо *g, k* — только *k*, вместо *d, d', t, t'* — только *t*, вместо *z, z', s, s', ž, š* (шести согласных) — только *s*, вместо *n, n'* — только *n*, вместо *l, l'* — только *l*, вместо *r, r'* — только *r*, вместо *b, p* — только *p*. Вместо *č' (č'č')* и *dž'* карелу приходится подставлять сочетание *ts*. Северному карелу приходится в меньшей мере прибегать к подстановкам, так как в его речи нет звонких согласных, соответствующих глухим. Привычка подставлять дается карелу не сразу. Особенно упорно держится употребление мягких согласных. Даже карел, весьма

преуспевший в изучении финского языка, склонен произносить *s'indä* „ты“, *on'n'i* „счастье“, *n'ietä* „мысль“, *mal'l'i* „образец“ и т. п. (по-фински тут мягкости нет).

Карелу нелегко овладеть финской системой чередования ступеней согласных. Особенно трудно приходится карелу-людю, речь которого не знает чередования ступеней согласных. Но трудности существуют и для любого другого карела, так как карельская система чередования согласных вообще не совпадает с финской. Особенно трудно карелу усвоить финское чередование *t* с *d*.

У карела на месте этого чередования чередование *d* с нулем, *v* или *j*. Можно заметить, что там, где у финна *t*, у карела *d*, а там, где у финна *d*, у карела нуль, *v*, *j*. Финское *d* никогда не совпадает с карельским *d*. Сравните: финск. *pata* „горшок“, множ. ч. *padat* при карельск. *pada*, множ. ч. *puat*; финск. *mato* „червь“, множ. ч. *madot* при карельск. *mado* „змея“, множ. ч. *mavot*; финск. *aita* „изгородь“, множ. ч. *aidat* при карельск. *aida*, множ. ч. *aijat*. На особом положении оказываются только северные карелы. В соответствии с финским *t* у них оказывается *t*, следовательно, сильная ступень в данном случае их не затрудняет. Но в соответствии с финским *d* у них оказывается нуль, *v*, *j*. Следовательно, на слабой ступени приходится заменять нуль, *v*, *j* через *d*, а согласного *d* в северно-карельской речи нет. Возникает трудность произношения.

В области ударения карельский язык не отличается от финского; следовательно, финскому ударению карелу не приходится обучаться.

Методистам надо проработать проблему обучения карел правильному финскому произношению очень внимательно. Особенное внимание необходимо обратить на чередование ступеней согласных.

Г. Н. МАКАРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ СЛОЖНОГО СЛОВА ОТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема сложного слова теснейшим образом связана с проблемой „отдельности слова“, а также с вопросом о фразеологической единице и словосочетании¹. Эта проблема является особенно важной для финноугорских языков и, в частности, для финского языка, т. к. здесь не существует резкой границы между сложным словом и словосочетанием. Наиболее продуктивным способом обогащения словарного запаса литературного финского языка наряду с суффиксальным словообразованием в области имен существительных является словосложение. Сложные слова в словарном составе финского языка по сравнению с некоторыми другими языками составляют исключительно большой процент. В этом можно убедиться хотя бы на примере подсчета количества сложных слов перевода на разные языки „Предисловия автора“ в романе М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“. В небольшом художественном отрывке (около 50 строчек) в русском тексте имеется два сложных слова, в немецком переводе 14, в английском 12, в эстонском 21, а в финском 24, в том числе 17 сложных имен существительных.²

В финском языке все части речи могут вступать в соединительные отношения между собою и друг с другом и образовывать сложные слова. Вопросы сложного слова в финской языковедческой литературе затрагивались в ряде работ³, однако проблема отграничения сложного слова от словосочетания в них ставилась только применительно к практическим требованиям школьного обучения правописанию. Исследуя многочисленные случаи правописания сложных слов в своей работе „Руководство по фонетике и правописанию финского языка“,

¹ Словосочетание понимается не в прямом смысле слова как любое сочетание слов, а как форма синтаксической связи слов в предложении, как определенная синтаксическая единица.

² Подсчет на основании орфографии (слитного написания слов).

³ А. Ahlqvist. Lilttosyntysistä nominelista suomen kielessä, „Kieletär“, 1872, 2. vihko, стр. 29—44 (А. Альквист. Образованные по способу сложения имена существительные в финском языке.); М. Airila. Suomen kielen yhdysadjektiivit, „Virittäjä“, 1938, 3. vihko, стр. 357—363 (М. Айрила. Сложные имена прилагательные в финском языке.); М. Sadeniemi. Lukusanoista yhdysanan alkuosana, „Virittäjä“, 1954, 3. vihko, стр. 341—344 (М. Садениеми. О числительных в качестве первого компонента сложного слова.); Н. П. Мичурина. Сложные слова с падежно-исоформленным первым компонентом в финском языке, Советское финноугроведение, I, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковедч. наук, вып. 2., 1948, стр. 139—147 и др.

А. Пенттиля признает, что „очень трудно дать общие и обязывающие советы, на основании которых пишущий во всех случаях мог бы решить, образуют ли два или несколько слов (*sanaajono*) в финском языке сложное слово или словосочетание (*sanalilitto*)“,¹ понимая под „словосочетанием“ в данном случае лишь раздельное написание слов-компонентов, которые в сложном слове должны бы писаться слитно. Для решения этого вопроса в каждом конкретном случае автор „Руководства“ отсылает читателя к словарям. Толковый же словарь современного финского языка („*Nykysuomen sanakirja*“) в таких случаях, приводя то или иное заглавное слово в качестве сложного слова, то и дело сопровождает его пометой „*paremmin*“ „лучше раздельно“, или „*työds*“ „также раздельно“, давая, таким образом, возможность читателю решить самому, считать ли данное образование сложным словом или словосочетанием.

Определение сложного слова в школьном учебнике финского языка У. Туурала звучит так: „Сложные слова—это такие слова, которые можно расчленишь на два или более самостоятельных слова“.²

Здесь же дается следующее определение словосочетания: „Два слова, которые в предложении тесно связаны друг с другом (*kuuluvat lähsesti yhteen*), иногда образуют не сложное слово, а словосочетание, например: *niin kauan kuin* „до тех пор, пока“, *ensi kerran* „первый раз“, *viime kuussa* „в прошлом месяце“, *tällä tavoin* „таким образом““.³

Такое определение словосочетания является не совсем четким, и не все приводимые автором примеры могут рассматриваться как синтаксические словосочетания. По этому определению и примеру, который здесь приводится (*niin kauan kuin*), словосочетаниями могут считаться только устойчивые обороты речи. Словосочетание понимается и толкуется автором учебника не как грамматическое единство и не как синтаксическая единица, а как „тесно связанные друг с другом слова“, т. е. устойчивые обороты речи или фразеологические единства. Понятие „тесная связь“, о котором говорит У. Туурала, понимается здесь как устойчивая связь, идущая иногда вразрез с современными нормами языка. В приводимых им примерах такая связь представлена довольно редким исключением из общих правил согласования определения с определяемым в современном финском языке: *tällä tavoin* (вместо *tällä tavalla*).

Вопроса сложного слова и словосочетания касается Д. В. Бубрих в своей работе „Историческая морфология финского языка“, где он говорит, что различие сложных слов и словосочетаний не всегда является легким и что все сложные слова возникли из словосочетаний или по аналогии со словами, возникшими из словосочетаний⁴. Подробно рассматривая принципы образования сложных слов, в своем изложении Д. В. Бубрих не дает формулировки понятия словосочетание, подразумевая под этим (как это выясняется из дальнейшего изложения), очевидно, лишь такие сочетания имени прилагательного с именем существительным, которые связаны согласованием в числе и падеже и которые в отличие от сложных слов пишутся раздельно.⁵

Тем не менее Д. В. Бубрих приводит правильный критерий отграничения сложного слова от словосочетания, хотя и не до конца раскрывает его. Он говорит об отсутствии „морфологического порога“ (т. е. грамматического оформления.— Г. М.) между двумя единицами в качестве условия для „трактовки совокупности этих единиц как одной сложной единицы“¹. По такому определению безотносительно к частям речи в разряд „одной сложной единицы“, т. е. сложного слова, по мнению Д. В. Бубриха, должны войти и такие сочетания слов, в которых один из компонентов выражен несклоняемым прилагательным, местоимением или наречием, например: *se on aito hopeata* „это чистое серебро“, *pikku tytöllä* „у маленькой девочки“, *koko vuodessa* „в течение всего года“, *joka miehellä* „у каждого человека“, *aika nopeasti* „довольно быстро“ и т. д. (см. на стр. 31). Здесь же автор замечает, что „если из двух единиц, расположенных в твердом порядке (т. е. определение предшествует определяемому.— Г. М.), первая оформлена, связывание их в одну сложную единицу происходит гораздо труднее“². В целом это — правильное положение, но специфика финского языка такова, что „связывание различных единиц в одну сложную“, т. е. образование сложного слова, происходит значительно проще, чем, например, в русском языке. В финском языке мы имеем и такие „сложные“ слова, первый компонент которых может быть в любом из падежей парадигмы финского склонения. Встречаются и такие „сложные“ слова, первый компонент которых имеет при себе: притяжательный суффикс, например³: *paik-kansapitämätön* „не соответствующий (досл. своей) действительности, не состоятельный“, *paikallaanpolkeminen* „топтанье на (досл. своем) месте“; *puoleensavetävä* „привлекательный, привлекающий (досл. на свою сторону тянущий)“; усиленную часть: *toisenkinlainen* „и даже другого рода“; суффиксы сравнительной степени: *heikompiuskoinen* „менее верящий“, и даже сочинительный союз между компонентами: *kolmejapuolivuotinen* „трех с половиной лет (досл. три- и половина-годичный)“ и т. д.

С другой стороны, в поэтических памятниках более древней поры и в языке „Калевалы“ имеются примеры раздельного употребления неформленного первого компонента в сложных словах подчинительного типа, компоненты которых выражены именами существительными, обозначающими материал. Раздельность употребления компонентов может быть выражена путем отсечения первого компонента от второго и вставки между ними какого-либо другого слова, или путем перестановки компонентов, т. е. их обратным порядком. Примеры первого типа: *Vaski on hattu hartioilla* „Медный был шлем на голове (досл. медь был шлем на плечах)“; примеры второго типа:

<i>Lauloi lammet tanterelle,</i>	Сделал он пруды в полянах,
<i>Lampihin siniset sorsat,</i>	На прудах же синих уток,
<i>Kulmat kulta, päi hopea,</i>	Златощеких, среброглавых (досл.
<i>Kaikki varpahat vasesta.</i>	брови золото, голова серебро),
(Kalevala, XXIX, 176—180)	Пальцы медные у уток.
	(перевод Л. П. Бельского)

В конечном итоге о полном слиянии двух единиц в одну сложную, т. е. о переходе словосочетания в сложное слово, по мнению Д. В. Бубриха, можно говорить лишь „при дополнительном условии семантиче-

¹ Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 155.

² Там же, стр. 156.

³ Примеры по цитируемой работе Аарни Пенттиля.

¹ Aarni Penttilä. Suomen kielen äänne- ja oikeinkirjoitusoppi, Porvoo—Helsinki, 1948, стр. 63 (перевод здесь и ниже мой.— Г. М.).

² U. Tuurala. Suomen kielen oppikirja, I osa, Petroskoi, 1941, стр. 29.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка, изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 155, 156.

⁵ Там же, стр. 151.

ско́го сплавления единиц", обусловленного сдвигом в значении целого по сравнению с „суммой“ значений составляющих его единиц, в случаях вроде *maailma* „мир“ (из *maa* „земля“ и *ilma* „открытое пространство, воздух“).¹

Таким образом, в финском языке нельзя говорить о строго определенных правилах образования сложного слова и словосочетания, а соответственно и о способах отграничения сложного слова от словосочетания, поскольку все это зависит от смысловой стороны того или иного образования. Смысловая же сторона образования, как известно, во многом обуславливается контекстом.

С полной определенностью об отграничении сложного слова от словосочетания можно говорить лишь в тех случаях, где налицо имеются определенные материальные показатели, выступающие только или в составе сложного слова, или в составе словосочетания. В финском языке имеются и такого рода показатели, но прежде, чем приступить к их рассмотрению, необходимо выяснить, что понимается под синтаксическим словосочетанием и чем оно отличается от сложного слова.

В связи с тем, что мы не располагаем удовлетворяющим нас определением понятия словосочетание в финской языковедческой литературе, считаем возможным обратиться к теории словосочетания, разработанной в русской синтаксической науке, и на основании ее положений подойти к решению вопроса об отграничении сложного слова от словосочетания в финском языке, учитывая, конечно, всю специфику последнего.

В русской синтаксической литературе вопрос о словосочетании привлекал внимание ученых еще со времен М. В. Ломоносова, который заложил фундамент для изучения синтаксических связей слов, основываясь на учении о частях речи.² В дальнейшем к этому вопросу обращался целый ряд крупных лингвистов. А. Х. Востоков дал глубокое исследование взаимодействия синтаксических связей с лексико-семантическими категориями и наметил основные формы и типы словосочетаний русского языка.³ А. М. Пешковский называет синтаксис „отделом грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний“, но увлекшись изучением форм словосочетаний, смешивает понятие предложения и словосочетания.⁴ А. А. Шахматов один из разделов своего „Синтаксиса русского языка“ называет „Учением о словосочетании“, понимая под словосочетанием „соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних слов от других“.⁵ Признавая формальную сторону словосочетания как „соединение слов“ и как „грамматическое единство“, А. А. Шахматов между тем приравнивает словосочетание к предложению и утверждает, что „предложение, состоящее из двух и более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным, отличающимся по форме от словосочетания „интонацией“, а со стороны значения „соответствием единице мышления“.⁶ Незаконченными

¹ Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 156—157.

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII, Труды по филологии АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 557 и след.

³ А. Х. Востоков. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб, 1831.

⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 64.

⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 2-е изд., Учпедгиз, 1941, стр. 276.

⁶ Там же, стр. 274.

словосочетаниями А. А. Шахматов называет сочетания второстепенных членов предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу.

По-новому к исследованию словосочетаний подошел академик В. В. Виноградов, который в своих многочисленных трудах по языку, развивая это учение, создает свою теорию словосочетания, которая представляет собою последовательную систему в решении вопроса о взаимоотношении словосочетания и предложения. В одной из последних работ, в „Введении“ к академической „Грамматике русского языка“, В. В. Виноградов устанавливает основные критерии различения словосочетания от слова и от предложения. Словосочетанием он называет „грамматические единства, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения“.¹

Словосочетание ставится в связь с предложением как его составной элемент. Он пишет: „Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных средств языка... Рассматриваемые вне предложения словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов“.² Здесь даны критерии словосочетания, отличающие его как от предложения, так и от слова. По своему объему словосочетание шире, чем слово, и представляет собою сочетание не менее двух полнозначных слов, но по своей роли в предложении словосочетание приближается к отдельному слову. Однако по теории В. В. Виноградова не всякое сочетание двух, даже полнозначных, слов может быть названо словосочетанием. Словосочетанием не может быть, например, сочетание существительного (в роли подлежащего) с глаголом или другой частью речи (в роли сказуемого).

Не могут быть словосочетаниями и составные и сложные числительные вроде *пятьсот, двадцать три*, сравни финск. *viisisataa, kaksikymmentä kolme*; сложные местоимения типа *неизвестно кто, кто угодно, невесть что*, сравни финск. *sinne tänne* „туда-сюда“ и др.; сложные временные глагольные формы типа *стал учиться, буду учиться*, сравни финск. *aloin lukea* „начал читать“, *riipaan opiskelamaan* „буду учиться“; *olen lukenut* „я читал“ (перфект), *olin lukenut* „я прочитал“ (плюсквамперфект); или сложные глаголы типа *saada aikaan* „исполнять, производить, добиваться, причинять“ (сравни *aikaansaada* с тем же значением), *kirjoittaa alle* „подписать“ (сравни *allekirjoittaa* с тем же значением); *ottaa vastaan* и *vastanoittaa* „принимать“ и т. д. Не следует считать синтаксическими словосочетаниями по теории В. В. Виноградова также и фразеологические единства типа „бог знает где“, „неведомо почему“, сравни финск. *aika ajoittain* „время от времени, временами“, *askel askelelta* „шаг за шагом“, *maan suola* „соль земли“, *nousevan auringon maa* „страна восходящего солнца“ и др., т. е. все то, что не представляет собою синтаксического сочетания слов, а является сложными формами времен глагола, формами составных числительных, фразеологизмами и т. п.³

Свободными синтаксическими словосочетаниями по этой теории являются лишь такие сочетания двух и более самостоятельных слов,

¹ В. В. Виноградов. Грамматика русского языка (Введение), т. II, ч. I, АН СССР, 1953, стр. 10.

² Там же, стр. 10.

³ В. В. Виноградов, цитируемая работа, стр. 21.

которые состоят из полнозначных, не служебных слов и которые внутри предложения образуют грамматическое единство, выраженное формами согласования в числе и падеже (при именах), согласования во времени и числе (при глаголах) или примыкания (при наречиях и некоторых именах прилагательных). Такие словосочетания обозначают сложные понятия, расчленяемые на отдельные составные компоненты или отдельные слова, которые могут быть как простыми, так и сложными. Слова обозначают отдельные понятия.

Исходным положением при решении этого вопроса следует считать то, что словосочетание — это синтаксическая, а сложное слово — лексическая единица. Словосочетание как грамматическое единство возникает из сочетания самостоятельных слов по правилам данного языка, а сложные слова, как правильно указывал Д. В. Бубрих, в финском языке возникают из словосочетаний или по аналогии со словами, возникшими из словосочетаний. Правила формирования словосочетания вытекают из морфологических свойств разных частей речи с присущим каждой из них кругом форм и категорий.

* * *

Сложное слово от простого отличается довольно легко, ибо необходимым условием для образования сложного слова является наличие минимум двух компонентов, имеющих значение самостоятельных слов. Поэтому слова, присоединяющие к себе различные частицы, как например: *-kin*, *-han* (*-hän*), *-pa* (*-pä*), *-s* и др. не могут считаться сложными словами, т. к. указанные частицы, употребленные отдельно от слов, к которым они относятся, не имеют самостоятельного значения и морфологического оформления. Встречается, кроме того, ряд по происхождению сложных слов, в которых один из компонентов или оба компонента настолько изменили свою первоначальную форму и значение, что в современном языке восстановление их самостоятельного значения или реставрация формы представляет большую трудность. Поэтому некоторые из них воспринимаются уже не как самостоятельные слова, а как частицы или суффиксы. Примером стирания первоначального значения слов-компонентов в составе сложного слова могут служить такие слова, как *niinikään* „также“, *vartavasten* „специально, с умыслом, нарочно“, *ylimalkaan* „приблизительно“ и др. Примером перехода самостоятельного слова в суффикс может служить современный суффикс *-mainen* (*-mäinen*), образованный от слова *maa* (*laji*, *laatu* „качество“) + *inen* и обозначающий вместе „подобный тому, что выражено коренным словом“: *poikamainen* „подобный мальчику“, *lapsimainen* „подобный ребенку“ и др.¹

Jos ei olisi kovin romaani-
nimaista, niin sanoisin, että
yritin vihata sinua.
(*Nokelainen*, „Tie päättyy...“)
Taidan olla ämmämäinen,
sanoi Armas alvan ääneen.
(*Joenpelto*, „Kivi palaa“)

Если бы это не казалось
слишком надуманным (досл.
подобным роману), то я
сказал бы, что я пытался
ненавидеть тебя.

Пожалуй, я как баба
(досл. подобен бабе), — ска-
зал громко Армас.

¹ Сложных суффиксов, образованных от слов с самостоятельным значением в финском языке имеется несколько: *-moinen* (из *tuolto* „форма“): *kaikenmoinen* „всевозможный“; *-lainen* (из *laji* „качество“): *pitkänlainen* „длинноватый“, *kaikenlainen* „всевозможный“ и др., см. А. Ahlqvist, цитируемая работа, стр. 32.

Сложное слово при своем разложении на составные части должно давать такие компоненты, которые могли бы восприниматься в современном языке как самостоятельные слова. Критерием самостоятельности слова, кроме его внутренней целостности, может считаться в финском языке способность слова получить грамматическое оформление. У имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений это выражается в форме признаков числа и падежных окончаний в парадигме склонения, у глаголов — в форме личных окончаний, признаков числа, времени, наклонения и т. п. Если же один из компонентов окажется неизменяемым словом и не получает грамматического оформления, как например, некоторые несклоняемые имена прилагательные, местоимения, наречия или междометия, то, чтобы считать его самостоятельным словом, оно должно выполнять присущие ему функции в предложении и иметь характеризующие его признаки. Например, несклоняемое прилагательное могло бы выступать в роли определения имени существительного: *aino pala* „большой кусок“; неизменяемое наречие в роли обстоятельства при имени прилагательном: *aika kaunis* „довольно красивый“; междометие — получать определение: *Se (runo) oli pelkkää ai-oi, ah-voi, aamun kol... (Tihlä, „Lehti kääntyy“)* „Оно (стихотворение) было чистое ай-яй, ах-ой, словно утренняя заря...“ Прилагательное, кроме того, должно иметь возможность определяться наречием: *kokolaillla kelpo mies* „довольно хороший человек“.

Таковы критерии при решении вопроса о самостоятельности компонентов сложного слова.

При отграничении сложного слова от словосочетания следует учитывать, что основным признаком отдельности любого слова, в том числе и сложного, в отличие от словосочетания, является грамматическая цельнооформленность слова, которая материально может быть выражена фонетически (объединяющим ударением), морфологически (наличием особых элементов, выступающих только в составе сложного слова) и синтаксически (своеобразным порядком слов, наличием определений и т. д.).

При каждом из этих показателей цельнооформленности сложного слова должно иметь место явление, которое не находит материального выражения (если отвлечься от правил орфографии: сложные слова пишутся слитно, а словосочетания раздельно), но которое обязательно входит во внутреннее содержание сложного слова — это смысловое единство составляющих сложное слово компонентов. Слагаемые компоненты дают не „сумму“ понятий, а новое единое понятие, нечто „целое“: $A + B = C \neq AB$. Это „целое“ („C“) может очень резко расходиться с „суммой“ („AB“) или ограничиться только незначительным оттенком смысловозначительного характера. На этом основании в финском языке можно выделить так называемые „классические“ сложные слова, когда семантическая спаянность компонентов достигает наивысшей степени и образование в целом мыслится не как сумма слагаемых, а как неразложимое понятие, как идиома. К таким идиоматическим образованиям можно отнести сложные слова типа:

<i>karjunhammas</i>	„головня (досл. зуб борова)“
<i>kannunvalaja</i>	„политикан (досл. лудильщик чайника)“
<i>katinkulta</i>	„слюда (досл. кошачье золото)“
<i>leskenjuoksu</i>	„горелки (досл. вдовий бег)“

В связи с тем, что первый компонент в этих образованиях оформлен генитивно, они могли бы формально образовать словосочетание.

(сравни их дословный перевод), но смысловая сторона „целого“ не допускает раздельного употребления составляющих компонентов.

К такого рода сложным словам можно отнести в финском языке и такие образования, первый компонент которых грамматически не оформлен и стоит в форме номинатива, например: *kynäsota* „полемика (досл. карандаш-война)“, *pöytäkirja* „протокол (досл. стол-книга)“, *pesukarhu* „енот (досл. мойка-медведь)“, *puuvilla* „хлопок (досл. дерево-шерсть)“, *mustasukkainen* „ревнивый (досл. черно-чулочный)“, *isoisä* „дедушка (досл. большой отец)“, *pikkuserkku* „троюродный брат, троюродная сестра (досл. маленький двоюродный брат, маленькая двоюродная сестра)“ и т. д. „Целое“ в данном случае не соответствует „сумме“ и разложение на составные компоненты таких образований может привести лишь к раскрытию этимологической природы образования, а не выявлению синтаксических отношений между компонентами. Цельнооформленность здесь совпадает с идиоматичностью образований и причисление их к „отдельной единице речи“ т. е. к сложному слову, не вызывает никакого сомнения.

По этой же модели в финском языке образовано множество других сложных слов, в которых идиоматичность выражена не так ярко или доведена до минимума, например: *kevätuuli* „весенний ветер (досл. весна-ветер)“, *talvipäivä* „зимний день (досл. зима-день)“ и т. д.

В финском и других прибалтийско-финских языках, где богато представлены формы согласования в числе и падеже определения с определяемым, на фоне изменяемости одних слов неизменяемость других слов той же категории (части речи) может служить показателем того, что данное слово является не самостоятельным словом, а частью другого слова, т. е. компонентом сложного слова¹. Основную группу таких сложных слов в финском языке составляют сложные слова с падежно-неоформленным первым компонентом, выраженным именем существительным. Существительное, стоящее в форме номинатива перед другим существительным, служит определением последнего (по нормам финноугорских языков определение всегда предшествует определяемому, за исключением случаев, вызванных стилистическими соображениями). Поэтому компонент сложного слова, стоящий первым, определяет последующий. Смысловую нагрузку несет на себе второй, определяемый компонент. Например, сложное слово *sokeripala* состоит из двух слов: *sokeri* „сахар“ и *pala* „кусочек“, вместе означают „кусочек сахара“. С изменением порядка компонентов: *palasokeri* — изменится и смысл, определяющим становится слово *pala* „кусочек“, а определяемым слово *sokeri* „сахар“, вместе означают „кусочек сахара“. То же самое со словами *vesisade* и *sadevesi*: первое означает „дождь (досл. вода-дождь)“, второе же — „дождевая вода“; слова *ikälorppi* и *lorppiikä*: первое означает „престаре-

¹ Примечание. В других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках, где определение не согласуется с определяемым, такие образования принято относить не к сложным словам, а к определительным словосочетаниям с типом связи примыкание, например, мордовское: *тумо лопа* „дубовый лист (досл. дуб-лист)“, *теле чи* „зимний день (досл. зима-день)“, см. М. Н. Коляденков. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ч. II, синтаксис, Саранск, 1954, стр. 48; марийское: *олма сад* „яблоневый сад (досл. яблоко-сад)“, *колхоз пасу* „колхозное поле (досл. колхоз-поле)“, см. Я. Г. Григорьев. Марийский язык, Йошкар-Ола, 1953, стр. 177; коми: *пу пань* „деревянная ложка (досл. дерево-ложка)“, *ыргон пёрт* „медный котел (досл. медь-котел)“, см. А. Сидоров. Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар, 1950, стр. 35; венгерское: *arany óra* „золотые часы (досл. золото-часы)“, *selfet hai* „шелковые волосы (досл. шелк-волосы)“, см. И. Балашша. Венгерский язык (перевод с венгерского), М., 1951, стр. 326.

лый, отживший свой век“, а второе — „конец, последняя часть жизни“, *juhlavuosi* „юбилейный год“, а *vuosijuhla* „годовщина“, *työpiirustus* „рабочий чертеж“, а *piirustus työ* „чертежная работа“, *katto-olki* „солома для крыши“, *olkikatto* „соломенная крыша“, *raha hopea* „серебро для чеканки монет“, а *hopearaha* „серебряная монета“, *pelikortti* „игральная карта“, а *korttipeli* „карточная игра“ и т. д.

В отдельных случаях разница улавливается труднее, например: *emokarhu* означает „медведица (досл. мать, самка-медведь)“, дается характеристика по отношению к детенышам, а *karhuemo* означает также „медведицу (досл. медведь-мать, самка)“, но характеристика дается по отношению к полу; *automaattipuhelin* означает „телефонный аппарат“, подключаемый в автоматическую телефонную сеть, а *puhelinautomaatti* означает „телефон-автомат“, выставленный для общего пользования и т. д.

Следует, однако, отметить, что лишь незначительное количество слов допускает перестановку компонентов с сохранением смысловой целостности образования. Например, возможно образование *talvipäivä*, что означает „зимний день“, но логически невозможно образование с обратным порядком тех же компонентов: *päivätalvi*. В таком случае это означало бы „дневная зима“ и т. д.

При склонении сложного слова первый компонент, выраженный именем существительным, остается без изменения и таким образом выпадает из категории самостоятельного слова.

Сложные слова с первым компонентом, выраженным именем существительным в форме номинатива, в большом количестве случаев соотносительны со словосочетаниями, в которых определяющий компонент выражен именем прилагательным, производным от этого же имени существительного, например: *kivitalo* и *kivinen talo* „каменный дом“, *aamurusko* и *aamuinen rusko* „утренняя заря“, *hallavuosi* и *hallainen vuosi* „год, когда много заморозков“, *kevätaurinko* и *keväinen aurinko* „весеннее солнце“, *talvi-ilta* и *talvinen ilta* „зимний вечер“, *punalippu* и *punainen lippu* „красный флаг“.

Отсутствие словоизменительных элементов у первого компонента в образованиях типа *kivitalo*, *aamurusko* и т. д. служит, таким образом, показателем несамостоятельности слова и вместе с тем показателем цельнооформленности сложного слова. Связь между компонентами такого образования представляется тесной и неразрывной.

Неоформленным в качестве первого компонента сложного слова может выступать также имя прилагательное: *isovanhemmat* „предки (досл. большой-старшие)“, *opiskella korkeakoulussa* „учиться в высшей школе, вузе (досл. высокий-школе)“, *olla mustassa piikätäkissa* „быть одетым в черный сюртук (досл. длинный-пиджаке)“, *matalameren vuohyke* „зона подводного продолжения материка (досл. мелкий-моря)“ и т. д. Примеры в тексте:

Miksi puhuikaan tuota tuollaista kuin jotkut isovanhemmat joskus keskenään.
(Joenpelto, „Kivi palaa“)

Почему только он говорил такое, подобно каким-то старикам (досл. большой-старшие), когда-то говорившим между собою.

Ei se ollut kotoaan kauempana kuin Laihialammella.
(Joenpelto, „Kivi palaa“)

Он никогда не отлучался от дома дальше Лайхалампи (досл. на Лайхаламбе).

Mantereiden lähelsyydes-
sä sijaitsee matalameren vyö-
hyke I. shelf, syvyys enin-
tään 200 m.
(„Nykysuomen sanakirja“)

Вблизи от суши нахо-
дится зона подводного про-
должения материка (досл.
мелкое-моря), так наз.
шельф, глубина которого
не более 200 м.

Однако таких примеров в финском языке очень немного. Как при-
вило, имя прилагательное с именем существительным образует сво-
бодное синтаксическое словосочетание с самостоятельным оформлением
составных компонентов, например: *iso poika* „большой мальчик“,
isolla pojalla „у большого мальчика“, *isolle pojalle* „большому маль-
чику“ и т. д.

Вместе с тем в финском языке имеется немногочисленная группа
устоявшихся образований (принятых в финских грамматиках относить
к сложным словам), первый компонент которых выражен также каче-
ственным прилагательным типа *nuori* „молодой“: *nuorimies* „молодой
человек, холостяк“; *vieras* „чужой“: *vieras mies* „свидетель“; *pitkä*
„длинный“: *pitkäsiima* „перемет (досл. длинная леса)“; *uusi* „новый“:
Uusimaa „Ньюланд (досл. Новая земля)“; *Vähäkuro* „Вяхякюро
(досл. Малое Кюро)“; или местоимением *oma* „свой“: *omatunto*
„совесть (досл. свое чувство)“ и т. д.

При склонении этого образования первый компонент имеет такое
же оформление, как и второй, т. е. согласуется со вторым компонен-
том в числе и падеже, например: *nuortamiestä* „молодого человека“,
nuorellemiehelle „молодому человеку“ и т. д. Примеры в тексте:

Ja niitä hän järjesteli pa-
reiksi: rikkaita vanhojapii-
koja köyhille nuorillemie-
hille, köyhiä nuoria tyttöjä
varakkaille vanhoillepojille.
(Talvio по „Nykysuo-
men sanakirja“)

И потом он устраивал их
парами: богатых старых дев
за бедными холостяками,
бедных молодых девушек за
состоятельными старыми хо-
лостяками.

En halunnut omalletun-
nolleni kenenkään salrautta,
kenties kuolemaa.
(Nokelainen, „Tie päät-
tyy...“)

Я не хотел брать на свою
совесть (досл. на свое-на чув-
ство) ничьей болезни, тем
более смерти.

По самостоятельности склонения компонентов не следует считать
сложным словом также местоимение *jompikumpi* „который-либо
(из двух)“. При склонении у этого сложного местоимения изменяются
по падежам и числам оба компонента, которые по традиции принято
писать слитно, например: *jommassakummassa*, *jommallakummalla* и т. д.

Kävi nyt yhä useammin
niin, että kun jommankum-
man, Hilman tai Kustaan,
puhe sattumaltaan kosketti
jotain plihartilista, niin...
(Sillanpää, „Nuorena nuk-
kunut“)

Все чаще и чаще случалось
так, что когда речь которого-
либо (из двух), Хильмы или
Кустаа, случайно касалась ко-
го-либо из плихтарцев, то...

Kerran sattui, että joku
mökkiläinen esitti asiansa

Однажды случилось, что
какой-то хуторянин толковал

niin, että siinä oli lähellä
Kustaa ja joitakuuta multa-
kin miehiä.
(Sillanpää, „Nuorena nuk-
kunut“)

хозяину о деле, когда побли-
зости находился Кустаа и
несколько других мужчин.

Указанные здесь образования не могут являться сложными сло-
вами в силу самостоятельности оформления компонентов, а представ-
ляют собою фразеологические единства, принятые в финских источни-
ках обычно писать слитно. Но при богато развитой современной
системе склонения для слитного написания их нет никакого основа-
ния. Поэтому не случайно, что в их написании имеется разноречивость.
У одного и того же писателя, в одном и том же произведении они
могут встречаться как слитно, так и раздельно, а „Современный тол-
ковый словарь финского языка“, приводя их в слитном написании,
сплошь и рядом сопровождает пометой „*muods*“ „также раздельно“
или „*paremmiin*“ „лучше раздельно“.

Поэтому, если исходить из того, что основным признаком любого
слова, в том числе и сложного слова, является его цельнооформлен-
ность, выраженная определенными материальными показателями,
то приведенные здесь образования таких показателей цельнооформ-
ленности не имеют. Связь между компонентами в них зиждется только
на семантической спаянности. Самостоятельность компонентов в них
формально сохраняется полностью, абсолютно. К категории сложных
слов их можно причислить лишь на основании семантического при-
знака, но поскольку семантический признак служит лишь „дополни-
тельным условием“ (Д. В. Бубрих) всех сложных слов в отличие
от словосочетаний, то выделять его в особый критерий нет основания.
Следовательно, такие образования с согласующимися в числе и падеже
компонентами выпадают из категории сложных слов. По самостоятель-
ности компонентов их следует относить к фразеологическим единствам
типа *seitsemäs taivas* „седьмое небо“, *maan suola* „соль земли“, *lbu-
lyn lyömä* „взбалмошный, сумасбродный (досл. паром ударенный)“,
tuhat tulimmaista „тысяча чертей (досл. тысяча самых горячих)“
и др., которые внешне напоминают словосочетания, но отличаются
от них своей „семантической спаянностью“. Внешние показатели
цельнооформленности у фразеологических единств отсутствуют. Фра-
зеологические единства в отличие от лексических единиц, т. е. слов
(в том числе и сложных слов), могут быть раздельнооформленными.
Фразеологические единства, как и слова, входят в состав лексических
средств языка и не всегда поддаются разложению на составные ком-
поненты. Попытка разложения фразеологических единств на составные
компоненты в целом ряде случаев в современном языке ведет лишь
к познанию этимологической природы фразеологического единства,
а не синтаксических функций его компонентов.¹

Сложное слово отличается от словосочетания своим грамматическим
оформлением или грамматическими формами падежа, числа и пр.,
которые материально, во внешних звуковых различиях выражают
разницу между отдельными разновидностями одного и того же слова.
Словосочетание состоит из таких же элементов — слов, но отличается
от слова целым рядом особенностей. Слово, в том числе и сложное,

¹ В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, Труды комиссии по истории Академии наук СССР; вып. 3, посвященный акад. А. А. Шахматову, М.—Л., 1937, стр. 364. Сравни также в книге „Русский язык“, Учпедгиз, 1947, стр. 21—28.

может принимать словообразовательные суффиксы, благодаря которым способно выражать новые понятия, например: *vetäi* „тянуть“ и *veturi* „паровоз (досл. тягач)“, *valokuvata* „фотографировать (досл. свет-изображать)“ и *valokuvaaja* „фотограф“ и т. д., или придавать понятию новый качественный оттенок, например: *lintu* „птица“ и *lintunen* „птичка“, *päivä* „солнце, день“ и *päivyt* „солнышко“ и др. Словосочетания такой возможностью не обладают. Но словосочетания, как и слова, способны изменяться по формам, т. е. обладают системой форм, соотносительной с формами главного слова, например: *punainen lippi* „красный флаг“ (номинатив), *punaista lippua* „красного флага“ (партитив), *punaisista lipuista* „о красных флагах“ (элатив множ. ч.) и т. д.

Простое слово обладает определенными фонетическими признаками, например, гармонией гласных: *ka'a — kalassa* „рыба — в рыбе“, *me'sä — metsässä* „лес — в лесу“; ассимиляцией: *tuollainen* (из *tuon + lajinen*) „такой, таковой, подобный“, (однако: *tällainen* из *tämän + lajinen* „такой“), *tämmöinen* (из *tämän + moinen*) „этакий, такой“; а сложное слово еще и объединяющим ударением¹: *isänmaa* (из *isän + maa*) „отечество“, *vierashuone* (из *vieras + huone*) „гостиная“ и т. д. Словосочетания такими особенностями не обладают.

Для отграничения сложного слова от словосочетания, кроме семантической целостности, выступающей в качестве „дополнительного условия“ при всех случаях образования сложного слова, можно выделить следующие критерии, основанные на фонетических, морфологических и синтаксических явлениях.

а) Фонетический критерий

Фонетическим критерием отграничения сложного слова от словосочетания является ударение¹. Ударение в финском языке за редкими исключениями² всегда стоит на первом слоге слова. При словосложении второе и последующие за ними слова, становясь компонентами сложного слова, полностью или частично теряют свое ударение. Сложное слово получает одно или несколько ударений, из которых главное, т. е. наиболее сильное, падает на первый слог первого слова-компонента. Это наиболее сильное ударение и является тем фактором, который объединяет два слова в одно сложное слово и вместе с тем служит признаком его цельнооформленности, т. е. служит тем „порогом“, переступив который, образование переходит из одной категории в другую. Без объединяющего ударения эти же компоненты составили бы не сложное слово, а словосочетание, с вытекающим отсюда смысловым различием.

Примеры сложного слова: Примеры словосочетания:

pieniraha „мелочь, мелкие деньги“ из *pieni* „маленький“ + *raha* „деньги“ *pieni raha* „маленькая денежка“

¹ Ударный гласный дается полужирным.

² Например, при произношении некоторых многосложных междометий: *Jaaa, Jajaa, aijai* „да, ага“; отдельных вопросительных местоимений: *mitenkä? mitä?* (сравни русск. „что?“); в некоторых словах на *-sti*: *nähtävästi* „очевидно“, а также в ряде сложных слов типа: *Jok'ainoa* „каждый“, *kutakuinkin* „кое-как“ и т. д. (См. Aarni Penttilä, цитируемая работа, стр. 21).

isänkoti „отчий дом“ из *isän* „отца“ + *koti* „дом“ *isän koti* „дом, принадлежащий отцу“

lapsensänky „детская кровать“ из *lapsen* „ребенка“ + *sänky* „кровать“ *lapsen sänky* „кровать, принадлежащая ребенку или кровати, на которой спит ребенок“

vapaaoppilas „вольнослушатель“ из *vapaa* „вольный“ + *oppilas* „ученик“ *vapaa oppilas* „свободный (например, от занятий) ученик“

vieraskirja „книга посетителей“ из *vieras* „чужой, гость“ + *kirja* „книга“ *vieras kirja* „чужая книга“

korkeakoulu „вуз, высшая школа“ из *korkea* „высокий“ + *koulu* „школа“ *korkea koulu* „высокая школа (например, в отличие от низкой школы)“

Компоненты сложных слов в приведенных выше примерах с самостоятельным ударением на каждом из них (*isän koti*, *korkea koulu* и т. д.) воспринимаются как отдельные слова с присущим им самостоятельным значением. В таком случае это образование может рассматриваться как синтаксическое словосочетание определения с определяемым. При общем, объединяющем ударении (*isänkoti*, *korkeakoulu* и т. д.) это образование получает внешнее, материальное выражение цельнооформленности. Внутренним содержанием цельнооформленности такого образования является семантическая спаянность или „сплавленность“ его компонентов, которые вместе выражают новое понятие, отличающееся от „суммы“ понятий, выраженных компонентами в отдельности. „Сумма“ понятий *korkea koulu* означает определенный размер учебного здания, школы, а „целое“ понятие *korkeakoulu* означает определенный тип учебного заведения — высшую школу, вуз. Таким образом показателем цельнооформленности, отличающей и вместе с тем отграничивающей сложное слово от словосочетания, в данном случае выступает фонетический фактор — объединяющее ударение. Цельнооформленность графически передается елитным написанием.

б) Морфологический критерий

Под морфологическим критерием отграничения сложного слова от словосочетания понимается изменение, которое претерпевает основа или окончание одного из слов-компонентов (обычно первого компонента). Такое изменение окончания или основы, включающее и появление новых элементов¹, служит признаком того, что слова-компоненты образуют сложное слово, а не словосочетание.

В финском языке такими морфологическими показателями цельнооформленности сложных слов служат изменения, происходящие в составе первого слова-компонента. Эти изменения можно разделить на несколько групп:

¹ Сравни появление соединительных гласных „о“ и „е“ в русском языке в словах типа „паровоз“, „земледельце“ и др.

1. Изменение гласной основы первого компонента (появление новых гласных или замена одних гласных другими).¹ Например, конечный гласный *-a-* первого компонента сложного слова перед вторым компонентом сложного слова переходит в *-o-*²:

aita + vieri → *aitovieri* „место около забора“
karja + piha → *karjopiha* „загороженная территория около скотного двора“
jalka + pää(ssä) → *jalkopäässä* „в ногах (наrech.)“

Примеры в тексте:

Aamuvirkku västäräkki keikuttii pyrstöänsä Nukarin sikoläävän harjalla. (Sillanpää, „Nuorena nukkunut“) Взлетев на гребень крыши свиарника Нукари, трясогоузка, ранняя пташка, покачивала своим хвостиком.

Valkoinen porsasparvi oli latoutunut karjapihan aitoviereen nukkumaan. (Lassila, „Liika viisäs“) Белое стадо поросят повалилось спать около забора скотного двора.

Salma istui vuoteensa jalkopäässä ja piteli toisella kädellä ikkunaverhoa. (Joenpelto, „Kivi palaa“) Сайма сидела в ногах своей постели и одной рукой придерживала занавеску.

He menivät karjopihaa kohden, jossa lehmät... heitä odottivat. (Sillanpää, „Nuorena nukkunut“) Они шли к скотному двору, где... их ожидали коровы.

Аналогичного рода изменения (переход *-a-*, *-ä-* и *u* в *-i-*)³ встречаются в словах типа:

nuottikota (из *nuotta + kota*) „сарай для сушки сетей“
huhtikuu (из *huhta + kuu*) „апрель“
lehmikarja (из *lehmä + karja*) „стадо коров (досл. коровье стадо)“
metsikana (из *metsä + kana*) „куропатка (досл. лесная курица)“
silmivoide (из *silmä + voide*) „мазь для глаз“
seinivieri (из *seinä + vieri*) „место около стены“

¹ Следует отметить, что такие случаи в современном финском языке довольно редки и количественно не могут идти в сравнение с почти аналогичным явлением в русском языке. В финском языке это — остаточное явление, поэтому многие из таких слов имеют оттенок диалектного употребления. Ряд из них в „Nuoksuomen sanakirja“ отмечены пометой *kans.[anomalistä]* „прост.[оречие]“, например, *metsikana* (вместо *metsäkana* „куропатка“ и др.).

² Исторически *o* на месте *a* могло появиться из дифтонга *oi*, где *i* было исконным или продолжало *j* в связи с опадением гласного после этого *j*; *aidoi-veeri* (с *oi* из *ai*) было *aidai*, где *a* перед *i* перешло в *o*, а *i* выпало: *aidai > aidoi: aitovieri* (см. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск, 1948, стр. 82).

³ По объяснению А. Альквиста определительный компонент в таких сложных словах взят в форме основы множественного числа, где *i* как раз и служит признаком множ. ч., сравни *metsässä — metsissä* „в лесу — в лесах“ и др. (А. Ahlqvist, цитируемая работа, стр. 36).

ikirunoja (из *ikä + runo*) „вечный рунопевец“
Oravikoski (из *orava + koski*) „Оравикоски — геогр. название (досл. Белничий порог)“
naarmiselkä (из *naarmu + selkä*) „спина с рубцами“

Kuorma vain korkea ja kuorman päällä ukko, edessä sitkeä, naarmiselkä koni ja ilmassa vinkuva solmusilma guoska. (Haanpää, „Jutut“) Высокий воз да на возу старик, впереди выносливая кляча с рубцами от следов кнута на спине да свисающий в воздухе кнут с узлом на конце.

Своеобразная форма основы выступает у некоторых имен числительных в составе первого компонента сложного слова. По объяснению М. Садениemi¹, с которым нет основания не согласиться, форма числительного *neli-* (из *neljä* „четыре“) образована по аналогии с формой *heini-* (из *heinä* „сено“, где *-ä-* переходит в *-i-*). Числительные *seitsemän* „семь“ и *kymmenen* „десять“, а также, очевидно, *kolme* „три“ в составе сложного слова выступают в первоначальной коренной форме (alkuperäisiä perusmuotoja): *seitsem-*, *kymmen-*, *kolmi-* — формы, которые в современном языке отдельно уже не встречаются. Сюда же М. Садениemi относит и числительное *tuhat* „тысяча“, которое в составе словосочетания, как правило, выступает в форме *tuhannen*, а в составе сложного слова в форме *tuhat-*.

Интересно отметить дифференцированное употребление той или иной формы имен числительных в составе сложного слова. В составе сложного имени прилагательного такие числительные, как правило, употребляются в форме современного номинатива, например: *kolmekiloinen* „трехкилограммовый“, *neljäjalkainen* „четвероногий“, *seitsemänkuukautinen* „семимесячный“, *tuhathenkinen* „тысячный, состоящий из тысячи человек“ и т. д. В составе сложного имени существительного, как правило, указанные имена числительные выступают в „первоначальной коренной форме“: *neli-*, *kolmi-*, *seitsem-*, *kymmen-*: *kolmiapila* „трехлиственный клевер“, *kolmiliitto* „союз трех“, *kolmiloikka* „трехкратный прыжок“, *nelisäe*, *nelirivi* „четверостишие“, *nelivaljakko* „четверка (лошадей)“, *seitsemätähdet* „созвездие из семи звезд“, *kymmenluku* „число, делящееся на десять“ и т. д. Но это лишь тенденция, точного правила для всех указанных числительных вывести нельзя.

2. В сложных словах с первым компонентом, выраженным производным именем прилагательным на *-nen* или именем существительным, имеющим в номинативе единственного числа форму на *-nen*, как правило, выступает согласная основа на *-s-*: *tuulis-*, *tois-*, *ihmis-*, *pakkas-* (их гласные основы: *tuulise-*, *toise-*, *ihmise-*, *pakkase-*) и т. д., например:

а) сложные слова с именем прилагательным в роли определяющего компонента:

herrasrouva (из *herranen + rouva*)² „госпожа (досл. господская дама)“

¹ M. Sadeniemi. Lukusanoista yhdyssanan alkuosana, „Virittäjä“, 1954, 3. viikko, стр. 341 и след.

² Примечание: нельзя с такими словами смешивать редкие сложные слова, в которых *-s-* относится ко второму компоненту — имени существительному.

<i>kokonaiskuva</i> (из <i>kokonainen + kuva</i>)	„портрет в натуральную величину (досл. целая картина)“
<i>kansalliskieli</i> (из <i>kansallinen + kieli</i>)	„национальный язык“
<i>kokonaissumma</i> (из <i>kokonainen + summa</i>)	„общая сумма (досл. целая сумма)“
<i>yksityistapaus</i> (из <i>yksityinen + tapaus</i>)	„частный случай“
<i>toiskertainen</i> (из <i>toinen + kertainen</i>)	„вторичный“
<i>toiskielinen</i> (из <i>toinen + kieli</i>)	„на другом языке, иноязычный“
<i>suomalais-ugrilainen</i> (из <i>suomalainen + ugrilainen</i>)	„финноугорский“
<i>pienoiskivääri</i> (из <i>pienoinen + kivääri</i>)	„мелкокалиберная винтовка“

Romanssi — lyhyehkö romanttissävyyinen lyyrilliseepillinen runo.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Niistä (radiovastaanottimista) löyää jokainen itselleen sopivamman mallin, niin maalaistuvan röödyälle kuin loistellampaan kaupunkilaiskotiinkin.

(Aikakauslehti „Talouselämä“)

б) Сложные слова с именем существительным в роли определяющего компонента:

<i>rakkatalvi</i> (из <i>rakkanen + talvi</i>)	„морозная зима“
<i>ihmiskunta</i> (из <i>ihminen + kunta</i>)	„человечество, человеческий род“
<i>ihmislapsi</i> (из <i>ihminen + lapsi</i>)	„дитя человеческое (досл. человек-ребенок)“
<i>ihmisalku</i> (из <i>ihminen + alku</i>)	„ребенок (досл. человека-начало)“
<i>naisedustaja</i> (из <i>nainen + edustaja</i>)	„женщина-депутат“
<i>ukkospilvi</i> (из <i>ukkonen + pilvi</i>)	„грозовая туча“
<i>ihmismassa</i> (из <i>ihminen + massa</i>)	„человеческая масса“
<i>hevosvoima</i> (из <i>hevonen + voima</i>)	„лошадиная сила“
<i>kovakuoriaiskokoelma</i> (из <i>kovakuoriainen + kokoelma</i>)	„коллекция жуков жесткокрылых“

занимающему из другого (шведского) языка и имеющему s- в начале следующего слова, например: *narrispeli* (из *narris-spell* „дурацкая игра“), *saarnastuoli* (из *saarnastuoli* „кафедра для проповеди“) и др.

Niin tyttö ensiksi joutui taloon, jossa hän oli ainoana naispalvelijana.

(*Sillanpää*, „Nuorena nuk-kunut“)

Ovathan ihmiset kaikkialla kuitenkin samoja — tyhmiä, ihmislapsia.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Так девушка сначала попала в дом, в котором она была единственной женской прислугой (досл. женщина-прислугой).

Ведь человек всюду один и тот же — неразумное дитя человеческое.

Отдельные сложные слова с первым компонентом, выраженным именем существительным, оканчивающимся на согласную основу -s-, могут употребляться и в генитивной форме с окончанием на -sen без изменения в значении, например: *ihmislapsi* и *ihmisenlapsi* означают одно и то же „человек, дитя человеческое“, *ihmisalku* и *ihmisenalku* „ребенок“, *ukkosilma* и *ukkosenilma* „гроза“, *hevosloimi* и *hevosenloimi* „лопота“ и т. д.

В таких сложных словах первый компонент может выступать и в форме генитива множественного числа, если он служит определением второго компонента, означающего лицо или предмет, к которому в той или иной форме имеет отношение не один человек, а определенный коллектив, например: *lastenkoti* „детдом (досл. детей-дом)“, *lastenhoitaja* „няня (досл. детей-присматривающий)“ и др. В отдельных случаях формы единственного и множественного числа существуют параллельно, почти без всякого различия в смысловом отношении сложного слова; *lapsensänky* и *lastensänky* означают одно и то же: детская кровать. Но если эти же компоненты сложного слова употребить как компоненты словосочетания, то разница между словосочетаниями будет значительная. *Lapsen sänky* означает „кровать одного ребенка, кровать, принадлежащая одному ребенку, или кровать, на которой спит один ребенок“, а *lasten sänky* означает „одна кровать для многих детей или одна кровать, принадлежащая многим детям, или одна кровать, на которой спят многие дети“. Таким образом, в сложном слове, где в отношениях между компонентами на первом плане стоит характеристика по качеству, единственное или множественное число первого компонента не имеет значения, но в словосочетании, где между компонентами на первое место выступают определительные отношения или характеристика по отношению, где компоненты самостоятельны, единственное или множественное число первого компонента играет большую роль. В ряде случаев за формой сложного слова с первым компонентом в единственном числе закрепилось одно понятие, а за формой с множественным числом — другое. Например: *lastenkieli* (мн. ч.) означает „детский язык, лексикон“, а *lapsenkieli* (ед. ч.) означает „детский язык, произношение“.

Kolra on lastenkielessä hauva, kissa kisu ja lehmä ammu.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Собака на детском языке называется „хаува“, кошка „кису“, корова „амму“.

Poikanen alkoi jokeltavalla lapsenkielellä matkia merimieslauluja.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Мальчуган начал напевать матросские песни детским лепечущим голоском.

3. У существительных плюралиа-тантум,* являющихся определительным компонентом сложного слова, выступает форма единственного числа.

По своему содержанию существительные плюралиа-тантум в финском языке можно разделить на две основные группы: а) существительные, обозначающие торжества, народные сборища, игры и т. д.: *avajaiset* „открытие“, *saattajaiset* „проводы“, *tanssiaiset* „танцы“, *tupaantuliaiset* „новоселье“, *häät* „свадьба“, *markkinat* „ярмарка“, *kilpailut* „соревнование“ и т. д. и б) существительные, имеющие парные части: *sakset* „ножницы“, *housut* „брюки“ и др. Все они в составе сложного слова выступают в форме единственного числа, при этом одни из них претерпевают изменения в основе и образуют сложное слово, как и группа имен существительных и прилагательных на *-nen*, т. е. с согласной основой на *-s-*, а другие просто теряют признак множественного числа *-t*, например:

а) примеры первой группы:

avajaispuhe (из *avajaiset + puhe*)
saattajaistilaisuus (из *saattajaiset + tilaisuus*)
tupaantuliaislahja (из *tupaantuliaiset + lahja*)
ristiäisvieras (из *ristiäiset + vieras*)

„речь на торжестве открытия“
 „проводы (досл. мероприятие проводов)“

„подарок на новоселье“

„гость на крестинах“

Salmeuksen Kustaakin tanssi ensimmäisenä varsinaisena *vihkiäisiltana*.

Даже Кустаа Салмеус танцевал в самый первый вечер венчания.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

б) примеры второй группы:

markkinaväki (из *markkinat + väki*)
urkuharmoni (из *urut + harmoni*)
valtiopäivävaalit (из *valtiopäivät + vaalit*)

„люди с ярмарки“

„физгармония“

„выборы в сейм“

Ja perillä oli Salmeuksen Kustaa, valoisa ja komea *häivieras*.

Уже прибыл Кустаа Салмеус, сияющий и красивый свадебный гость (досл. *свадьба-гость*).

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

4. Прилагательные, имеющие в номинативе окончание *-i*, в большинстве случаев в составе первого компонента сложного слова теряют его и выступают в усеченной форме с согласной основой, например:

suurkaupunki (из *suuri + kaupunki*)
suurtilallinen (из *suuri + tilallinen*)

„великий город“

„крупный дворянин“

suursyömäri (из *suuri + syömäri*)
suurmestari (из *suuri + mestari*)
suursiivous (из *suuri + siivous*)
täyskuu (из *täysi + kuu*)
pienmaanviljelijä (из *pieni + maanviljelijä*)
pienteollisuus (из *pieni + teollisuus*)
uuspainos (из *uusi + painos*)
uuskreikka (из *uusi + kreikka*)

„обжора“

„гроссмейстер“

„генеральная уборка“
 „полнолуние“

„мелкий земледелец“

„мелкая промышленность“
 „повторное издание“

„новогреческий (язык)“

Kuinka kuvitteleekaan nuori, juuri ripille päässyt mökin tyttö palveluspaikkaa tuollaisessa suuratalossa.

Как представляет себе место служанки в знатном доме молодая сельская девушка, только что прошедшая конфирмацию.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

Punainen täyskuu pyrkii eslln jostakin välistä.

Красный диск луны (досл. *полная луна*) всплыл с какого-то просвета.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

Suurpankit ovat sysäneet syrjään pienet pankit.

Крупные банки оттолкнули в сторону мелкие банки.

В ряде случаев усеченная и полная форма первого компонента в составе сложного слова существует параллельно и слова не имеют никакой разницы, например: *suurpiirteinen* и *suuripiirteinen* „грандиозный, широкого размаха“, *täyskuu* и *täysikuu* „полнолуние“.

Однако в своем большинстве усеченная форма прилагательного выступает только в качестве компонента сложного слова, а полная форма — в качестве компонента словосочетания, внося соответствующее изменение и в содержание нового образования, например: *suurtalo* означает „знатный дом“, а *suuri talo* означает „большой дом“; *suurmestari* означает „гроссмейстер“, а *suuri mestari* „большой мастер“, *nuogrammatikko* означает „младограмматик“, а *nuori grammatikko* „молодой грамматик“ и др.

В отдельных случаях в составе сложного слова употребляется только усеченная форма прилагательного на *-i*, например: *täysorpo* (из *täysi + orpo*) „круглый сирота“, *täyssilkki* (из *täysi + silkki*) „чистый шелк“, *täysverinen* (из *täysi + verinen*) „полнокровный“ и др.

5. У некоторых имен существительных, наречий и прилагательных, выступающих в качестве компонента сложного слова, в форме номинатива выпадает последняя гласная или происходит изменение внутри основы. Эти же слова, выступающие в качестве компонента словосочетания или в сочетании с другими словами, изменений не претерпевают. Например, сложное слово *jumalauta* и сочетание *jumala, auta*. Первое означает восклицательное междометие, смысл которого приблизительно можно передать русским выражением „черт побери“, а второе означает оборот с обращением „помоги, бог“; сложное слово *tarkk'ampuja* (наряду с *tarkka-ampuja*) означает „снайпер“, а слово-

сочетание *tarkka ampuja* означает „меткий стрелок“, который может быть и не снайпером. Еще ряд примеров:

<i>ajastaika, aastaika</i> (из <i>ajasta + aika</i>)	„год“ (уст.)
<i>tästedes</i> (из <i>tästä + edes</i>)	„после этого“
<i>vastedes</i> (из <i>vasta + edes</i>)	„в будущем, впредь“
<i>vast'alkaja</i> (из <i>vasta + alkaja</i>)	„новичок“
<i>parast'aikaa</i> (из <i>parasta + aikaa</i>)	„в настоящее время, как раз“
<i>vastikään</i> (из <i>vasta + ikään</i>)	„только что“
<i>jok'ainoa</i> (из <i>joka + ainoa</i>)	„каждый, все до единого“
<i>viher'varpunen</i> , наряду с <i>vihreävarpunen</i> (из <i>vihreä + varpunen</i>)	„чиж, чижник“
<i>viherlaakso</i> (из <i>vihreä + laakso</i>)	„зеленая долина“
<i>viherhiukkaset</i> (из <i>vihreät + hiukkaset</i>)	„хлорофиллы“
<i>mailma</i> , наряду с <i>maailma</i> (из <i>maa + ilma</i>)	„мир“

Melkein jok'ainoa tunsin minut. Почти каждый меня знал.

Ei hän (Iivari) ole Salmeuksen patruunalta mitään pyytänyt, eikä, jumalauta, tule pyytämäänkään. Ничего не просил он (Ийвари) у патрона Салмеус и, ей-богу, просить у него не станет.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukunut“)

К этой же группе примыкают сложные слова, у которых происходит изменение (выпадение конечных гласных) также и у второго компонента; в составе словосочетания такие изменения не имели бы места, например: *ykskaks* (из *yksi + kaksi*) „очень просто (досл. раз-два)“, *kenties* (из *ken + tiesi*) и *kukaties* (из *kuka + tiesi*) „возможно, может быть“ (сравни сочетание *kuka tiesi* „кто знал“) и др.

<i>Kenties</i> muistettiin myös Siljan säästöjä. (<i>Sillanpää</i> , „Nuorena nukunut“)	Возможно, вспомнили и о сбережениях Сильи.
---	--

Tänään olen terve, huomenna <i>kukaties</i> jo salras tai kuollut. („Nykysuomen sanakirja“)	Сегодня я здоров, завтра, может быть, я буду болен или даже мертв.
--	--

Сюда же можно отнести и такие образования, как *hätätää* „наскоро, на скорую руку“, *yll'yleensä* „везде, повсюду, совсем, совершенно“ и др.¹

¹ Примечание. Перечисленные в п. 4 и 5 изменения в основе первого или второго компонентов можно объяснить не в силу каких-либо закономерностей, а в силу „стирания“ морфологически малоценных конечных звуков, и отпадение конечных гласных хронологически могло произойти в любое время. Поэтому не случайно, что

Таким образом в роли морфологического показателя цельности оформленности, отграничивающего сложное слово от словосочетания, может служить целый ряд изменений в основе слова, выступающего в качестве первого компонента сложного слова, изменений, которые не имеют места, если это же слово выступает в качестве компонента словосочетания.

в) Синтаксический критерий

В качестве синтаксического критерия отграничения сложного слова от словосочетания может служить наличие в контексте определения или другого элемента, например, второго компонента у определяющей части и др., относящегося к сложному слову в целом или к какому-либо из его компонентов в отдельности, а также нарушение обычного „твердого“ (Д. В. Бубрих) порядка слов, характерного для нормы языка.

1. Наиболее прозрачно разница между сложным словом и словосочетанием выступает в тех случаях, когда в контексте имеется определение, относящееся к образованию как некоему целому; компоненты такого сочетания образуют сложное слово. Если же это определение относится только к одному из компонентов, то сочетание компонентов в целом образует не сложное слово, а словосочетание, например: *kuuluisa luonnontutkija* „известный естествоиспытатель“ и *kuuluisa elollisen luonnon tutkija* „известный испытатель живой природы“, *ahkera työn'ekijä* „прилежный работник“ и *fyysillisen työn tekijä* „работник физического труда“; *hyvin hiekansekainen maaperä* „довольно песчаная почва“ и *karkean hiekan sekainen* „в смеси с грубым песком“, *aivan järjenvastainen* „совсем неразумный“ и *kaiken järjen vastainen* „против всякого разума“, *kovasti arvossapidetty* „весьма уважаемый“ и *suuressa arvossa pidetty* „пользующийся большим уважением“ и т. д.

2. Второй синтаксической особенностью, отграничивающей сложное слово от словосочетания, является порядок слов. В финском языке встречается целый ряд сложных имен прилагательных, образованных от сочетания имени существительного и имени прилагательного. Компонент, выраженный именем существительным, в таких сложных словах стоит после компонента, выраженного именем существительным, например: *mesimakea* „сладкий, как мед (досл. мед-сладкий)“, *jääkylmä* „холодный, как лед (досл. лед-холодный)“, *maidovalkea* „белый, как молоко (досл. молоко-белое)“ и т. д. При анализе таких образований оказывается, что они не соответствуют словосочетаниям порядком расположения своих компонентов: определение, которое в словосочетании было бы выражено прилагательным, стоит после определяемого, выраженного именем существительным. В словосочетании определение, выраженное прилагательным, стояло бы перед именем существительным, которое оно определяет, например: *makea mesi* „сладкий мед“, *kylmä jää* „холодный лед“, *valkoinen maito* „белое молоко“ и т. д.

Кроме того, прилагательное в современном финском языке в свободном синтаксическом словосочетании может определяться только наречием степени (сравни *erittäin kylmä* „очень холодный“, *kauhean*

отдельные сложные слова с полной основой первого компонента существуют параллельно с усеченной основой (см. Д. В. Бубрих. К вопросу о звукопереходе *ti > si* в финском языке, Советское финноугроведение, т. V, Петрозаводск, 1949, стр. 128).

vaikaa „страшно трудный“ и т. д.), а здесь в роли его „определения“ выступает имя существительное. Это также противоречит нормам современного языка. Поэтому в данных примерах и порядок расположения компонентов, и нарушение норм сочетаемости служат показателем того, что эти образования составляют не словосочетание, а что-то другое. Судя по тому, что они выражают определенные единые понятия, понятия качества или признака через отношение к другим предметам, эти образования являются сложными прилагательными. Показателем цельнооформленности таких сложных слов служит невозможность синтаксической сочетаемости составляющих их компонентов (имя существительное стоит в роли „определения“ имени прилагательного). Отсутствуют также морфологические признаки согласования компонентов: *tarjottiin mesimakeata juomaa* „угощали сладким, как мед (досл. мед-сладким), напитком“; *jääkylmässä vedessä* „в холодной, как лед (досл. лед-холодной), воде“ и т. д. Такие сложные имена прилагательные выражают отношения через сопоставление с именем существительным того качества, которое для последнего, т. е. имени существительного, является постоянным и неотъемлемым: *sysimusta* „черный, как уголь“, *kristallikova* „твердый, как кристалл“, *tulikuuma* „горячий, как огонь“ и т. д.

В отдельных из таких образований первый компонент выступает не в форме номинатива, а в форме генитива без всякой разницы в значении: *kivikova* (досл. камень-твердый) и *kivenkova* (досл. камня-твердый) означают одно и то же: „твердый, как камень“, *lumivalkea* (досл. снег-белый) и *lumenvalkea* (досл. снега-белый) — то же самое: „белый, как снег“ и т. п.

Несколько таких дополнительных образований: *höyhenkeveä* — *keiju-* *kalnen* или *höyhenkevyt* *keijukalnen* означает „легкая, как пушинка, нимфа“, *rasvatyyni järvenpinta* „спокойная, как жир, гладь озера“, *kivikovaksi* *kuivunut savi* или *kivenkovaksi* *kuivunut savi* „глина, ставшая твердой (досл. высохшая), как камень“, *linjasuora tie* „дорога прямая, как линия“ и т. д. Примеры в тексте:

Tämän lumivalkoisen kylmän kuvatuksen menettämisen tuntui hänestä korvaamattomalta.

(*Tihlä*, „Lehti kääntyy“).

Näin smaragdinvihreitä lammikoita...

(*Brink*, „Velhojuuri“).

Потеря этого белоснежного (досл. снег-белого), холодного чучела для него казалась ничем не восполнимой.

Я видел зеленые, как изумруд (досл. изумруда-зеленые), пруды...

Приведенные здесь сложные слова по своему содержанию соотносительны со словосочетаниями, в которых выражаются сравнительные отношения, например: сложное слово *kivikova* и словосочетание *kova kuin kivi* означают одно и то же: „твердый, как камень“ и др. Следует отметить, что данный тип сложных имен прилагательных в современном финском языке малочислен.

Имеется, кроме того, небольшая группа аналогично образованных сложных слов, выступающих как в роли прилагательного, так и в роли имени существительного с качественной семантикой. Признаком отграничения этих сложных слов от словосочетаний служит порядок расположения компонентов, сравни: сложное слово *kesäkuuma* „по-летнему жаркий“ или „жара, как летом (досл. лето-жара)“ и словосочетание *kuuma kesä* „жаркое лето“; сложное слово *talvipakkanen* „по-зимнему

морозный“ или „мороз, как зимой (досл. зима-мороз)“ и словосочетание *pakkanen talvi* „морозная зима“; сложное слово *yörimä* „по-ночному темный“ или „ночная темнота (досл. ночь-темнота)“ и словосочетание *rimä yö* „темная ночь“ и т. д.

Такие сложные имена прилагательные-существительные образованы также путем сопоставления имени существительного (имеющего временную семантику или семантику состояния) с именем существительным, выражающим качество или свойство, которое типично для этого времени (периода), но является не неотъемлемым, не постоянным, а преходящим, но тем не менее типичным и характерным. Например, в вышеприведенном примере *kesäkuuma* выражается понятие „жара“ и „жаркий“ не отдельно, не самостоятельно, а через сопоставление с наиболее характерным, но не постоянным (как это было у аналогичных прилагательных) для этого понятия периодом года — летом. Лето может быть не только *kuuma* „жаркое“, но и *kylmä* „холодное“, и *sateinen* „дождливое“ и т. д., в то время как в сложном прилагательном *tulikuuma* „горячий, как огонь“ сопоставимое понятие *tuli* „огонь“ имеет постоянный признак *kuuma* „горячий“. Также и со словом *yörimä* „по-ночному темный“ или „ночная темнота“ — понятие *rimä* определяется через сопоставление с наиболее опять-таки характерным, но не постоянным для ночи качеством (или признаком), т. к. *yö* „ночь“ может быть не только *rimä* „темная“, но *valoisa* „светлая“, *lämmön* „теплая“ и т. д.

Примеры в тексте:

а) имена прилагательные:

Iltavilleä *piha*.

По-вечернему прохладный (досл. вечер-прохлада) двор.

Kevät kylmä päivä.

По-весеннему холодный (досл. весна-холодный) день.

б) имена существительные:

Istuttiin iltavilleällä taripolmaan.

Сели поболтать на вечерней прохладе (досл. на вечер-прохладе).

Lihan säilyttäminen kesäkuumalla.

Хранение мяса в летнюю жару (досл. в лето-жару).

*Lumen sulaminen suojasi oraita kevätkylmiltä*¹.

Таяние снега защищало озимь от весенних холодов (досл. от весна-холодов).

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

1. Теория словосочетания в финской языковедческой литературе разработана недостаточно, в силу чего сложные слова от словосочетаний отличаются лишь на основании семантического признака, что не всегда приводит к правильному решению вопроса. На этом основании в финских грамматиках к сложным словам принято относить и образования, передаваемые двумя словами, имеющими самостоятельное грамматическое оформление, например *nuorimies* „молодой человек“, *kova onni* „несчастливая судьба“, *pitkäsiima* „перемёт“, *Uusimaa* „Ньюланд (досл. Новая земля)“ и др. Такие образования не являются сложными словами, а представляют собою фразеологические единства.

¹ Все примеры по „Nykysuomen sanakirja“.

принятые в финских источниках, как правило, писать слитно. Но это „правило“ имеет много исключений и правописание таких слов колеблется.

В толковом словаре современного финского языка намечается тенденция трактовать образования, в которых семантическая спаянность менее заметна, как словосочетания (указывается на возможность или желательность раздельного написания).

2. Правила формирования словосочетаний в настоящее время в финском языке несколько отличны от правил, какие имели место в далеком прошлом (судя по языку „Калевалы“), или какие имеются в других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках со слабо развитой системой склонения имени прилагательного. На фоне изменчивости, т. е. согласования в числе и падеже одних слов, неизменяемость других слов той же категории в финском языке может служить показателем утери словом самостоятельного значения и перехода его из самостоятельного слова в категорию части или составного компонента другого слова. Поэтому такие образования, которые в других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках в силу слабо развитой системы склонения имен прилагательных принято считать словосочетаниями, в современном финском языке представляют собою сложные слова: *talvipäivä* „зимний день“, *kevätuuli* „весенний ветер“ и др.

3. Основным признаком сложного слова является его грамматическая цельнооформленность, выражаемая фонетически, морфологически и синтаксически. Признаком цельнооформленности может служить как наличие, так и отсутствие (там, где по современным нормам языка должны иметь место) морфологических показателей. Семантический признак, присущий в каждом отдельном случае перехода сложного слова в словосочетание, следует считать как побочный или дополнительный показатель и выделять его в самостоятельный критерий нет основания.

4. Исключительно большое количество сложных слов в финском языке придает особую важность вопросу отграничения их от словосочетаний. Такое отграничение не всегда является легким, но несмотря на всю сложность этого вопроса, разрешение его следует считать реальным, если учесть рассмотренные здесь критерии. При тщательном изучении условий в каждом отдельном случае почти всегда удается провести четкую границу между сложным словом и словосочетанием, а следовательно, и отличить сложное слово от словосочетания.

А. А. БЕЛЯКОВ

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ГРАНИЦЫ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В КАРЕЛЬСКОЙ АССР

В любом определенном человеческом коллективе язык должен быть понятен для каждого его члена; без этого он не может быть общим средством общения, не может быть языком.

При рассмотрении карельского языка как общего средства общения между всеми карелами нужно выяснить, действительно ли он является таковым и служит ли этой цели.

Для того, чтобы язык был общим средством общения, нужно, чтобы он имел общую языковую основу. Основой же языка являются его основной словарный фонд и грамматический строй.

Имеет ли карельский язык общий для всех карел основной словарный фонд? Да, имеет. Основной словарный фонд, куда входят все корневые слова как ядро словарного состава, для всех карел является общим. Более того, весь словарный состав карельского языка, кроме заимствований, произведен на основе этого общего основного словарного фонда и поэтому словарный состав тоже является общим.

Для выяснения общности словарного состава карельского языка нами рассмотрена и сравнена собранная по многим населенным пунктам республики лексика. Привлечено 12—15 тысяч слов, собранных в Кестеньгском, Сегозерском, Ведлозерском, Пряжинском и Прионежском районах¹, т. е. в северной, средней и южной частях республики. По Пряжинскому и Прионежскому районам в качестве источника использован „Словарь людиковских диалектов“ Куёла², а также материалы, полученные от представителей этих говоров.

Привлеченный материал показывает, что слов с одним и тем же значением, но образованных от различных корней или основ, на разных территориях республики имеется очень немного, не более 150—200. Например: слово *крыша* в одном месте звучит как *katos* или *katoš*, в другом *levo*, в третьем *kroun'* или *kroun'*; *печь(ка)* в одном месте *kiugua* (*kiukua*), в другом *päčči*; *дверь* (в избу): в одном месте *ovi*, в другом *uksi*; *ведро* в одном месте называют *rengi*, в другом *ämpäri*,

¹ По административному делению районов до 1956 года.
² I. Kujola. Lyydiläismurteiden sanakirja, Helsinki, 1944.

в третьем *šankko*, в четвертом *kanteikka*¹, в пятом *kattila*, в шестом *viedra* и даже *žes't'anka*.

Такие слова имеют разные основы в языке разных мест и понятны населению одних мест, как правило, не понятны населению других мест. Однако они в силу малочисленности не могут делать карельский язык в целом непонятным для всех карел.

В грамматическом строе языка такое же положение. Синтаксис языка почти единый для всех. В морфологической структуре карельского языка для разных мест имеются некоторые, порою довольно существенные различия. Но таких морфологических категорий, которые свойственны одним, но совершенно незнакомы другим, находим только две: начинательную форму глагола и прошедшее время условного наклонения.

1. Начинательная форма глагола с суффиксом *-ška-*, *-škaze-* употребляется в юго-восточной части территории республики, население которой называет себя людиками. Эта форма в других местах неизвестна.

2. Особая форма прошедшего времени условного наклонения с суффиксом *-ni* (*-ny*) употребляется по всей южной части территории республики, население которой называет себя ливвиками и людиками. Населению средней и северной части территории республики эта форма неизвестна.

Таким образом, в основе языка коренных различий нет, если не считать немногочисленных лексических и указанных двух морфологических расхождений. В языке всего карельского населения имеется много такого, что не имеет никаких различий, или различия эти настолько незначительны, что не представляют никакой трудности для понимания друг друга, а отдельные из них, например, придыхательное *-h* в конце слова, может уловить только лингвист.

Примером первого рода, т. е. языкового сходства, может служить, в частности, номинативная форма имен. В словарном составе имеется много общих по значению и звучанию слов, например: *kala* „рыба“, *kana* „курица“, *pino* „поленица“, *koivu* „береза“, *yö* „ночь“, *lumi* „снег“, *talvi* „зима“, *kivi* „камень“, *per't'i* „изба“, *ku'u* „баня“ и т. д.

Примером второго рода, т. е. языковых расхождений, может служить употребление или неупотребление звонких согласных *b*, *g*, *d*, *z*, *ž*, различное употребление свистящих и шипящих *s*, *š* и др. Например, в словарном составе языка много таких слов, в которых в одних местах употребляются звонкие согласные, а в других — их глухие соответствия: *rabu* — *rapi* „боб“, *regi* — *reki* „сани“; *tedri* — *tetri* „тетерев“, *vaza* или *važa* — *vaša* „теленки“ и т. д.

Замена любого звонкого согласного глухим или глухого звонким ни в каких случаях не изменяет значения слова, как это бывает в русском языке. Сравни: „боб (растение или его семя)“ и „поп (служитель культа)“. В карельском языке *rabu* и *rapi* означает только „боб“, *regi* и *reki* только „сани“, *tedri* и *tetri* только „тетерев“ и т. д.

Слова, имеющие в своем составе свистящие или шипящие согласные, тоже в разных местах звучат различно: *sävi* и *šavi* „дым“, *savi* и *šavi* „глина“, *suksi* — *sukši* и *šukši* „лыжа“ и т. д. Имеются также различия в окончаниях номинатива: *akka* — *akku* — *akke* „жена, старуха“, *kukki* — *kukko* — *kukoi* „петух“, *rebo* — *reboi* „лисица“; различия в основе слова: *lähtemä* — *lähtömä* „телка“, *molemmat* — *molomat* „оба“ и т. д.

¹ *u*, *i* (а также *y*) после гласных обозначают неслоговые звуки и с предыдущим гласным образуют дифтонг.

Имеются и такие различия, которые делают одно и то же по значению слово довольно далеким по звучанию, например: *vedän* — *vejän* — *veän* — *viän* — *vien* „я тяну (тащу, веду, везу)“. Основа данного слова во всех случаях общая: *vedä-* (*vetä-*), сравни *vedämäh* (деепричастие от глагола „тянуть“), *vedännen* (возможностное наклонение „если я потяну“), *vedi* (изъявительное наклонение; „(он) тянул“); (в произношении северных карел: *vetämäh*, *vetänen*, *veti*). Инфинитив глагола с общей основой *puhu-* в разных местах встречается в форме *puhua* — *puhuo* — *puhuda* „дуть“. В личных же формах: *puhun* „я дую“; *puhut* „ты дуешь“ и т. д. никакой разницы в их звучании нет.

Гласные первого слога в разных местах также могут звучать по-разному, например: карельское слово, означающее „земля“ в одних местах произносится как *maa*, в других — *moa*, в третьих — *moo*; в четвертых — *mua*, в пятых — *mia* или *mya*; карельское слово, означающее „голова, конец“ звучит как *peä*, как *pee*, как *pie*, как *piä*. Несмотря на различие в звучании, эти слова понятны всем карелам.

По линии морфологии дело обстоит примерно так же. В ряде случаев формы совершенно одинаковы для всего карельского языка; например, в номинативе ед. ч. многие слова звучат совершенно одинаково: *kala*, *kana*, *lumi* и др. В генитиве и аккумуляте одинаково звучащих слов гораздо больше, потому что в генитиве и аккумуляте диалектные различия, имеющие место в окончаниях номинатива (*akka* — *akku* — *akke* „жена, старуха“), снимаются и везде будет: *akan*. В комитативе (сопроводительном падеже) различие в звучании лишь в послелого: *akan ke*, *akan ker*, *akan kera* „с женой“.

В транслативе (падеже со значением *кем, чем стать?*) также имеются различия: в одном диалекте (*roita*, *l'ietä*) *uči't'tel'aks*, в другом *uči't'tel'akse*, в третьем *uči't'tel'aksi* (*uči't'tel'akši*) „(стать) учителем“. В эссиве (падеже со значением *кем, чем быть?*) у одних (*olla*) *uči't'tel'an*, у других *uči't'tel'ana*, у третьих *uči't'tel'anni* „(быть) учителем“. В речи такие различия для понимания друг друга не представляют трудности.

Есть различия на первый взгляд как будто громадные. В языке карел разных мест употребляется разное количество внутренне-местных и внешне-местных падежей (инессив и элатив, адессив и аблатив). У карел северной и средней части республики употребляются все четыре перечисленных местных падежа, каждый со своим падежным показателем: инессив (с основным значением: *где? внутри кого? чего?*) с показателем *-ssa* (*-ssä*), *-šša* (*-ššä*), элатив (с основным значением: *откуда? изнутри кого? чего?*) с показателем *-sta* (*-stä*), *-šta* (*-štä*), адессив (с основным значением: *на ком? на чем?*) с показателем *-lla* (*-llä*); аблатив (с основным значением: *с кого? с чего?*) с показателем *-lda* (*-ldä*).

Карелы южной части республики употребляют только два падежа с особыми падежными показателями: инессив-элатив (с основными значениями: *где? внутри кого? чего?* и *откуда? изнутри кого? чего?*) с показателем *-s* (*-š*), который в потоке речи между звонкими может озвончаться в *-z*, *ž*, и адессив-аблатив (с основными значениями: *на ком? на чем? с кого?*) с показателем *-l*.

Таким образом, если нужно сказать „в избе“, то карелы северной и средней части республики и карелы за пределами республики, т. е. все собственно-карелы, скажут *per't'is's'ä*, а южные карелы, т. е. ливвики и людики, скажут *per't'is* (*per't'iš*). Если нужно сказать „из избы“, то собственно-карелы скажут *per't'is't'ä*, а ливвики и людики, как и в первом случае: *per't'is* (*per't'iš*).

Если брать слово *per'tis* вне контекста, то собственно-карелам, а также ливвикам и людикам неясно, означает ли это „в избе“ или „из избы“. В то же время ливвиковско-людиковское *per'tis*, употребленное в предложении, например: *olen per'tis* (или *per'tiss*) „я нахожусь в избе“, не только для южных, но и для всех собственно-карел без труда понятно, ибо и собственно-карелы сказали бы: *olen per'tis's'ä* „нахожусь в избе“. Несколько большая разница в звучании элатива в употреблении собственно-карел и ливвиков-людиков. Если последние скажут: *l'äks'in per'tiss* „я вышел, ушел из избы“, то собственно-карелы скажут: *l'äks'in per'tis't'ä* „я вышел, ушел из избы“. Но и в данном случае как собственно-карельское *l'äksin per'tis't'ä* понятно для ливвиков и людиков, так и ливвиковско-людиковское *l'äks'in per'tiss* понятно для собственно-карел.

То же можно сказать и о собственно-карельских падежах адессиве и аблативе и ливвиковско-людиковском адессиве-аблативе.

Для полноты картины рассмотрим и остальные падежи: иллатив, аллатив и партитив.

Иллатив (падеж с основным значением: *куда? в кого? во что? внутрь чего?*) в произношении населения разных мест имеет различия, которые сводятся к наличию или к отсутствию в падежном показателе придыхательного *-h*. Например, у небольшой части северных людиков произносится *per'tii* (дифтонг *ii*), у небольшой части средних собственно-карел (у части паданских и тунгудских) произносится *per'tii* (долгое *ii*), у южных людиков (один Михайловский сельсовет) *per'tihe*, а у всех остальных, т. е. у собственно-карел, ливвиков и людиков, *per'tih* „в избу“. При этом нужно указать, что карельское фарингальное *-h* произносится настолько слабо, что слушающему этот звук трудно уловить.

Аллатив (с основным значением: *кому? куда?*) у всех собственно-карел и большинства ливвиков совпал с адессивом и имеет падежный показатель: у собственно-карел *-lla* (*-llä*), у ливвиков *-l*, у людиков (где аллатив не совпал с адессивом) *-le*; например, людики говорят: *star'ikale*, ливвики *star'ika!*, собственно-карелы *star'ikalla* „старика“.

Наибольшие различия имеет партитив (падеж с основным значением: *кого, чего нет?*). Имена в партитиве обычно приобретают различные падежные показатели, а некоторые категории имен подвергаются изменениям и в основе, например: *vez'i* (*ves'i*) (основа *vede-* „вода“) у одних будет *vettä*, у других *vez'ie* (*ves'ie*), у третьих *veded* „(нет) воды“. Значительные различия в самом падежном показателе (без изменения основы) в разных местах наблюдаются у большого количества имен, например, от основы *kondie-*: *kondieda* (*kontietä*), *kondiedu*, *kondia*, *kondio*, *kondio*, *kondiad*, *kondijad* (партитив ед. ч. от слова „медведь“) или *yö* имеются в разных местах варианты множ. ч.: *yö! öi*, *yö! öjä*, *yö! öidä*, *yö! öitä*, *yö! öid*, *yöid*, *öidä* (партитив множ. ч. от „ночь“). В карельском языке разные типы слов в косвенных падежах имеют свои показатели множественного числа: *-i-*, *-loi* (*-löi*), например, от *l'ehmä* „корова“ множ. ч. *l'ehm-i-*, от *lumi* (основа *lumie-*) „снег“ множ. ч. *lumi-loi-*. Эти показатели множественности для одного и того же слова не во всех диалектах одинаковы; в одних при *lumie-* „снег“ показателем множественности служит *-i-*: *lumilla*, в других *-loi*: *lumiloilla* „снегами“ и т. п. Такое явление увеличивает диалектные различия, хотя эти различия распространяются не на весь диалект, а лишь на отдельные говоры.

Из приведенных примеров видно, что формы некоторых падежей не имеют никаких диалектных различий и являются общими для всего

карельского языка. В других же случаях формы падежей несколько различаются, но эти различия незначительны и, как правило, не затрудняют понимания.

В глагольном словоизменении подобная же картина, существенные различия имеются лишь в возвратных формах глагола.

Изложенные выше языковые факты убедительно говорят о том, что существует общий карельский язык, являющийся единым средством общения для всех карел.

Однако в карельском языке, как и в других языках, имеются диалекты. Несколько забегаая вперед, можем сказать, что на территории Карельской АССР различаются три диалекта: собственно-карельский, ливвиковский и людиковский. Но диалекты не отрицают единства языка как средства общения, а указывают лишь на сложность пути развития данного языка.

Каковы же признаки, позволяющие выделить в карельском языке три основных диалекта?

Обратимся к территории, на которой проживающее там население называет себя людиками. Какие особенности свойственны диалекту населения этой территории?

Звонкие согласные *g, d, b* (у северных карел им соответствуют глухие *k, t, p*) в основе слов в некоторых положениях могут выпасть, а предшествующий и последующий гласные разных слогов стянуться и преобразоваться в диалектах разных мест по-разному. В людиковском диалекте выпадения *g, d, b* не произошло. Сохранением *g, d, b* этот диалект существенно отличается от других диалектов. Например, карельское „острога“ в одних местах звучит *azruan*, в других *azrain*, в третьих *azruain*, но в людиковском диалекте *azragain*; слово „ключ (технич.)“ соответственно *avuan*, *avoan*, *avain*, но в людиковском диалекте *avadim*; слово „весной“ *keviäl'l'ä*, *kevüäl'(l'ä)*, *kevyäl'l'ä*, *kevüäl'l'ä*, но в людиковском диалекте *kevüdel'(l'ä)*, также *aüttua*, *avvuttua* „помогать“ у людиков *abutada* и т. д.

Явление сохранения согласных *g, d, b* в основе слова, свойственное только людиковскому диалекту, является одним из моментов, выделяющих этот диалект.

Подобное же положение наблюдается и по отношению к чередованию ступеней согласных.

В карельском языке (исключая людиковский диалект) звонкие согласные *g, d, b* (или соответствующие им глухие *k, t, p*) открытого слога слова чередуются с другими согласными или совсем выпадают, если слог становится закрытым. В людиковском диалекте ни замены, ни выпадения этих согласных не происходит, например: *vago* „борозда“, *vagod* (*vagid*) „борозды“; *pada* „горшок“, *padat* (*padit*) „горшки“; *reboi* „лисица“, *reboit* „лисицы“. В других диалектах соответственно: *vago* — *vavot*; *pada* — *puat*, *poat*, *paat*; *rebo(i)* — *revot*.

Если согласным второго открытого слога *g, d, b* предшествуют согласные конца первого слога *l, n, m, r*, то первые у людиков при закрытом втором слоге образуют с последними сочетание *ld, nd, (md)*, *rd*; *lg, ng, mg, rg*; *lb, nb, mb, rb*, а в употреблении всех других карел ассимилируются с *l, n, m, r*, например: *peldo* „поле“ — *pellot* „поля“, но у людиков *peldot* (*peldit*); *kynd'ia* „пахать“ — *kynnän* „я пашу“, но у людиков *kynd'an*; *parda* „борода“ — *parras(sa)* „в бороде“, но у людиков *pardas*; *hammas* (основа *hambaka-*) „зуб“, но у людиков *hambas*; *olgi* „солома“ — *ollen* „соломы“, но у людиков *olgen* и т. д.

При двусложных словах с основой на *-a*, *-ä*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, в людиковском диалекте в номинативе ед. ч. эти *-a*, *-ä* могут перейти в *e* или совсем отпасть¹, а согласный второго слога стянуться в первый слог, в результате слово с двусложной основой в номинативе ед. ч. становится односложным. В других диалектах подобного явления не наблюдается. В собственно-карельском диалекте конечные гласные основы сохраняются и в номинативе ед. ч., а в ливвиковском переходят в *u*, *y*, например: *l'ehmä*- (основа) „корова“ у собственно-карел и у ливвиков *l'ehmä*, *l'ehmu*, но у людиков *l'ehme* или *l'ehm*; *akka*- (основа) „жена, старуха“ у собственно-карел и ливвиков *akka*, *akku*, но у людиков *akke* или *akk*; *laiska*- (основа) „ленивый“ у собственно-карел *laiska*, у ливвиков *lasku*, но у людиков *laš*; *huaba*- (основа) „осина“, у собственно-карел *huaba* (*hooba*, *hoaba*), у ливвиков *huabu* (*hoabu*, *haabu*), но у людиков *huab* и т. д.

Наиболее ярким показателем диалектной особенности для людиковского диалекта служит употребление начинательной формы глагола, которая совершенно не известна ни ливвикам, ни собственно-карелам. Эта форма показывает момент начала действия. Для образования начинательной формы глагола употребляются суффиксы *ška-* *-škaze-*, например: *pajataškan*, *pajataškazen* „я запою“. Прошедшее время *pajataškažin* „я запел, начал петь“.

Из других морфологических диалектных особенностей, свойственных только людиковскому диалекту, укажем еще на следующие:

а) у собственно-карел и большинства ливвиков аллатив совпал с адессивом, но у людиков аллатив является самостоятельным падежом с присущим для него падежным суффиксом *-le*: *star'ikale* „старик“, а у ливвиков *star'ikal* означает и „старик“, и „у старика“, и „на старике“, и „стариком“, и „от старика“, у собственно-карел *star'ikalla* означает и „у старика“, и „на старике“, и „старик“;

б) показателем эссива у собственно-карел служит *-nä* (*-nä*), у ливвиков *-nnu* (*-nnu*), а у людиков *-n*, например, у собственно-карел *učit'el'ana* „учителем“, у ливвиков *učit'el'annu*, у людиков *učit'el'an*;

в) у людиков транслатив имеет падежный показатель *-ks* (*-kš*), у собственно-карел *-ksi* (*-kši*), у ливвиков — *-kse* (*-ks*).

Аналогичная картина наблюдается и по части глагольного словоизменения.

Все эти особенности свойственны лишь языку населения одной и той же территории и не выходят за ее пределы. Поэтому они служат для определения диалектных особенностей людиковского диалекта.

В ливвиковском диалекте тоже имеются свои особенности, распространяющиеся в определенных территориальных границах. Однако многие явления, присущие ливвикам, имеют место как в людиковском диалекте, так и в собственно-карельском. Особенности ливвиковского диалекта в основном следующие:

а) Особенности конечной огласовки: в ливвиковском диалекте в номинативе единственного числа двусложные слова с основой на *-a*, *-ä*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, имеют в конце слова гласные *-u*, *-y*: *sil'mä*, *sil'mu* „глаз“; *kulda*-, *kuldu* „золото“; *lauda*-, *laudu* „доска“; *kaida*-, *kaidu* „узкий“; *säynä*-, *säynu* „язь“ и т. д.

Явление замены конечных гласных основы *-a* (*-ä*) на *-u* (*-y*) в номинативе ед. ч. перешло и на падежное окончание эссива. В собственно-карельском диалекте падежным показателем эссива является *-na* (*-nä*), а в ливвиковском диалекте *-nnu* (*-nnu*). Конечный гласный основы *-a* (*-ä*) восстанавливается, например: *sil'mu* „глаз“ в эссиве *sil'männy* „глазом“, *kuldu* „золото“ — *kuldannu* (*kullannu*) „золотом“, *laudu* „доска“ — *laudannu* „доской“, *kaidu* „узкий“ — *kaidannu* „узким“, *säynu* „язь“ — *säynänny* „язем“ и т. д.

б) Чисто ливвиковская особенность проявляется и в падежном показателе транслатива. У собственно-карел показателем транслатива служит *-ksi* (*-kši*), у людиков *-ks* (*-kš*), а у ливвиков *-kse*; например: *sil'mä* „глазом“, *kullakse* „золотом“, *säynä* „язем“ и т. д.

в) Местоимение 3-го лица ед. ч. у собственно-карел и у людиков имеет в конце *-n*: *hän*, *heen*, *heän*, *hän*, *hän*, у ливвиков же без *-n*: *hái*.

г) Личные показатели глагола в 1-м, 2-м и 3-м лице ед. ч. и в 3-м лице множ. ч. у всех карел совпадают. Показатели же 1-го и 2-го лица множ. ч. разные. У ливвиков для 1-го лица *-mmo* (*-mmö*), для 2-го лица *-tto* (*-ttö*), например, *otammo* „мы возьмём“, *otatto* „вы возьмете“, *syömmö* „мы едим“, *syöttö* „вы едите“ и т. д.

Эти явления свойственны только ливвикам и распространены в языке населения ливвиковской территории. По самоназванию населения — это ливвиковский диалект.

Диалект карельского языка населения остальной территории принято называть собственно-карельским диалектом. Значительных различий в языке этого населения нет, если не считать отдельных небольших отклонений, которые следует рассматривать как различия между отдельными говорами одного и того же диалекта.

Действительно, в склонении имен в падежных показателях в языке населения всего собственно-карельского диалекта различия сводятся лишь к фонетическим (свистящие или шипящие, звонкие или глухие, разные гласные в суффиксе партитива и некоторые др.). В спряжении большие различия наблюдаются только в формах возвратных глаголов, а в остальном почти полное единство.

Особенности языка той или иной группы населения определенной территории можно назвать говором чаще всего лишь на основании одного какого-либо явления, ибо трудно найти несколько одинаковых явлений, которые в равной мере распространялись бы на одной и той же территории. Например, можно выделить говор, общий для нескольких населенных пунктов Сегозерского р-на, где на месте древнего долгого *aa* первого слога слова употребляется *oo*: вместо *maa* „земля“ в этих пунктах говорят *moo*, вместо *haarä* „осина“ — *hooba*. Но древнее долгое *ää* первого слога слова только в некоторых из этих населенных пунктов дало *ee*, например, из *pää* — *pee* „конец, голова“. В других пунктах долгое *ää* дало дифтонг *-eä*, *-iä*: *peä*, *piä* и др. Таким образом, территория употребления *oo* не совпадает с территорией употребления *ee*, хотя явления, из которых развились *oo* и *ee*, совершенно сходные. В то же время какие-нибудь варианты других явлений совершенно не совпадают с территорией распространения *oo*, а показывают территорию гораздо шире, часто заходя даже на территорию ливвиковского и людиковского диалектов.

На севере в бывш. Кестеньгском, в большей части Калевальского и в части бывш. Лоухского районов не употребляются звонкие смычные *g*, *d*, *b* и щелевые *z*, *ž*. Вместо них употребляются соответствующие им глухие *k*, *t*, *p*, *s*, *š*. По этому явлению язык населения

¹ Явление отпадения конечных гласных перешло и на более чем двусложные слова.

указанных районов можно считать особым говором. Таким образом, говор можно определять лишь по какому-нибудь варианту, реже большего количества вариантов, одного и того же явления.

Приведенный материал говорит о том, что в карельском языке различаются три диалекта: людиковский, ливвиковский и собственно-карельский, каждый из которых имеет свои территориальные границы (см. карту).

I—XIV — районы с карельским населением (по административному делению до 1956 года):

I — Олонекский; II — Ведлозерский; III — Пряжинский; IV — Прионежский; V — Кондопожский; VI — Петровский; VII — Медвежьегорский; VIII — Сегозерский; IX — Ружозерский; X — Тунгудский; XI — Калевальский; XII — Кемский; XIII — Кестеньгский; XIV — Лоухский.

Если, с одной стороны, по языковым особенностям противостоят друг другу все три диалекта, то, с другой стороны, один собственно-карельский диалект по своим языковым особенностям резко противостоит двум диалектам: ливвиковскому и людиковскому. Это делит территорию Карелии на две части: южную, населенную ливвиками и людиками, и северную (в широком смысле, включая и среднюю), населенную собственно-карелами. Такое разграничение, когда ливвиковский и людиковский диалекты имеют между собой много общего, а собственно-карельский диалект противостоит им и имеет много фонетических и особенно морфологических различий, представляет большой интерес не только для истории развития карельского языка, но и для истории самого народа.

Каковы же эти общности, которые объединяют ливвиковский и людиковский диалекты и противостоят собственно-карельскому диалекту?

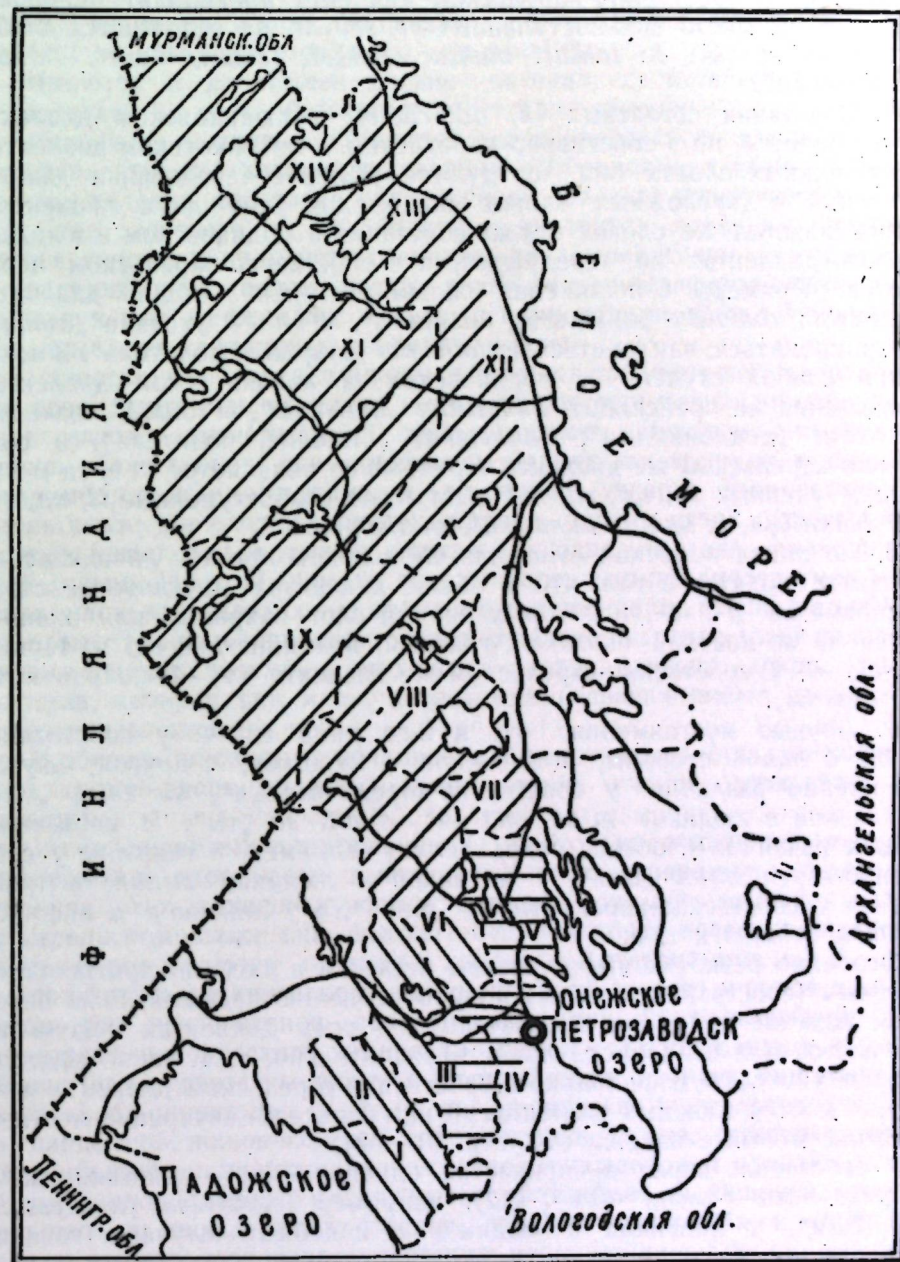
1. В прибалтийско-финском языке-основе в середине некоторых слов перед глухими свистящими употреблялся дифтонг на неслоговое *-i* (*ai, oi, ui*). Этот дифтонг сохранился в финском языке и в собственно-карельском диалекте, но в ливвиковском и людиковском диалектах перед неслововым *-i* свистящий перешел в шипящий, а неслоговое *-i* выпало, например, в собственно-карельском диалекте и в литературном финском языке: *laiska* „ленивый“, *paistua* „печь“, *muistua* „помнить“, а у южных карел (ливвиков и людиков) — *lašku, laške; paštua, muštua*. Только в части говоров ливвиковского диалекта в положении перед твердым *-t* употребляется свистящий *-s* при выпадении *-i* (*mustau, pastau*).

Употребление свистящих и шипящих в карельских диалектах поставлено чрезвычайно сложно. Любая новая фонетическая обстановка дает совершенно новые и разные границы употребления свистящих или шипящих, но в положении после *i* у южных всегда будет шипящий, а у северных — свистящий, например, у собственно-карел *is'ke* „колоть, резать скот; ударить, вбить“, а у ливвиков и людиков — *iške*. Только в некоторых говорах в исходе слова после *i* употребляется свистящий *-s* (*valmis'* „готовый“, *jän'is'* „заяц“).

2. В наречиях вроде *egl'ein* „вчера“, *enne* „прежде, раньше“ у собственно-карел конечное *-n* употребляется повсеместно, а у ливвиков и людиков он выпал: *egl'ei, egl'ai, ende, enne* и т. п.

3. В ливвиковском и людиковском диалектах сочетания согласных *st* (*št*), *sk* (*šk*), *ht*, *hk* ни в каких положениях в слове не чередуются, а в собственно-карельском диалекте они чередуются: *st~ss* (*št~šš*), *sk~ss* (*šk~šš*), *ht~h*, *hk~h*, например, в положении сильной степени в людиковском, ливвиковском и собственно-карельском диалектах *lastu* „щепка“, *musta* „черный“, *l'eski* „вдова, вдовец“, *laskie* „пустить“,

Схематическая карта распространения диалектов карельского языка на территории Карельской АССР

1 — людиковский диалект; 2 — ливвиковский диалект; 3 — собственно-карельский диалект

1 — людиковский диалект; 2 — ливвиковский диалект; 3 — собственно-карельский диалект

отпустить, выпустить", *l'eht'i* „лист“, *l'äht'ie* „пойти“, *nahka* „кожа шкура“, *kohta* „место“ и т. д. В положении слабой ступени в людиковском и ливвиковском диалектах чередования не происходит: *lastut*, *mustat*, *l'esket*, *lasken*, *l'ehet*, *l'ähten*, *nahkat*, *kohtat*. В этом же положении в собственно-карельском диалекте происходит чередование, т. е. на место сильноступенных *st*, *sk*, *ht*, *hk* появляются слабоступенные *ss* (*šš*), *h*: *laššut*, *muššat*, *l'eššet*, *laššen*, *l'ehet*, *l'ähen*, *nahat*, *kohat*.

4. Сочетания согласных *ld*, *nd*, *rd*, *mb* в людиковском диалекте не чередуются, но в собственно-карельском и ливвиковском диалектах в двусложных словах они чередуются. Явление чередования данных сочетаний в двусложных словах общее для этих двух диалектов. В трехсложных же словах эти же сочетания в людиковском и в ливвиковском диалектах не чередуются, а в собственно-карельском чередуются. Примеры в положении сильной ступени, общие для всех диалектов: *humaldu* „охмелеть, опьянеть“, *iz'än'd'ä* „хозяин“, *kumardu* „поклониться, наклониться“, *vanhembä* „старший, родитель“. В положении слабой ступени в людиковском и ливвиковском диалектах чередования не происходит: *humaldun* „опьянею“, *iz'ändät* „хозяйева“, *kumardut* „поклонишься“, *vanhembat* „старшие, родители“; в собственно-карельском же диалекте чередование появляется, т. е. на место сильноступенных *ld*, *nd*, *rd*, *md* выступают слабоступенные *ll*, *nn*, *rr*, *mm*: *humallun*, *iz'ännät*, *kumarrut*, *vanhemmat*.

5. По линии конечной огласовки слов людиковский и ливвиковский диалекты сходятся в том, что в обоих диалектах двусложные слова с основой на *-a-*, *-ä-*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, в номинативе ед. ч. теряют эти *-a-*, *-ä-*. В собственно-карельском же диалекте *-a-*, *-ä-* сохраняются (см. стр. 54).

6. Личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. у собственно-карел, с одной стороны, и ливвиков и людиков, с другой, звучат совершенно различно: у собственно-карел *mie* „я“, *šie* (*sie*) „ты“, у ливвиков и людиков *minä*, *ma* „я“, *s'inä*, *sa* „ты“. В косвенных формах различия в основе сохраняются; например, в генитиве у собственно-карел *miun* „мой“, у ливвиков и людиков *minun*; в транслативе у собственно-карел *miuksi* „мною“, а у ливвиков и людиков *minukse*; *minuks* и т. п.

Особенно резко южные диалекты (ливвики и людики) противостоят северным (собственно-карелам) по употреблению падежей. Если некоторые падежи по своим показателям во всех диалектах совсем не отличаются или отличаются лишь незначительно, т. е. такие падежи, которые употребляются только в собственно-карельском диалекте и не употребляются в южных диалектах. К ним относятся внутренне-местные и внешне-местные падежи (см. стр. 51—52).

У собственно-карел деепричастие одновременного действия имеет суффикс *-ssa* (*-ssä*), *-šša* (*-ššä*), например, *avatessa* (*avatessah*) „открывая“, у ливвиков и людиков в подобных случаях говорят *ava'es*.

В условном наклонении времена различаются только в ливвиковском и людиковском диалектах, у которых для выражения прошедшего времени употребляется суффикс *-ni* (*-nu*). В собственно-карельском диалекте этот суффикс не употребляется. Прошедшее время условного наклонения может быть показано только составной формой. Например, от глагола *sano-* „сказать“ форма настояще-будущего времени у собственно-карел, ливвиков и людиков: *sanoz'in* (*sanožin*,

šanoz'in и др.) „я сказал бы“, а форма прошедшего времени будет *sanonužin* (только у ливвиков и людиков), у собственно-карел — *ol'iz'in šanon*.

В 3-м лице ед. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения у ливвиков и людиков признаком прошедшего времени служит *i* (неслоговое), например: *sanoi* „он сказал“, а у собственно-карел это неслоговое *i* не употребляется: *sano* „он сказал“.

Имеются и некоторые другие явления, свойственные ливвикам и людикам, но не свойственные собственно-карелам.

Исходя из языковых общностей всего карельского языка, включая все диалекты и учитывая диалектные особенности, а также и то, что многие явления собственно-карельского диалекта противостоят общим для ливвиковского и людиковского диалектов явлениям, напрашивается вопрос: в силу чего развились диалекты? имеем ли мы явление распада одного языка на три диалекта или незавершеншееся слияние двух или нескольких языков в один общий язык? Ответить на это помогают следующие языковые факты.

Известно, что лексика из языка в язык переходит весьма свободно. Во всех диалектах карельского языка имеется бесчисленное множество русских заимствований разных времен. Возьмем для примера такую область быта, где ожидалось бы меньше всего заимствований, например, названия предметов домашней утвари. Заимствованными здесь окажутся слова: чугунок, тарелка, блюдо, лоток, ложка, поварежка, ухват, вилка, стакан, чашка, блюдце, лоханка, шайка и многие другие. Из этой области только несколько предметов имеют свои карельские названия. Точно такое же положение и с лексикой в области одежды: в карельский язык вошли русские названия тулупа, армяка, пальто, брюк, тужурки, пиджака, платья, юбки, кофты, шапки, картуза, кепи, шляпы и др. Карельские названия имеют лишь некоторые виды одежды.

В области школьного обихода вся лексика является заимствованной, кроме слова *opastuja*, означающего ученик, учащийся, изучающий.

Из приведенных примеров видно, насколько много русских заимствований в карельском языке. Если взять современную, следовательно, более высокую культуру и технику, то русских заимствований в карельском языке еще больше. Все эти слова вошли в карельский язык и подчиняются правилам карельской грамматики.

В области фонетических закономерностей между русским и карельским языками картина совершенно иная. Фонематический состав карельского и русского языков имеет как различия, так и сходство. В частности, сходство имеем в употреблении звонких смычных *g*, *d*, *b* (*z*, *đ*, *b*,) и щелевых *z*, *ž*, (*z*, *ж*) (звонкие не употребляются только в части собственно-карельского диалекта самых северных карел). В прибалтийско-финском языке-основе, очевидно, и в древнем карельском, звонкие смычные и щелевые не употреблялись. Вопрос о причинах и условиях появления указанных звонких согласных в карельском языке требует еще дополнительного исследования. Однако некоторые предположения можно высказать уже теперь.

В прибалтийско-финском языке-основе смычные звонкие не употреблялись, но употреблялись щелевые звонкие: *β*, *γ*, *đ*, соответствующие смычным *b*, *g*, *d*.

Наличие щелевых звонких создавало условия для усвоения смычных звонких в русских заимствованиях. А после усвоения звонких смычных в русских заимствованиях они стали употребляться и в сере-

дине карельских слов на месте щелевых звонких. Русский язык способствовал и ускорил процесс перехода щелевых в смычные звонкие.

Русский язык не мог передать в карельский звонкой аффрикаты *d'ž*, поскольку в русском ее нет. Но, усвоив звонкие смычные, карельский язык озвончил глухое *č* (*ц*) до смычно-щелевого звонкого *d'ž* (*дж*).

Такие звуки, как *ф* и *ц*, заимствованы из русского и употребляются они только в русских заимствованиях. Переход этих звуков из русского языка в карельский совершился в недалеком прошлом.

По линии морфологии нет заимствований из русского языка. В области фонетики имеются некоторые заимствования, но больше всего заимствований в лексике.

В людиковском и ливвиковском диалектах наблюдается много фонетических и грамматических явлений, общих с вепским языком. В собственно-карельском же диалекте подобного явления почти нет. Могли ли появиться эти людиковско-ливвиковско-вепские общности в силу вепских заимствований в карельский?

В карельском языке древних русских лексических заимствований чрезвычайно много, но нет морфологических заимствований: язык не заимствует без надобности. Карельский язык, заимствуя из русского языка слова, подчинял их своим морфологическим правилам. Очевидно, и в морфологических заимствованиях из вепского не было нужды, поэтому и нет таких заимствований в собственно-карельском диалекте.

По тем же причинам нельзя говорить и об обратном явлении, т. е. о вепских заимствованиях из карельского языка, в силу которых появились бы людиковский и ливвиковский диалекты. Перед нами не заимствования из одного языка в другой, и не распадение былого единого языка на диалекты, а смешение двух языков: вепского и карельского. Диалектами карельского языка их следует считать лишь потому, что в этих диалектах карельский элемент является преобладающим.

Как могло получиться такое смешение?

Если предположить, что смешение вепского языка с карельским или, наоборот, карельского с вепским, получилось в силу близкого соседства вепсов с карелами, то остается неясным, почему получились такие резкие территориальные границы диалектов? Почему явления карельского языка проникли в вепский язык, а явления вепского языка совершенно не вошли в язык собственно-карельского диалекта, а только в ливвиковский и людиковский диалекты? Наконец, почему людиковский диалект имеет больше общего с вепским языком, нежели ливвиковский? Между тем, граница соприкосновения с населением собственно-карельского диалекта у людиков гораздо больше, чем территориальные границы соприкосновения ливвиков с собственно-карелами.

Несомненно, что смешение карельского и вепского языков могло получиться лишь в результате смешения самого вепского и карельского населения, населения племени Вепь и племени Корела. Там, где население племени Вепь было количественно больше, мы имеем людиковский диалект, а где вепского населения было меньше, там сложился ливвиковский диалект.

Причин, мешающих смешению населения племен Вепь и Корела, не было. Это было население близко родственных племен с близко родственными языками: карельским и вепским.

Родовые устои ко времени смешения были, очевидно, не только сильно ослаблены, но, вероятно, уже совсем разрушены. Поэтому и с этой стороны ничто не мешало смешению разноплеменных наро-

дов. Территория была заселена редко и незаселенных мест было достаточно, чтобы без ущерба для других селиться на них новому населению. „Старым“ же населением современной людиковско-ливвиковской территории были вепсы, о чем Д. В. Бубрих пишет: „Замечательные раскопки В. И. Равдоникаса показали раннее распространение Веси на север, на низовья рек Олонки и Видлицы, т. е. на ту территорию, где мы ныне находим приладожских карел-ливвиков. Другие, более старые раскопки, показали раннее распространение Веси в районе Онежского озера и притом не только к западу от него, в частности, по той территории, где мы ныне находим прионежских карел-людиков, но и к востоку от него“.¹ Корела занимала территорию западного и северного побережья Ладожского озера и прилегающие к нему места.

По летописи известно, что уже в первой половине XII в. Корела имела столкновения с Емью, а к концу XII в. и позже и с Швецией.

Швеция противостояла России, точнее Новгороду, а поскольку Корела в это время уже входила в состав Русского государства, то карелы и русские, при сопротивлении шведскому давлению, выступали против шведов всегда совместно.

Нападения шведов на Корелу приводили последних к тому, что иногда часть их уходила восточнее, где и селилась. „Уже в середине XIII в. группы Корелы появились в восточном направлении. Они появились и на Олонецком перешейке среди Веси, и дальше. В 1251 г. одна группа Корелы зарегистрирована даже у Кубенского озера“,² намного восточнее людиковской территории.

Поскольку военные столкновения имели место на протяжении многих веков, то группы Корелы, несомненно, неоднократно вынуждены были покидать свои места на Карельском перешейке и в северном Приладожье и селиться восточнее на Олонецком перешейке. Такое количественное увеличение Корелы среди вепсов приводило к тому, что селения карел и вепсов стали все ближе и ближе примыкать друг к другу.

Благодаря родственности вепского и карельского языков население вепсов и карел легко смешалось (браки, экономические связи, общая государственность и т. д.). При смешении населения неизбежно смешивался и язык, но преобладающим все же оставался карельский язык, который лишь впитал в себя много вепских элементов. Эти вепские элементы вытеснили соответствующие карельские элементы. А явления, как, например, начинательная форма глагола, каких в карельском языке не было, людиковским говором целиком были восприняты из языка Веси. Вепское население постепенно усваивало карельский язык и язык для смешавшихся карел и вепсов стал общим.

Но общим, единым (отвлекаясь от некоторых фонетических различий) язык стал только в пределах границ диалектов. Между отдельными диалектами полной общности не наблюдается.

Явления, общие для южных карел, т. е. для ливвиков и людиков, но не имеющие общности в собственно-карельском диалекте, представляют собою чаще всего элементы вепского языка.

Различия между ливвиковским и людиковским диалектами говорят о неравном количестве вепских языковых явлений в этих диалектах. И это не случайно. Несомненно, что больше вепских явлений вошло

¹ Д. В. Бубрих. „Происхождение карельского народа“. Петрозаводск, 1947, стр. 27.

² Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 37.

в язык и сохранилось среди населения, где было большее количество вепсов, а меньше вепских явлений вошло в язык и сохранилось среди населения, где было меньше вепсов.

Географическое расположение территорий диалектов тоже говорит за это. Ливвиковский диалект имеет меньше вепских явлений в языке потому, что территория ливвиков была расположена дальше от вепсов и ближе от местообитания Корелы. К тому же от последних были хорошие пути сообщения, какими являлись Ладожское озеро и впадающие в него реки, поэтому и карельское население здесь оказалось более плотным и многочисленным. К территории людиков от прежнего местообитания Корелы таких удобных путей не было и их разделяло более значительное расстояние. Поэтому там карельское население было менее плотным.

С другой стороны, Весь имела большие возможности к колонизации Онежского побережья, территории современных людиков, нежели территории ливвиков. Поэтому на территории людиковского диалекта вепское население оказалось более плотным, в результате чего и своих языковых явлений сохранило больше. Эти причины создали в карельском языке диалекты, которые и показывают, что карельский язык как общее средство общения сложился на основе двух языков — языка населения племени Корела и языка населения племени Весь.

Н. И. БОГДАНОВ

НАРОДНОСТЬ ВЕПСЫ И ИХ ЯЗЫК

Вепсы выделились из прибалтийско-финских племен. Примерно в первой половине I тысячелетия нашей эры племя вепсы (по-русски Весь), отколовшись от остальных западнофинских племен, обосновалось в районе реки Свири и далее по водным путям до Белого озера. Река Свирь и реки севернее и южнее Свири служили хорошими путями связи и способствовали расселению племени вепсов как в северном, так и в южном направлении от водной магистрали р. Свирь — Онежское озеро — р. Вытегра — волок — р. Ковжа — Белое озеро.

О происхождении вепсов существуют разноречивые предположения. Одни ученые, в том числе Д. В. Бубрих, утверждают, что предками вепсов является древняя летописная Весь.¹ Другие ученые, особенно историки, утверждают, что древняя летописная Весь, обитавшая в районе Белого озера, исчезла.²

Автор данной работы, знакомясь с топонимикой обширного района, прилегающего к р. Свири, пришел к выводу, что территория по р. Свири и далее на восток вдоль современной Марининской системы до Белого озера, где в настоящее время живет русское население, в прошлом была заселена вепсами, продолжателями древней летописной Веси. Связь терминов „весь“ и „вепс“ очевидна. Выпадение в русском языке звука п (из вепся > вепс' > весь) закономерно.³

Во второй половине I тысячелетия н. э. район Ладожского озера и реки Свири стал интенсивно заселяться славянскими племенами. Известно, например, что в VIII—IX вв. на южном берегу Ладожского озера жило славянское племя — словене⁴. Славянские племена, спустившись из района Новгорода по реке Волхову, вклинились между прибалтийско-финскими племенами и тем самым как бы изолировали вепсов от других прибалтийско-финских племен.

В это же время славянские племена стали продвигаться и селиться по водной магистрали р. Свирь — Белое озеро. Топонимика показывает, что русские (славянские) поселения перемежаются с вепскими

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, 1947, стр. 5—6.

² М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР, том I, Госполитиздат, 1948, стр. 41—42 и след.

³ Н. И. Богданов. К истории вепсов, Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, № 2, Петрозаводск, 1951.

⁴ БСЭ, т. XXIV, статья „Ладожское озеро“.

по р. Свири и далее до Белого озера. Так, например, в районе р. Свири мы встречаем Вязостров (русск.), Нимпелда (вепск.), Княжбор (русск.), Кузра (вепск.), Подпорожье (русск.), Варбиги (вепск.) и др. То же самое мы встречаем и дальше на восток в сторону Белого озера, на север и на юг от реки Свири. Такое положение впоследствии привело к тому, что вепсы, жившие в районе реки Свири и далее по водной магистрали до Белого озера, частью обрусели, частью углубились в леса севернее и южнее р. Свири и водной магистрали и оказались разобщенными широкой полосой, заселенной русскими и обрусевшими вепсами. Таким образом, одна группа вепсов (Веси), рано обосновавшись и укрепившись на реках Олонке и Видлице, продвинулась в глубь Олонецкого перешейка на р. Шую и заложила вепскую основу ливвиков — современных приладожских карел. Другая группа вепсов (Веси), продвинувшись по северному притоку р. Свири (Важинке) на нижнее течение р. Шуи, а оттуда на север по берегу Онежского озера до северной его оконечности, заложила вепскую основу людиков — современных прионежских карел.¹ Третья группа вепсов обосновалась вдоль юго-западного берега Онежского озера — современные прионежские (северные) вепсы, проживающие в Прионежском районе Карельской АССР. И, наконец, четвертая группа вепсов в значительном количестве оказалась южнее водной магистрали р. Свирь — Белое озеро. Это — современные вепсы, проживающие в Вытегорском, Шольском, Борисово-Судском районах Вологодской области, в Ефимовском, Капшинском, Винницком, Оятском районах Ленинградской области. Две последние группы и представляют собою современную народность вепсов. О них и их языке в дальнейшем и пойдет речь.

Северные (проживающие севернее р. Свири) и южные (проживающие южнее р. Свири) вепсы долгое время сохраняли связь между собой, так как процесс обрусения вепсов в районе р. Свири и Белого озера проходил постепенно и медленно. Средствами осуществления такой связи были водные пути. Только этим и можно объяснить существующую по настоящее время близость северных и южных вепских диалектов. Здесь мы не принимаем во внимание группы ливвиков и людиков. Эти группы рано вошли в соприкосновение с карелами, их говоры взаимно влияли друг на друга, происходил процесс смешения. Поэтому в дальнейшем их не будем и касаться.

Краткие исторические сведения о вепсах (Веси)

Вепсы вошли в систему Русского государства с самого начала его образования. Об этом свидетельствуют русские летописи. В Лаврентьевской летописи о Веси (совр. вепсы) как племени записано следующее: „В Аfetове части седять Русь, Чудь и вси языци, Меря, Муром, Весь (подчеркнуто мною. — Н. Б.), Морьдва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимигола...“ То же мы находим в Софийской, Воскресенской и других летописях.²

О том, что Весь живет в районе Белого озера, упоминается в ряде летописей. „На Беле-озере седять Весь...“³ Весь не славянское племя

¹ Д. В. Бубрих. „Историческая фонетика финского-суоми языка“, 1948, Петрозаводск, стр. 13.

² Полное собрание русских летописей, изданных императорскою Археографическою комиссиею (в восьми томах), СПб, 1843—1859, том I, стр. 2; том V, стр. 82; том VII, стр. 261.

³ Там же, том I, стр. 5, том II (Густинская летопись), стр. 236; том V, стр. 84; том VII, стр. 263.

и платит дань Руси: „А се суть языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь...“¹ и др. Под 6370 (862 н. э.) годом упоминается, что первыми поселенцами в „Белозере“ была Весь: „... а перьвие насельники в Новгороде Словене, Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белозере Весь (подчеркнуто мною. — Н. Б.), в Муроме Мурома и теми всеми обладаше Юрик“.²

Под 6390 (882 н. э.) годом упоминается, что Весь участвует в походе Олега на Смоленск и далее на Киев. „В Лето 6390. Поиде Олег, поим воя многи, Варяги, Чюдь, Словени, Мерю, Весь, Кривичи...“³ В Густинской летописи мы читаем: „В Лето 6390 (882 н. э.). Собра Олег вои многи, си есть Варяги, Чудь, Словене, Меря, Весь, Кривичи...“⁴ Наконец, под 6979 годом последний раз упоминается, что Владимир, крестив всех русских, славян и проч., крестил „...и Мерску и Кривическу Весь, рекше Белозерскую“.⁵

Вот те краткие сведения о Веси, которые мы находим в древних исторических памятниках. После этого о Веси в течение целого ряда веков ничего в письменных памятниках не встречаем. Получается, что она как будто и на самом деле совершенно исчезла.

Однако оказалось, что Весь не исчезла, а имеет своих потомков в лице вепсов, сохранивших в течение веков свой язык, своеобразие быта и нравов.

Академик А. М. Шёгрэн, путешествуя в начале XIX века по местам, заселенным финноугорскими народностями и исследуя их язык, быт, топонимику, открыл продолжателей Веси в лице вепсов (Чуди), живущих южнее и севернее реки Свири и в районе Белого озера. Он высказал свое мнение, что все, кто причисляется к белозерской и оятской Чуди, являются потомками древней Веси.⁶ Правда, впоследствии А. М. Шёгрэн поставил под сомнение свое первоначальное высказывание. Он пытался отождествить Чудь, имея в виду под этим названием вепсов, с Емью, распространив древнее расселение Еми от Урала до Финляндии.⁷ Здесь А. М. Шёгрэн допустил грубую ошибку. В настоящее время доказано, что Емь никогда в Приладожье и на Свири не обитала, что вепсы — это отдельное прибалтийско-финское племя, рано оторвавшееся от родственных племен. Вторая теория А. М. Шёгрэна явно ошибочна. Опровержение этой теории мы находим в трудах советских ученых Д. К. Зеленина⁸, Д. В. Бубриха⁹ и И. П. Шаскольского¹⁰. Д. К. Зеленин и Д. В. Бубрих на языковом материале убедительно доказывают, что современные вепсы являются продолжателями древней исторической Веси.

¹ Полное собрание русских летописей, изданных императорскою Археографическою комиссиею (в восьми томах), СПб, 1843—1859, том I, стр. 5; том V, стр. 84; том VII, стр. 264.

² Там же, том I, стр. 9; том V, стр. 88; том VII, стр. 268.

³ Там же, том I (Лаврентьевская летопись), стр. 10.

⁴ Там же, том II, стр. 238.

⁵ Там же, том VII, стр. 160.

⁶ А. М. Шёгрэн. Zeitschrift, изд. Хр. Авг. Вильг. Ольдекопа, СПб, 1824, № 3, стр. 368 и след.

⁷ A. Sjögren. Gesammelte Schriften, Band I, „Historisch-Ethnographische Abhandlungen über den finnisch russischen Norden“, St. Petersburg, 1861, der Aufsatz „Über die älteren Wohnsitze der Jemen“, s. 471—474.

⁸ Д. К. Зеленин. Древняя финская Весь. Записки высшей школы г. Одессы, II, 1922.

⁹ Д. В. Бубрих. Недостаточно ли емских теорий, Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, № 1, Петрозаводск, 1950.

¹⁰ И. П. Шаскольский. О емской теории Шёгрэна и ее последователях, там же.

Краткие сведения об истории вепсов в свете лингвистических данных

Свидетельством того, что вепсы отпочковались от прибалтийско-финских племен, является основной словарный фонд, древние заимствования, общий грамматический строй языка.

Древний пласт основного словарного фонда вепсского языка исключительно близок ко всем прибалтийско-финским языкам. Это тот лексический пласт, который принадлежит языку-основе прибалтийско-финских языков. В него входят и древние заимствования из других не-финноугорских языков. Сравни:

вепсск.	финск.	эстонск.	карельск. ¹	
ma < *maa	maa	maa	maa	земля
pälv'	päivä	päev	päivä	день
jä	jää	jää	jää	лед
jog'i	joki	—	jog'i	река
jär'v' ²	järvi	järv	järvi	озеро
pä < *pää	pää	pea	piä	голова
s'ilm	silmä	silm	silmä	глаз
n'ena	nenä	nina	nenä	нос
käz'i	käsi	käsi	käz'i	рука
joUg	jalka	jalg	jalga	нога
oc	otsa	otsaesine	očka	лоб
pu, puu	puu	puu	puu	дерево
kolv	koivu	—	kolvu	береза
kuz', kuuz'	kuusi	kuusk	kuUzi	ель
lind	lintu	lind	lindu	птица
py, pyu	pyu	—	pyu	рябчик
t'edr'	teeri	teder	tedri	тетерев
kond'i	kontio	(karu)	kondie	медведь
rebol	repo	rebane	rebo	лисица
jän'iš	jänis	jänes	jänis'	заяц
var'iš	varis	vares	varis	ворона
ahven	ahven	ahven	ahven	окунь
haUg'	hauki	haug	haUgi	щука
särg'	särki	särg	särgi	плотва
hebo	hevonen	hobune	hebo	лошадь
lehm	lehmä	lehm	lehmä	корова
händ	händä	händ	händä	хвост
parm	paarma	parm	puarma	овод, слепень
ozr	ohra	oder	ozra	ячмень
nagr'iz'	nauris	naeris	nagr'is'	репа

Древние заимствования из индоевропейских, балтийских, германских, славянских и др. языков тоже общие.

¹ В дальнейшем вепские и собственно-карельские примеры даются в фонетической транскрипции (с учетом типографских возможностей): долгие гласные обозначаются двумя буквами, например, *aa, ää, uu* и т. п., неслоговые *u (y), i* после гласных обозначаются прописными *U (Y)* и *I*, мягкость согласных звуков обозначается знаком „минута“ ('). Финские, эстонские, русские и др. примеры даются в литературном написании.

² В вепском языке в двусложных словах, в которых первый слог закрытый или оканчивается на дифтонг, или же в нем исторически был долгий гласный, конечный гласный отпал; согласный второго слога перешел в первый слог. В многосложных словах конечный гласный отпал во всех случаях.

Заимствования из общендоевропейского языка-основы:

вепсск.	финск.	эстонск.	карельск.	
jyvå	jyvå	iva	jyvå	зерно
mez'i	mesi	mesi	mezi	мед
sarv'	sarvi	sarv	sarvi	рог
udar	udar	udar	udar	вымя

Заимствования из балтийских языков:

вепсск.	финск.	эстонск.	карельск.	
meri	meri	meri	meri	море
heln	heinä	hein	heinä	травы
hambaz	hammas	hammas	hammas	зуб
harj	harja	hari	harja	щетка
karv	karva	karv	karva	шерсть, волос
naba	napa	naba	n'aba	пуп
talvaz	taivas	taevas	talvas	небо
t'erv	terva	—	terva	смола

Заимствования из древне-германских языков:

вепсск.	финск.	эстонск.	карельск.	
rand	ranta	rand	randa	берег
kana	kana	kana	kana	курица
påld	paita	—	palda	рубашка
segl	seula	—	segla	решето
not	nuotta	noot	nuotta	невод
lambaz	lammas	lammas	lammas	овца
kuUd	kulta	kuld	kulda	золото
roUd	rauta	raud	raUda	железо
t'in	tina	tina	tina	олово

Заимствования из славянских языков:

вепсск.	финск.	эстонск.	карельск.	
kom	kuoma	—	kuoma	кум
pagan	pakana	—	pagana	поганый, язычник
pap'	pappi	papp	pappi	поп
r'ist	risti	rist	risti	крест
b'ird	pirta	—	pirda	бердо
luz'ik	lusikka	lusikas	luzikka	ложка

Эти заимствования указывают на былую общность вепсского языка с другими прибалтийско-финскими и относятся к тому времени, когда все прибалтийско-финские племена имели непосредственную связь с соседними балтийскими, германскими, славянскими и др. племенами.¹

Грамматический строй, система склонения и спряжения вепсского языка близки по своей структуре к прибалтийско-финским языкам и далеки от восточно-финских языков.

Однако последующее развитие лексики и фонетики вепсского языка в новых исторических условиях выделило вепсский язык в самостоятельный язык народности.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть II, Изд-во иностр. литературы, М., 1955.

Вепсы — небольшая народность. В силу исторических условий она не могла развиться до уровня нации. Вепский язык — бесписьменный, язык народности.

Основные признаки вепского языка как языка народности

По своему звуковому составу вепский язык близок к карельскому языку и сильно отличается от других прибалтийско-финских языков. Звуковой состав вепского языка во многих отношениях также близок к русскому языку, однако система его иная. По сравнению с другими прибалтийско-финскими языками в вепском меньшее количество долгих гласных в первых и не-первых слогах слова (они имеются только в отдельных диалектах). По линии консонантизма ему свойственны глухие и звонкие, твердые и мягкие, свистящие и шипящие, а также аффрикаты, которых нет, например, в финском и эстонском языках.

Фонетические особенности

В отличие от ряда других прибалтийско-финских языков — финского, карельского, эстонского, ижорского — вепский язык в первых слогах слов не имеет долгих гласных, на их месте выступают краткие гласные. Переход долгих гласных в краткие гласные характерен для всего вепского языка, за исключением прионежского диалекта (КАССР). Сравни вепские *ta* „земля“, *pä* „голова“, *pu* „дерево“, *pu* „рябчик“ с финскими *maa*, *pää*, *puu*, *puu* (с теми же значениями); вепские *so* „болото“, *võ* „пояс“ с эстонскими *soo*, *võõ* (с теми же значениями). Исторически в вепском языке тоже были долгие гласные. В прионежском диалекте сохранились долгие *uu*, *uu*, долгое *ii*, перешло в дифтонг *ii*.

Во всех диалектах вепского языка отпал конечный гласный основы в следующих случаях:

а) в двусложных словах в номинативе в положении: если в первом слове имеется дифтонг или был долгий гласный, или первый слог закрытый. Вследствие отпадения конечного гласного согласный второго слога перешел в первый слог, например, сравни вепск. *hab* „осина“, *lald* „простор озера; бортовая доска“, *lalh* „тощий“, *lib* „хлеб“, *maid* „молоко“, *mägr* „барсук“, *nagr* „смех“, *n'egl* „иголка“, *nold* „колдун“, *n'isk* „затылок“, *pald* „рубашка“, *polg* „сын“, *pert'* „изба“ и финск. *haara*, *laita*, *laiha*, *leipä*, *maito*, *noita*, *mäyrä*, *nauru*, *neula*, *niska*, *paita*, *poika*, *pirtti*;

б) в многосложных словах в номинативе независимо от закрытости и открытости, долготы и краткости первого слога, например, сравни вепск. *harag* „сорока“, *harav* (в диалектах *harou*) „грабли“, *humal* (в диалектах *humou*) „хмель“, *ikun* „окно“, *korond* „кормысло“, *madal* „низкий, мелкий“ и финск. *harakka*, *harava*, *humala*, *ikkuna*, *korento*; *matala*. Такое же, как и в вепском, положение в эстонском языке, но там в первом слове сохранились долгие гласные, например, *haab* „осина“.

Все диалекты вепского языка различают звонкие и глухие, твердые и мягкие, свистящие и шипящие согласные. Так, например, в вепском языке употребляются глухие согласные *k*, *t*, *p* и звонкие *g*, *d*; *b*, глухие свистящие и шипящие *s*, *š* и звонкие *z*, *ž*. Эти звонкие согласные в финском языке, за исключением *d*, не употребляются,

а если и употребляются, то только в заимствованных словах (*d* в финском языке тоже заимствованный звук, является слабоступенным соответствием *t*). Сравни вепск. *bard* „борода“, *hodr* „ножны“, *hürg* „бык“, *küz'i* „рука“, *rug'iz* „рожь“, *pert'iš* „в избе“ и финск. *parta*, *huotra*, *härkä*, *käsi*, *ruis*, *pirtissä*.

Вепский язык в отличие от финского, эстонского и карельского не знает чередования ступеней согласных. Сравни финск. *akka* „баба“, *akan* „бабы“, вепск. *ak* „женщина“, *akan* „женщины“; финск. *rappi* „поп“, *rapin* „попа“, вепск. *rap'* „поп“, *rapin* „попа“; финск. *haukkua* „лаять“, *haukun* „лаю“, вепск. *hoUkta* „лаять“, *hoUkun* „лаю“.

В этом отношении особо держится прионежский диалект, где чередование *kk*, *pp*, *tt* с *k*, *p*, *t* имеет место, например: *akk* „женщина“ ~ *akan* „женщины“, *satt* „копна“ ~ *satod* „копны“, *rapp* „поп“ ~ *rapin* „попа“ и т. д. В далеком прошлом в вепском языке, очевидно, было чередование ступеней согласных, но впоследствии оно исчезло.¹ Гармония гласных, характерное явление для ряда других прибалтийско-финских языков, в вепском языке также отсутствует.

Морфологические особенности

В вепском языке отсутствуют падежи элатив и аблатив, т. е. падежи внутреннего и внешнего исхода. Сравни вепск. *pert'iš pal* „из избы“, финск. *pirtistä* (в том же значении); вепск. *pert'il' pal* „с поверхности избы“, финск. *pirtiltä* (с тем же значением), т. е. в вепском языке вместо элатива употребляется инессив + послелог *pal*, а вместо аблатива употребляется адессив + послелог *pal*. Падежные окончания инессива и адессива в вепском языке усеченные. Сравни финск. инесс. *pirtissä*, адесс. *pirtillä* и вепск. инесс. *pert'iš*, адесс. *pert'il'*.

В вепском языке форма эссива совпала с формой генитива. Сравни финск. номин. *kana* „курица“, ген. *kanan* „курицы“, эссив *kanana* „курицею“ и вепск. *kana* „курица“, генитив-эссив *kanan* „курицы“ и „курицею“; в предложении: *n'ese om kanan polg* „это — цыпленок“ и *n'ese kanan polgaln'e l'in'n'eb kanan* „этот цыпленок будет курицею“; сравни карельск. ном. *uicit'el'a*, ген. *uicit'el'an*, эсс. *uicit'el'ana* и вепск. ном. *uicit'el'*, ген.-эсс. *uicit'el'an*; в контексте: карельск. *miun vel'l'i ruodau uicit'el'ana*, вепск. *minun vel'l' radab uicit'el'an* „мой брат работает учителем“.

В вепском языке имеется так называемая начинательная форма глагола, которой нет ни в одном прибалтийско-финском языке, за исключением людиковского диалекта карельского языка, например, *minä ongitaškanden kalan, čapaškanden mescan, kyndaškanden ruUdon, rahneškanden rug'ihen* „я стану (начну) удить рыбу, рубить лес, пахать поле, жать рожь“ и *minä ongitaškanz'n kalan, čapaškanz'in' mescan, kyndaškanz'in' ruUdon, rahneškanz'in' rug'ihen* „я стал (начал) удить рыбу, рубить лес, пахать поле, жать рожь“. Начинательная форма глагола обозначает безотносительность к прохождению действия, указывая только на начало процесса действия: действие или еще не начато, или действие уже началось; *ongitaškanden* означает: я начну удить (сейчас, завтра, через неделю и т. д.), *ongitaškanz'in* — я начал удить, а продолжаю ли это занятие сейчас, закончил ли это занятие,

¹ М. М. Хьямяляйнен. К вопросу о чередовании ступеней согласных в прошлом вепского языка, Труды Карело-Финского филиала АН СССР, вып. I, Петрозаводск, 1954, стр. 98—108.

начинательная форма глагола не обозначает. В остальных прибалтийско-финских языках смысл данного явления выражается другими формами, например, по-карельски (у собственно-карел): *mie rubien ongittamah, rubien lelkkuamah* „я стану (начну) удить, стану (начну) рубить“; *mie rubez'in ongittamah, rubez'in lelkkuamah* „я стал (начал) удить, стал (начал) рубить“. Здесь употребляется вспомогательный глагол *ruveta* „стать, начинать, приступать“.

Формы возвратного глагола во всех прибалтийско-финских языках и их диалектах весьма разнообразны. В вепском языке имеются свои особые формы возвратного глагола.

Лексические особенности

Если в древнем пласте лексика вепского языка очень сходится с лексикой других прибалтийско-финских народов и народностей, то более поздняя лексика вепского языка сильно отличается от них, так как вепсы отделились от прибалтийско-финского племени много веков назад, а их язык развивался по своим внутренним законам. Кроме того, вепский язык подвергся сильному влиянию русского языка, заимствовал из него много слов, как и финский язык в какой-то мере заимствовал слова из шведского, эстонский из немецкого, карельский из русского и т. д. Имеются и другие особенности, позволяющие выделить вепский язык из других прибалтийско-финских языков как особый язык, язык народности.

Соотношение общенародного вепского языка и его диалектов

Финляндские ученые Л. Кеттунен, Э. Тункело и др. делят вепсов на три группы: прионежских, средних и южных. По этому делению северные вепсы проживают в Прионежском районе Карельской АССР, средние — в Шольском, Вытегорском, Борисово-Судском районах Вологодской области, в Винницком, Оятском, Капшинском районах Ленинградской области, южные — в Ефимовском районе Ленинградской области. Соответственно этому и намечаются три основных диалекта вепского языка: прионежский (северный), средний и южный. Это территориальное деление приблизительное, оно не дает четко очерченных диалектных границ. Изоглоссы диалектных явлений пересекают территориальные границы: одно и то же диалектное явление может встречаться у прионежских, средних и южных вепсов и в то же время иметь различие внутри одной территории. Так например, среднеязычный щелевой палатальный *j* встречается как у южных, так и у части средних вепсов: *jur'* „корень“, *jän'iš* „заяц“, *juvä* „зерно“, *jagab* „делит“, *joUg (jaag)* „нога“, *kir'jaln'e* „письмо“; среднеязычный смычный палатальный *d'* встречается как у прионежских, так и у части средних вепсов: *d'ärv* „озеро“, *d'ogi* „река“, *d'yr'* „корень“, *d'äniš* „заяц“, *d'yvä* „зерно“, *d'oUg* „нога“; у средних вепсов в этом же положении встречаются среднеязычные смычные палатальные *g'*, *d'* и среднеязычный щелевой палатальный *j*, например, в восточной части (у шольских и вытегорских вепсов) встречается *g'*: *g'ärv'* „озеро“, *g'ogi* „река“, *g'yr'* „корень“, *g'yvä* „зерно“; у части вытегорских и винницких вепсов встречается *d'*: *d'ärv* „озеро“ и др., у части винницких и оятских вепсов встречается *j*: *järv'* „озеро“ и др.

Чтобы определить в какой-то мере диалектные различия, следует рассмотреть те особенности, которые позволяют выделить в вепском

языке в целом какой-либо диалект. Прионежский диалект, распространенный в Прионежском районе Карельской АССР, выделяется следующими особенностями:

а) наличием в первом слоге долгих гласных *uu*, *уу* и дифтонга *il*: *piu* „дерево“, *puu* „рябчик“ *pil* „зубец (у граблей)“;

б) наличием чередующихся геминат *kk¹*, *tt*, *pp*, *dd*, *zz*, с *k*, *t*, *p*, *d*, *z*, например: *akk* „женщина“ ~ *akan* „женщины“, *satt* „копна“ ~ *saton* „копны“, *rapp* „поп“ ~ *papin* „попа“, *raddab²* „работает“ ~ *radan* „работаю“, *kyzzub* „спрашивает“ ~ *kyzun* „спрашиваю“ и др. Во всех других диалектах вепского языка в этих положениях произносятся краткие гласные *u*, *y*, *i* и краткие согласные *k*, *t*, *p*, *d*, *z*;

в) наличием мягких *l'*, *n'*, *r'* перед *e* во всех слогах слова, например: *mol'embad* „оба“, *olkas pol'es* „в правой стороне“, *tul'en* „приду“, *son'ed* „жилы“, *suur'en* „большого“, *nor'en* „молодого“, *pur'en* „грызу“, а также наличие мягкого *l'* в окончании аллатива ед. ч., например: *män'e randal'e* „иди на берег“, *ištte meäl'e* „сядь на между“. Во всех остальных диалектах *l*, *n*, *r* перед *e* могут быть смягченными только в первом слоге слова; в не-первых слогах они твердые, например: *molembad* „оба“, *soned* „жилы“, *surele härgale* „большому быку“, *hyväle tyttele* „хорошей дочери“ (на поздние заимствования эта закономерность не распространяется, например: *t'el'eg* „телега“, *t'el'efon* „телефон“ и др.);

г) личные окончания 1-го и 2-го лица ед. ч. прошедшего времени *-n*, *-d* твердые: *män'in*, *män'id* „я, ты пошел“, *ambyn*, *ambyd* „я, ты стрелял“;

д) окончание множ. ч. адессива *-l* независимо от вокализма слова твердое: *kirvohil* „топорами“, *d'ärvil* „на озерах“;

е) окончание множ. ч. партитива *-d* твердое: *hebyld* „лошадей“, *s'il'mid* „глаз“. В других диалектах все эти окончания смягченные. Имеются и некоторые другие особенности, которые отличают прионежский диалект от других диалектов.

Южно-вепский диалект отличается от других диалектов следующими признаками:

а) употреблением долгих гласных *aa*, *oo*, *uu*, *ää*, *уу*, *ее*, *ii* в не-первых слогах слова на месте *i*-овых дифтонгов *ai*, *oi*, *ui*, *äi*, *öi*, *yi*, *ei*, *ii*, например: *l'ehmaan'e* „коровка“, *heboon'e* „лошадка“, *l'induun'e* „птичка“, *s'il'mään'e* „глазок“, *vötoo* „без пояса“, *mel'dyу* „он влюбился“, *sinee* „синий“; исторически на месте долгих гласных здесь были дифтонги, было: *l'ehmän'e*, *heboin'e* и т. д.;

б) употреблением *-n* в конце числительных *seičmen*, *kahsan*, *yhcan*, *kutn'en* „семь, восемь, девять, десять“;

в) употреблением *o* на месте *e* в глаголах не-прошедшего времени перед личным окончанием 3-го лица ед. ч. *-b*: *mänob* „идет“, *mänobad* „идут“; в инфинитивах на *-ma-*: *läks'in mänomaha* „отправился (досл. „в идение)“; существительных, образованных от глаголов, перед суффиксом *-min'e*: *mänomin'e* „ходьба“;

г) употреблением в окончании адессива ед. ч. долгих гласных: *kirvohoo* „топором“, *s'ijoo* „на месте, на постели“, *oravoo* „у белки“, *jän'isoo* „у зайца“, *lehmoо* „у коровы“. В средне-вепских диалектах

¹ Гемината *kk* имеется у всех вепсов в словах типа *nukkuda* „дремать“, но она не чередуется, не имеет слабой степени, например: *nukkud*, *nukkub*.

² В 3-м лице ед. ч. не-прошедшего времени исторически было *raddaba* „работает“, *kyzzuba* „спрашивает“, *čappaba* „рубит“, *kattaba* „покрывает“, *kokkiba* „клюет“, где второй слог и гемината выступала слабоступенной: *radan* „работаю“, *kyzun* „спрашиваю“, *čapan* „рублю“, *katan* „покрываю“, *kokin* „клюю“.

в данной позиции употребляются дифтонги *oU, uU, öU, yU: kirvhoU, s'ijoU*; в северно-вепсских *-l: kirvhel, s'ijal* и т. д.

Между северным (прионежским) и южным вепскими диалектами расположен средне-вепский диалект. От северного и южного диалектов он отличается рядом особенностей. Так, от прионежского диалекта отличается:

а) отсутствием в первом слове долгих гласных *u, y*, и дифтонга *il*, например: *pu* „дерево“, *pu* „рябчик“, *pi* „зубец (у граблей)“;

б) отсутствием чередования ступеней согласных, например: *ak* „женщина“, *akan* „женщины“; *sat* „копна“, *saton* „копны“; *pap'* „поп“, *papin* „попа“; *radab* „он работает“, *radan* „я работаю“; *kuzub* „он спрашивает“, *kuzun* „я спрашиваю“;

в) *l, n, r* перед *e* могут быть смягченными только в первом слове, в не-первых слогах слова они твердые, если перед ними не выступает *i* (см. стр. 71);

г) личные окончания 1-го и 2-го лица ед. ч. прошедшего времени *-n', -ä'* мягкие: *män'in', män'id'*;

д) окончание множ. ч. адессива мягкое: *kirvohil'* „топорами“, *järvöil'* „на озерах“;

е) окончание множ. ч. партитива *-d'* мягкое: *hebold'* „лошадей“, *s'il'mid'* „глаз“.

От южного диалекта средне-вепский отличается:

а) употреблением в не-первых слогах слова дифтонгов *al, ol, ul, äI, öI, yI, el* на месте долгих гласных в южно-вепском диалекте;

б) отсутствием *-n* в конце числительных: *s'il'čime* „семь“, *kahesa* „восемь“, *yhesa* „девять“, *kymn'e* „десять“;

в) употреблением *e* на месте *o* в глаголах не-прошедшего времени перед личным окончанием 3-го лица ед. ч. *-b; mäneb* „идет“; в инфинитивах на *-ma, -mä: läks'in mänemaha* „отправился“ (досл. „пошел в идение“); в отглагольных существительных перед суффиксом *-min'e: mänemin'e* „ходьба“;

г) употреблением дифтонгов на *u: oU, uU, öU, yU* вместо долгих гласных (в южно-вепском диалекте) или *-l* (в северно-вепском диалекте) в окончаниях адессива ед. ч.: *sijoU* „на месте, на постели“, *kirvohuU* „топором“, *puU* „у рябчика“.

В свою очередь средне-вепский диалект делится на два крупных говора, восточный и западный, которые отличаются друг от друга следующими особенностями: в западной части средне-вепских говоров прослеживается больше следов гармонии гласных, чем в других говорах. На этом основании к восточному или пондальско-шимозерскому говору средне-вепского диалекта можно отнести территорию Шольского, Вытегорского, Борисово-Судского районов Вологодской области, а к западному или винницко-оятско-капшинскому говору средне-вепского диалекта — территорию Винницкого, Оятского, Капшинского районов Ленинградской области. Примеры восточного говора: *mina*¹ „я“, *ema* „самка“, *emag* „хозяйка“, *iga* „век“, *käbu* „шишка“; примеры западного говора: *min'ä* „я“, *emä* „самка“, *emäg* „хозяйка“, *igä* „век“, *käbu* „шишка“ и пр.

Кроме того, восточный говор средне-вепского диалекта отличается от всех других диалектов употреблением среднеязычного смычного палатального *g'* на месте среднеязычного щелевого палатального *j*

¹ Исторически *i* и *e* участвовали в образовании гармонии гласных. См. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск, 1948, стр. 34.

и смычного палатального *d'*, например: *g'ärv* „озеро“, *g'ogi* „река“, *g'yöä* „зерно“, *g'yged* „тяжелый“, *kirg'eln'e* „письмо“, *g'osta* „бежать“ и т. д.

Таким образом, выделяются три основных вепских диалекта: прионежский (Прионежский район Карельской АССР), средне-вепский с говорами: восточный (Шольский, Вытегорский, Борисово-Судский районы Вологодской области) и западный (Винницкий, Оятский, Капшинский районы Ленинградской области), южный (Ефимовский район Ленинградской области). Каждый диалект в свою очередь может делиться на более мелкие говоры.

Поскольку вепский язык является бесписьменным, из него не выделился ведущий диалект, который стал бы языком народности и подчинил бы себе другие диалекты. Нет ведущего диалекта и по количеству говорящего на нем населения. В 1931 — 1937 годах, когда создавалась вепская письменность, в основу ее был положен средне-вепский диалект, главным образом, западный средне-вепский говор. Но письменность не получила дальнейшего развития и не повлияла на отдельные диалекты.

Однако следует заметить, что проблема ведущего диалекта языка вепского народности не играет большой роли, так как диалекты вепского языка, несмотря на некоторые различия, настолько близки друг к другу, что не затрудняют представителю одного диалекта понимать речь представителя другого диалекта. Имеющиеся в диалектах звукосоответствия подтверждают такое высказывание.

Приведем некоторые звукосоответствия, встречающиеся в диалектах вепского языка.

Звукосоответствия в первых слогах слова:

e ~ ö: me ~ mö „мы“, *velak andad ~ völak andad* „дашь ли еще“; *ala pel'gästu ~ ala pöl'gästu* „не пугайся“;

**al ~ aU ~ aa ~ oU: olen (valdal) vaUdal ~ voUdal ~ voUdoU*

„нахожусь на воле“; *jaUg (d'aUg) ~ jaag ~ joUg (d'oUg)* „нога“;

haUg ~ haag ~ hoUg „полено“; *paUk ~ poUk* „плата, зарплата“;

saUpta ~ soUpta „закрой“; *vaUged ~ voUged* „белый“ и др.;

*ol ~ oU ~ uU: (*kolme) ~ koUme ~ kuUme* „три“; *kolda ~ koUda ~ kuUda* „умереть“; *politta ~ poUtta ~ puUtta* „жечь“ и др.;

el ~ öl ~ öU ~ uU: velg ~ völg ~ vöUg ~ vyUg „долг“; *pölvaz ~ pöUvaz ~ puUvaz* „лен“ и др.;

al ~ el: palk ~ pelk „платок“; *kalk ~ kelk* „все“, *maid ~ meld*

„молоко“ и др.;

i ~ il: hir' ~ hilr' „мышь“; *hil' ~ hill'* „уголь“;

ir ~ er: bird ~ berd „бердо“; *mäne irdale ~ erdal'e* „иди на улицу, на двор“; *kirvez ~ kervez* „топор“;

j ~ d' ~ g': järö' ~ d'ärv ~ g'ärv „озеро“; *jogi ~ d'ogi ~ g'ogi*

„река“; *jäniš ~ d'äniš ~ g'äniš* „заяц“; *jumalan juru ~ d'umalan*

d'uru ~ g'umalan g'uru „гром“ и др.

Звукосоответствия дальше первого слога:

el ~ oU ~ oo ~ uU: kirvhel ~ kirvhoU ~ kirvhoo-kirvhuU „топором“; *venehel ~ venehoU ~ venehuU* „на лодке“;

al ~ el ~ aa: lehmäl'n'e ~ lehmeln'e ~ lehmaan'e „коровка“; *kalaIn'e ~ kaleIn'e ~ kalaan'e* „рыбка“;

ol ~ yl ~ oo: heboln'e ~ hebyn'e ~ heboon'e „лошадка“ и др.

Диалектные различия, являясь отдельными специфическими чертами вепского языка, в целом не отрицают его единую систему. Именно, фонетическая и грамматическая системы, а также лексика, несмотря на некоторые диалектные различия, дают право говорить о вепском языке как об общенародном языке народности вепсов.

По линии системы звуков общими для всех вепсских диалектов являются краткие гласные: переднего ряда *i, y, e, õ, ä* и заднего ряда *a, o, u*; краткие согласные: губно-губные шумные смычные *p, p', b, b'*, сонорные *m*; губно-зубные шумные щелевые *f, v*; переднеязычные шумные смычные *t, t', d, d'*, щелевые *s, s', z, z', š, ž*, сонорные носовые *n, n'*, плавные *l, l'*, дрожащие *r, r'*; среднеязычные шумные варианты одной фонемы *j ~ d' ~ g'*; заднеязычные шумные смычные *k, g, g'*, щелевой *x* (в русских заимствованных словах), фарингальный *h*, аффрикаты *c, č, dž*.

Эта система фонем резко отличается от всех прибалтийско-финских языков и присуща только вепсскому языку. По линии кратких гласных и кратких согласных ближе всех к вепсскому языку стоит карельский язык, однако по линии дифтонгов и геминат карельский язык резко расходится с вепским.

Шипящие *š, ž, č* употребляются в определенных фонетических условиях: после *i* в вепсском языке употребляются шипящие *š, ž, č*; после остальных гласных употребляются свистящие *s, z, c* (за некоторыми исключениями): *jan'iš* „заяц“, *jur'išk* „корневище“, *rug'iž* „рожь“, *rag'iž* „град“, *kal'iž* „дорогой“, *kižu* „скрип“, *kambič* „подставка для станка, на котором мотают нитки“. Сравни: *kogo* „куча“, *kogos* „в куче“, *kogolš* „в кучах“; *kangaz* „бор“, *kanghas* „на бору“, *kanghis* „на борах“; *kanz* „семья“, *kanzas* „в семье“, *kanzolš* „в семьях“.

На заимствованные слова этот закон употребления свистящих и шипящих не распространяется, например: *jorš* „ерш“, *jaššik* „ящик“, *jušk* „вьюшка“, *kapital'ist* „капиталист“.

По линии склонения все вепсские диалекты, если не считать намечающееся образование новых падежных форм, имеют десять падежей. Кроме того, в словоизменении участвуют послелогии и агглютинаты. Спряжение глагола ед. ч. не-прошедшего (настояще-будущего) времени имеет одинаковые формы: в 1-м лице *-n*, во 2-м *-d*, в 3-м *-b*, например: *minä tulen* „я приду“, *s'inä tuled* „ты придешь“, *hän tuleb* „он придет“; в прошедшем времени глагол 3-го лица не имеет показателя. Спряжение множ. ч. имеет формы: для не-прошедшего времени 1-го л. *-mal* (*-mel, -maa, -m*), 2-го л. *-tal* (*-tel, -taa, -t*), 3-го л. *-das, -tas* (*-daze, -taze, -bad*); для прошедшего времени 1-го и 2-го л. показатели лица те же, для 3-го л. *-bad* (*-dihe, -tihe*). Показатели условного наклонения *-iži-* и повелительного *-ga-, -ka-* общие для всех диалектов.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Вепсы, выделившись из прибалтийско-финского племени-предка примерно в I тысячелетии нашей эры, расселились вдоль реки Свири и современной Мариинской системы, а также на север и на юг от этой водной магистрали. В VIII—IX веках н. э. они были отделены от других прибалтийско-финских племен славянскими племенами, в частности, племенем словене, которое, двигаясь на север по р. Волхову, вышло к берегам Ладожского озера.

2. Основной словарный фонд, древние заимствования и грамматический строй вепсского языка свидетельствуют о том, что этот язык относится к прибалтийско-финской языковой группе финноугорской семьи языков; последующие изменения, происшедшие в вепсском языке, обусловлены новой исторической обстановкой, которая способствовала выделению вепсского языка в самостоятельный язык народности.

3. Вепсский язык по своим признакам делится на три диалекта: северный, или прионежский, средний и южный. Однако диалектные

различия, являясь специфической чертой каждого диалекта в отдельности, не отрицают того общего, что дает право говорить о вепсском языке как о языке народности. Фонетическая, грамматическая и лексическая системы в своей основе объединяют вепсский язык в общенародный язык народности.

Н. И. БОГДАНОВ

ВЕПССКИЙ ЯЗЫК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Развитие вепского языка на данном этапе происходит в новых, советских условиях культурной, экономической и политической жизни. Новый общественный строй, социалистическая культура, новая сельскохозяйственная техника, новые формы организации труда и распределения продуктов труда — все это внесло и вносит новую и сильную струю в развитие вепского языка в области его лексики. Если в прошлом большинство русских заимствований было достоянием ограниченной части вепсов, в основном мужчин, то в советское время благодаря ликвидации неграмотности и всеобщему обучению детей в школах на русском языке русские заимствования стали общим достоянием широких слоев вепского населения. Вепский язык и в дооктябрьский период заимствовал русские слова и термины, однако процесс заимствования был длительным и менее значительным в сравнении с послеоктябрьским периодом. В общий словарный фонд вепского языка в дооктябрьский период обычно входили слова, обозначающие названия предметов домашнего обихода, орудий труда, административные термины, например: *samovar*, *stol*, *stul*, *loUc*¹ (лавка, скамейка); *pola*, *t'el'eg*; *ikun* (окно), *päc* (печка), *kirpic*; *staršin*, *pisar'*, *ur'ädñ'ik*. Слова с более абстрактным значением, заимствованные через школу, были не всем знакомы.

В послеоктябрьский период в вепскую речь вошли русские слова различных тематических групп как слова обиходного порядка, так и слова с более абстрактным значением. Например:

а) социально-политические и интернациональные слова и термины: *Sovetskil Sojuz*, *Okt'äbrskil revolucil*, *sovet* (государственный орган), *ispolkom*; *partil* (политич.), *profsojuz*; *sovhoz*, *kolhoz*; *vožd'*, *vožatyl*, *pr'edsdat'el'*, *s'ekr'etar'*, *d'el'egat*, *d'eputat*, *ag'itator*, *akt'ivist*; *part'ijec*, *marks'ist*, *kommun'ist*, *komsomol's*, *komsomolk*, *komsomol*, *pioner*; *revol'ucion'er*, *demokrat*, *demokrat'il*, *konst'itucil*, *graždan'in*, *graždanskil*; *kommun'izm*, *social'izm*, *marks'izm*, *len'in'izm*; *feodal'izm*, *kapital'izm*, *imperial'izm*, *kapital'ist*,

¹ В дальнейшем вепские и собственно-карельские примеры даются в фонетической транскрипции (с учетом типографских возможностей): долгие гласные обозначаются двумя буквами, например, *aa*, *äa*, *uu* и т. п., неслоговые *u* (*y*), *i* после гласных обозначаются прописными *U* (*Y*) и *I*; мягкость согласных звуков обозначается знаком „минута“ ('). Финские, эстонские, русские и др. примеры даются в литературном написании.

buržul, *social'ist*, *prol'etar'iat*, *rabočil*, *kolhozn'ik*, *kulak* (в смысле социальном), *bedn'äk*, *sredn'äk*; *internacional*, *nacil*, *klass* (соц.);

б) производственные слова и термины: *brigad*, *zven*; *konveljer*, *ferm*; *preds'edat'el'*, *br'igad'ir*, *kladušik*, *čotovod*, *udarn'ik*; *d'ir'ektor*, *buhgalt'er*, *tehn'ik*, *d'es'ätñ'ik*, *prorab*, *kassir*; *sobranil*, *soveššan'il*, *zas'edan'il*; *zajavl'en'il*; *traktor*, *s'ejalk*, *molot'ilk*, *sort'irovk*, *vejalk*, *kos'ilk*, *inventar'*; *r'emont*, *učot*, *premil*; *mehan'izacil*; *barak*; *lučkovil pil*, *el'ektropil*; *trudod'en'*;

в) названия учебных, культурно-просветительных, лечебных и других учреждений: *učr'ežden'il*, *un'ivers'it'et*, *inst'itut*, *tehn'ikum*, *izba-čital'n'*, *klub*, *teatr*, *kino*, *ekran*, *muzel*, *sanator'il*, *bol'n'ic*, *jasl'id'*, *stolovil*;

г) слова, обозначающие пути сообщения и виды транспорта: *kanal*, *šl'uz*, *port*, *t'eplohod*, *avtomobil'*, *avtobus*, *samol'ot*, *tranval*, *motocikl*, *transport*;

д) слова, обозначающие средства связи: *rad'io*, *rad'ioopr'ijomn'ik*, *t'el'egraf*, *t'el'efon*;

е) военные термины: *štab*, *komand'ir*, *komissar*, *l'oččik*, *tankist*, *avtomaččik*; *tank*, *avtomat*, *minomet*, *z'en'itk*;

ж) слова, обозначающие различные единицы измерения: *tonn*, *centn'er*, *kilogramm*, *gramm*; *l'itr*; *kilometr*, *metr*, *sant'imetr*; *kvartal*, *dekad*;

з) слова, обозначающие профессии: *tokar'*, *sl'esar'*, *mont'or*, *šofer*, *traktor'ist*, *kinomehan'ik*, *izbač*, *t'el'egrafist*, *t'el'efonist*, *rad'ist*, *art'ist*;

и) прочие слова, связанные с социалистическим строительством и культурой: *promyšlennost'*, *industri'al'izacil*, *industr'il*; *kol'l'ekt'ivizacil*, *el'ektrofikacil*, *inventar'izacil*, *kooperacil*, *el'evator*; *hl'ebozagotovkad*, *hl'ebopostavkad*, *zalm*, *obl'igacil*; *plan*, *programm*; *bydžet*; *kul'tur*, *t'eor'il*; *ekskurs'il*, *kritik*, *redakcil*; *mit'ing*; *fizkul'tur*, *sport*; *plakat*, *agitacil*; *postanov'en'il*, *rezol'ucil*, *registracil* и др.;

к) слова действия и состояния: *stold'ä* „строить“, *čokoturd'ä* „штукатурить“, *plan'irulda* „планировать“, *sort'irulda* „сортировать зерно, предметы“, *krit'ikulda* „критиковать“, *postanova*, *postanovlelda* „постановить, постановлять“, *eksploat'irulda* „эксплуатировать“, *ekonomd'ä* „экономить“, *agitirulda* „агитировать“, *propagand'irulda* „пропагандировать“, *tormozd'ä* „тормозить“, *remont'irulda* „ремонттировать“, *vypoln'elda* „выполнять“, *kollektivizirulda* „коллективизировать“, *int'eresuldas* „интересоваться“, *t'el'egrafirulda* „телеграфировать“, *uspokoldas* „успокоиться“.

Целый ряд приведенных слов при заимствовании по закономерности вепского языка теряет конечный гласный звук. Сравни: русск. (в упрощенной транскрипции) *партия* — вепск. *part'il*; русск. *комсомолка* — вепск. *komsomolk*; русск. *малатилка* — вепск. *molot'ilk*; русск. *сабрания* — вепск. *sobran'il*; русск. *электричество* — вепск. *el'ektričestv*; русск. *звено* — вепск. *zven*.

Далее: русские слова, заимствованные во множ. ч., оформляются показателем множественного числа вепского языка. Сравни: русск. *ясли* — вепск. *jasl'id*; русск. *хлебозаготовки* — вепск. *hl'ebozagotovkad* и т. п. (*d*, *d'* — показатели множественного числа в вепском языке, русск. *и* в последнем примере переходит в *a*).

Заимствованные глаголы в инфинитиве оформляются по нормам вепского языка.

Из приведенных выше примеров видно также, что слова в большинстве своем заимствуются вместе с словообразовательными суффик-

сами. Например, в глаголах русский суффикс *-ова-* заменяется вепским *-ul-* (русск. агитир-ова-ть, вепск. *agitir-ul-da*).

Однако следует обратить внимание на то, что не все заимствованные слова подчиняются нормам вепского языка в части ударения. В вепском языке главное ударение¹ в слове всегда падает на первый слог. Заимствования в своем большинстве подчиняются нормам вепского языка, например, русск. совхоз — вепск. *sovhoz*; русск. колхоз — вепск. *kolhoz*; русск. бедняк — вепск. *bedn'ak*; русск. кулак — вепск. *kulak* и т. п. Но в целом ряде заимствованных слов наблюдается нарушение норм вепского языка в части ударения, например: *kommunizm*, *socializm*, *marksizm*, *leninizm*, *rabočil*, *buržul*, *električestv*, *universitet*, *fotografil*, *santimetr* и т. п. В то же время наблюдается „борьба“ вепского ударения за свое традиционное место. Так, например, в речи вепсов можно услышать: *ol'in' ispolkomas* и *ol'in' ispolkomas* „был в исполкоме“, *kolhozan pr'edsedač'el'* и *kolhozan pr'edsedač'el'* „председатель колхоза“, *ol'in' sobran'ijal* и *ol'in' sobran'ijal* „был на собрании“, *el'ektrostancijan strojiba* и *el'ektrostancijan strojiba* „электростанцию построили“, *radan brigadas* и *radan brigadas* „работают в бригаде“ и т. п.

Встает один важный вопрос: как, все же, развивается лексика вепского языка в послеоктябрьский период? в какой мере участвуют средства самого вепского языка в развитии лексики?

Исследуя диалекты вепского языка, мы почти не находим появившихся за последнее время вновь образованных слов с вепскими корнями. Количество таких слов, можно сказать, исчисляется единицами. Например, к их числу относятся следующие слова: *rad'in-rahvaz* „трудящиеся“ (от *rad* „работа, труд“ + *rahvaz* „люди“), *mehenvult't'e* „человекоподобный“ (от *mez'* „человек“, ген. *mehen* „человека“ + *vult't'e* „подобный“), *openuzmez'* „ученый“ (от *openuz* „выучившийся“ + *mez'* „человек“) и некоторые другие слова.

В 1931—1937 годах, когда в вепских начальных школах было введено преподавание на вепском языке, составители вепских учебников пытались, правда, очень осторожно, образовывать путем перевода с русского языка некоторые новые слова и термины, используя средства вепского языка. Так, например, были созданы некоторые вепские грамматические термины, а также слова, обозначающие новые предметы, которые появились в хозяйстве вепской колхозной деревни, например: *openduz kn'ig* „учебник“ (досл. „учебная книга“), *ez'ivajeh* „предисловие“, *n'imivalhed* „имена“ (грамм.), *kändlus* „склонение, спряжение“, *känd* „падеж“, *kulund* „звук“, *kagluz* „перешеек“, *võhišt* „пояс“ (климатич.), *kaivatuz* „ископаемое“, *lebukod'i* „дом отдыха“, *kacul* „зритель“, *radmatomuz* „безработица“, *semendmašin* „сеялка“ (досл. „сеятельная машина“), *tapandmašin* „молотилка“ (досл. „молотильная машина“) и некоторые другие². Но эти слова не привились в вепском языке, потому что, во-первых, после того, как в 1938 году в вепских школах преподавание было переведено на русский язык, учащиеся на уроках стали говорить по-русски и пользоваться русскими грамматическими, математическими, географическими и проч. терминами; и, во-вторых, такие слова, как *kacul* „зритель“, *lebukodi* „дом отдыха“, *semendmašin* „сеялка“, *tapandmašin* „молотилка“ и др. появились в переводе с русского языка после того, как названия этих предметов или понятий были восприняты вепсами

¹ Ударный гласный дается полужирным.

² М. М. Хямялайнен и Ф. А. Андреев. Вепско-русский словарь, Учпедгиз, М.—Л., 1936.

в русском оформлении, т. е. *domotdyha:¹ minä ol'in' domotdyhas* „я был в доме отдыха“; *s'ejalk, molot'ilk, kos'ilk: kolhozaha tolba sejalkad, molot'ilkad, kos'ilkad* „в колхоз привезли сеялки, молотилки, косилки“. Здесь перевод просто запоздал и не было в нем надобности.

Итак, обогащение и развитие лексики вепского языка в послеоктябрьский период идет, в основном, за счет заимствований из русского языка.

Встает вопрос: к чему ведет такое развитие лексики вепского языка?

Вообще заимствования обогащают тот или иной язык, дают материал для его развития. Но заимствования, обогащая язык, развивая его, в какой-то мере в области лексики сближают его с другими языками, а тем самым создают условия для отмирания более слабого языка или взаимного слияния более развитых языков. Здесь дело зависит от мощности заимствующего языка и его носителя. Например, русский язык заимствует большое количество слов из других языков, но тем не менее, он не исчезает.

Русский язык имеет большую письменную традицию, количество говорящих на нем — миллионы; являясь национальным языком русской нации, он одновременно является языком межнационального общения народов Советского Союза. Русский народ, используя заимствования, не становится двуязычным.

Другое дело вепский язык, язык маленькой народности. На нем в данное время говорит несколько тысяч человек. Обогащаясь и развиваясь за счет заимствований из русского языка, вепский язык все больше и больше вбирает, в себя слова и термины, способствующие пониманию русского языка. Вепсы, тесно соприкасаясь с русским населением, находясь в окружении русской среды, становятся двуязычными. А это создает условия для более быстрого отмирания вепского языка.

Но вепский язык пока живет. Этому способствует основной словарный фонд, который служит материалом для словарного состава, и грамматический строй, который подчиняет себе и заимствования. Кроме того, на сегодня вепсы еще живут компактными группами и в своей практике пользуются вепским языком как средством общения. Это главное, что способствует жизни вепского языка.

Заимствованные русские слова в вепском языке утрачивают категорию грамматического рода. Категория числа в заимствованных словах также оформляется по грамматическим нормам вепского языка. Приведем примеры: заимствованные из русского языка инфинитивы „коллективизировать“ и „планировать“ по-вепски звучат: *kol'lekt'iviz'irulda* и *plan'irulda*. В данных словах мы видим, что сохраняются суффиксы *-из-* + *-ир-* и *-ир-*, но суффикс *-ова-* + суффикс инфинитива русского языка *-ть*, т. е. суффикс *-овать-* заменяется вепским суффиксом *-ulda* (*-da* — суффикс инфинитива в вепском языке).

В страдательных причастиях прошедшего времени „коллективизированный“, „планированный“ суффикс *-ованный* заменяется вепским суффиксом *-uldud*: *kol'lekt'iviz'iruldud*, *plan'iruldud*.

В деепричастиях „коллективизируя“, „планируя“ суффикс *-я* заменяется вепским *-des*: *kol'lekt'iviz'iruldes*, *plan'iruldes*.

Существительное, образованное от слова „планировать“ (планирование) по-вепски звучит *plan'irulnd*. Здесь русский суффикс *-ование* заменяется вепским *-ulnd*.

¹ Нужно сказать, что *domotdyha* воспринимается как сложное слово.

Возвратный глагол „интересоваться“ по-вепски звучит *int'er'esul-das*. Русские суффиксы *-овать* и *-ся* заменяются вепскими суффиксами *-ulda-* и *-s (-ze)*.

Характерно, что неизменяемые в русском языке заимствованные слова: кино, радио, пальто и др. в вепском языке изменяются по грамматическим нормам вепского языка, т. е. по падежам и по числам: *pal'tos* „в пальто“, *pal'toš* „в пальто“ (досл. „в пальтах“) и т. п.

В вепском языке, как и в других финноугорских языках, склонение выражает не только субъектно-объектные отношения, но и пространственно-временные. Поэтому все, что выражается в русском языке при помощи предлога, в вепском языке выражается с помощью падежа или падежа с послелогом или агглютинатом. Предлоги не характерны для вепского языка, хотя они и имеются (*päliči* „через“, *siriči* „мимо“, *labi* „сквозь“ и др.).

Все заимствованные глаголы спрягаются также по грамматическим нормам вепского языка. Глагол спрягается по лицам, числам, временам и наклонениям. В вепском языке два простых времени: не прошедшее (т. е. настоящее-будущее время, выражаемое одной формой; значение „настоящего“ или „будущего“ определяется по контексту) и прошедшее.

Условное и повелительное наклонение имеют свои грамматические показатели, которые распространяются и на заимствованные глаголы.

Вепский язык заимствует также некоторые словообразовательные аффиксы и тем самым в какой-то мере обогащается словообразовательными средствами через русский язык. Например, префиксы: *pere-*: *perepanda* „переложить“, *peres'idoda* „перевязать“; *do-*: *dopanda* „доложить, докладать“, *dosōda* „доест“ и т. п.; суффикс: *-nik*: *kalan'ik* „рыбак“, *tecn'ik* „охотник“.

Грамматический строй является наиболее устойчивой частью языка. Тем не менее как в младописьменных, так и в бесписьменных языках грамматический строй подвергается некоторому влиянию, изменению. В вепском языке это влияние русского языка в основном сказывается на синтаксисе. Например, наряду с активной формой *plotn'ikad stroid'ās kod'in'* „плотники строят дом“ можно по-вепски сказать: *kod'i strojiše plotn'ikoll'* „дом строится плотниками“, т. е. можно употребить форму 3-го лица возвратного глагола, как и в русском языке.

Однако это влияние не столь сильно. Такого типа обороты можно встретить только у людей, хорошо владеющих русским языком. Кроме того, это влияние не распространяется на морфологию, словоизменяемые формативы служат основанием для грамматики и не могут заимствоваться из другого языка.

В настоящее время в вепскую речь нередко проникают слова и целые словосочетания в русском оформлении. Например: *tar'iz tånāmbel shod'it' f kino* „надо сегодня сходить в кино“; *na sobran'iji pagžiiba n'itūdaha pol'in* „на собрании говорили о косье“. Такое явление объясняется тем, что говорящий одинаково хорошо владеет как своим родным, так и русским языком, и предполагает, что и собеседники его тоже хорошо владеют обоими языками.

Однако такое явление в языке нельзя считать характерным и закономерным. Все зависит от произвола говорящего, который сегодня сказал так, завтра эту же фразу построит в чисто вепском оформлении. Поэтому такое явление не закономерно, оно не создает ломки грамматического строя языка.

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что в данный период вепский язык продолжает жить, является средством общения вепского населения, развивается по своим внутренним законам, обогащается, хотя и подвергается сильному воздействию русского языка, особенно в области лексики.

Однако обогащение и развитие вепского языка в данный исторический период жизни вепской народности уже не способствует длительному сохранению языка, а ведет к своей противоположности, к отмиранию. Поэтому мы считаем своим долгом не только констатировать факты, исследовать историю языка, но и считаем возможным выразить свое предположение о дальнейшей судьбе вепского языка.

Нам представляется, что вепский язык отомрет значительно раньше, чем некоторые другие языки Советского Союза. Основанием для такого предположения может служить следующее.

Во-первых, история самой вепской народности, самого народо-творца и носителя вепского языка. Вепсы, в прошлом, очевидно, сильное прибалтийско-финское племя на Севере (о нем упоминается в летописях как о „веси“), в ходе истории растеряли свою былую мощь и не развились до уровня нации. В сложившихся определенных условиях эта народность оказалась в окружении русской среды и в течение длительной исторической связи с русским народом подверглась сильному влиянию его культуры и постепенно ассимилировалась (районы р. Свири, Марининской системы, Белозерска и др.).

Акад. В. В. Виноградов по поводу аналогичных примеров пишет, что „судьба языка, его историческая роль, его стойкость в процессе скрецивания с другими языками зависит от истории народа — творца и носителя языка“¹.

Вепсы, проживая в Ленинградской, Вологодской областях и в Карельской АССР, исторически оказались в окружении русского населения. Поэтому сама жизнь требует от каждого вепса знания русского языка как необходимейшего средства общения со своими ближайшими соседями. Таким образом, каждый вепс должен знать два языка: свой язык служит ему средством общения внутри своего коллектива, русский язык становится ему сразу же необходим, как только он оказывается в окружающей его русской среде. Знание русского языка вепсам также необходимо для устройства общественно-политической и культурной жизни, так как работа и делопроизводство в административных, общественных, культурных и прочих учреждениях и предприятиях ведется на русском языке.

Во-вторых, развитие вепского языка в области лексических заимствований из русского языка в послереволюционный период при содействии школы, радио, культурного общения на русском языке происходит столь быстрыми темпами, что создались предпосылки к переходу вепсов на русскую разговорную речь. Кроме того, заимствования, обогащая вепский язык, способствуют все большему и большему пониманию вепсами русского языка. Если до Великой Октябрьской социалистической революции русским языком владела незначительная часть вепского населения (в основном мужчины), то после революции все вепсы учатся в школах на русском языке, читают литературу, газеты, журналы, слушают радио, лекции, доклады, выступления артистов на русском языке, поют русские песни, вершат свои политические, административные, хозяйственные и общественные дела

¹ В. В. Виноградов. Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и развитие советской науки о языке, изд. „Правда“ М., 1951, стр. 11.

большей частью на русском языке. Таким образом, русский язык становится для них вторым родным языком. Поскольку этот второй язык является более мощным, более богатым по своему словарному составу и на нем можно выражать самые сложные мысли, поскольку русский язык является языком межнационального общения, постольку в недалеком будущем сама жизнь приведет вепсов к необходимости замены вепсской речи русской речью, которой они сейчас превосходно и овладевают.

Уже сейчас приходится наблюдать факты постепенного перехода на русскую разговорную речь в некоторых вепсских селах, расположенных вблизи или в окружении русских населенных пунктов. Например, в личной беседе с автором археолог проф. А. Я. Брюсов рассказал, что в 30-х годах он был в археологической экспедиции в селе Куштозеро (д. Илекса) Вытегорского района Вологодской области, где население говорило по-вепски. Когда же он в 1948 году вновь приехал в это село, то оказалось, что большинство населения говорит уже на русском языке. Автор данной статьи в 1929 году в течение полугода жил в селе Сяргозеро Оштинского района Вологодской области и наблюдал, что старшее поколение говорило по-вепски, молодежь между собой говорила по-русски. Село Куштозеро и Сяргозеро расположены вблизи от Мариинской системы. Население этих сел повседневно общается с русским населением, которое представлено в большинстве. Такой переход на русскую разговорную речь вполне закономерен. Правда, это явление для современного языка в целом не характерно, так как оно наблюдалось еще и в дореволюционный период. Однако, если стимулом для этого раньше служило лишь близкое соседство отдельных вепсских селений с русскими селениями, браки между вепсами и русскими, то в настоящее время, когда вепсы благодаря всеобщей грамотности повсеместно становятся двуязычными, процесс перехода их на русскую речь проходит значительно быстрее.

В-третьих, за годы после Великой Октябрьской социалистической революции большое количество вепсов отдельными семьями переселилось в города и крупные населенные пункты с русским населением. Здесь они оказались целиком в русской среде. Повседневное общение с русским населением способствует быстрому переходу на русскую разговорную речь. Известно, что в столице Карельской АССР г. Петрозаводске проживает много вепсов. Старшее поколение между собой общается еще на вепском языке, а их дети уже не говорят по-вепски, хотя в какой-то мере и понимают вепскую речь. Этот факт также говорит о том, что носителей вепсского языка на своих исконных местах становится все меньше и меньше.

Такое положение ставит перед лингвистами и научными учреждениями, занимающимися изучением прибалтийско-финских языков, задачу усиленной работы по фиксации вепсского языка и его диалектов.

М. М. Хямляйнен

ОБ АГГЛЮТИНАТАХ В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ И В ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В системе склонения вепсского языка и в некоторых южнокарельских говорах имеют место, кроме падежных окончаний, еще и форманты, которые не являются падежными окончаниями. Эти форманты присоединяются к падежным окончаниям или к другим формантам, а не к основе слова. Они также присоединяются к наречиям и некоторым инфинитивам. Рассматриваемые форманты имеют еще ряд других грамматических различий с падежными окончаниями. В дальнейшем изложении эти форманты мы будем называть агглютинатами, в отличие от падежных окончаний.

Все агглютинаты вепсского языка, за исключением одного (-ke), в основном выражают пространственные и временные отношения или пределы состояния.

В вепсском языке имеются следующие агглютинаты:

1. а) -lon (<*loona) ~ -lou (<*lool) ~ -nou (<nool <*lool) ~ -no (<*nou < lou < lol) ~ -nu (<nou < lou < lool) со значением нахождения, пребывания возле, около кого-либо, чего-либо. Этот агглютинат присоединяется к окончанию генитива. Например: kaži gol'u minulou, meid'elou (VMLT, 369)¹ „кошка всегда около меня, около нас“; olin ma tattan'lon neitšukaan'e ani tšomaane (VMLT, 369) „была я у отца девушка весьма хорошая“; händast tabaziba edahan hiiniš suren jarvenno (LK, 65) „его поймали далеко в траве около большого озера“; ol'in poiganno (VMLT, 670) „я был у сына“.

б) -loks ~ -noks (<*lookse) ~ -lost ~ -lest (<*loosten?) со значением приближения, прибытия близко к кому-нибудь, к чему-нибудь. Например: tuli vonuk m'öst ivanannost (M. X., 35, 36) „пришел опять внук к Ивану“; nližn'e joks'i kod'ihe tatazennost (M. X., 21) „девочка

¹ Расшифровку сокращений ссылок на тексты см. в конце статьи.

Примеры из отдельных говоров карельского и вепсского языков из-за отсутствия некоторых типографских знаков даются в упрощенной транскрипции. В частности, долгие гласные передаются двумя одинаковыми гласными, дифтонги — сочетанием двух различных гласных. Примеры из финского литературного языка даются в авторском написании. Примеры из литературы на вепсском языке и на языке карел Калининской области даются, за небольшим исключением, в таком виде, как это имело место в вепсской и карельской письменности.

прибежала домой к своему отцу"; g'älg'lopul tul'd'ihe n'itšhilost (И. Г., 79) „под конец пришли от девушек“; män'in poigannoks, män'in poiganloks (VMLT, 370) „пошел к сыну“.

Формы агглютината *-lop ~ -lou ~ -loin* и т. д. со значением пребывания или нахождения возле или около кого-либо, чего-либо и *-lost ~ -nost ~ -loks ~ -noks* со значением приближения близко к кому-либо, к чему-либо в большинстве наречий вепского языка смешались между собой. Например: astub metsadmede i nägob: ištub mez' lämbihudelost (И. Г., 14) „идет по лесу и видит: сидит человек у огня“; min'ä joste sus'edan da vel'lenno (М. Х., 58) „я бегом к соседу и брату“; joksi konyšnänno; tuli konyšnännost (LK, 73) „побежал к конюшне; пришел к конюшне“.

В основной массе вепских говоров этот агглютинат со значением близости употребляется только при генитиве. Но в южновепских говорах его употребление встречается редко и при адессиве-аблативе (*tytrelnost* „к дочери“). В этих же говорах рассматриваемый агглютинат иногда употребляется и при партитиве: tul' mindaan'lost tatam bes'edale (VMLT, 370) „пришел ко мне мой отец в гости“.

Иногда этот агглютинат, в этих же говорах, не присоединяется, с точки зрения современных норм вепского языка, ни к каким падежным окончаниям, например: hänlost „к нему“, heilost „к ним“, n'itšhilost „к девушкам“, ivannost „к Ивану“ и т. д. В этих случаях слова, при которых употребляется рассматриваемый агглютинат, восходят к падежной форме генитива.

2. *-me(d) ~ -mede ~ -m'õ(d) ~ -m'o(d) ~ -mi(d) ~ -mi* (< *mõõten)¹ с двумя значениями и присоединяется к падежному окончанию партитива.

а) Во всех вепских наречиях со значением соприкосновения одного предмета или явления с другим (соответствует в большой степени русскому предлогу „по“), например: tedme ni päiväl, ni õl ajandad illend (LH I, 27) „по дороге ни днем, ни ночью не проехать“; Markov päivän käveli jogirandadme ylessei (LK, 97) „Марков целый день шел по берегу реки до верховья“; astub metsadmede i nägob: ištub mez' lämbihudelost (И. Г., 14) „идет по лесу и видит: сидит человек у огня“; ištulhe kykyižile, hambhad virzot', hlopaiž uugadme (LH I, 29) „присел на корточки, зубы оскалил, хлопнул по плечу“; katsuba rožidm'ot, kudam muloi touv'el radoi h'yv'ln (И. Г., 68) „смотрят по лицу, кто прошлой зимой работал хорошо“; tul'i tal'v, mina m'ost verhid' radoid'mo (М. Х., 113) „наступила зима, я опять у чужих работаю (досл. я опять по чужим работам)“; ukoid'e sanundadm'ot edel ol'ii kaks' el'ejad (И. Г., 4) „по рассказам стариков, здесь раньше было два жителя“; ajetas stepidme, pagištas da katslesoi bokidme (LH I, 27) „едут по степи, разговаривают и оглядываются по сторонам“; õrāoi mügoin'e linduin'e, õidmi l'endleb (VMLT, 362) „летучая мышь такая птичка, по ночам летает“; šāpkaižed eba jougoid'me, šobaižed eba luid'me (VMLT, 362) „сапоги не по ногам, одежда не по размеру (досл. не по костям)“.

б) В южновепских говорах также, кроме вышеобозначенного, со значением комитативности и в редких случаях со значением орудийности. Например: annoo mäni praz'nikale mel'hištmi „Анна пошла на праздник со своим возлюбленным“; mäne lämošt'mi läyhä „иди“.

¹ В прионежских вепских говорах вместо рассматриваемого агглютината употребляется послелог *m'õto*.

с огнем в хлев“; joksed voikumui kod'he „бежишь с плачем домой“; sigarää tarbiš kirvestmu tšapta (VMLT, 360, 361) „там (оттуда) нужно топором вырубать“.

Во всех остальных вепских наречиях агглютинату в комитативном значении соответствует агглютинат *-ke(d)*, например: minunke(d) „со мной“, s'yin l'ibän maidonke „ел хлеб с молоком“.

Агглютинат *-me(d) ~ -m'õ(d) ~ -mi* и т. д. присоединяется к партитиву. Иногда в южновепских говорах партитив в сочетании с этим агглютинатом сильно изменился, „износился“, и на этой основе создается такое впечатление, что в ряде случаев упомянутый агглютинат не присоединяется к партитиву. Например: piteris hän panel'imui joksenz' (VMLT, 361) „в Питере он по панели (панелям) бегал“; pinga lapsimu ilvoou ouda (VMLT, 360) „так с детьми нельзя быть“.

3. Агглютинат *-päi (~ -pai ~ -pei ~ -pää ~ -pa)* < päin употребляется в сочетании со всеми местными падежами, с другими агглютинатами, наречиями с местным и временным значением и со значением состояния, а также при некоторых инфинитивных формах.

Этот агглютинат имеет два значения.

Первое: указывает на сторону безотносительно к направлению в пространстве, во времени или в состоянии. Стороны определяются падежом (живым или в застывшей форме), с которым этот агглютинат употребляется. Например: tanazhogomad paniba ruudolepei (VKG, 17) „дворец поставили в сторону поля (фасадом к полю)“; mij ajoimej hougho jarvelepei (VKG, 17) „мы поехали за дровами в сторону озера“; lehmäd kändihezoj kodihopei (VKG, 17) „коровы повернулись в сторону (в направлении) дома“; äkkid šarik jorahči sathopei i loihez gadale päle (LK, 8) „вдруг Шарик подскочил к коню сена и набросился на змею“; mi lähemba randhapei, se lujemba henon hosnys ja (LK, 97) „чем ближе к берегу, тем больше размельчен битый лед“; soudatad oigenziba oguzjad rafhazepi (LK, 28) „солдаты направили оружие на народ“; martiška vanhazepi vähä nägeškanz' (LH II, 76) „мартышка под старость (досл. в направлении к старости) мало стала видеть“; nyugd jo kezharää (VMLT, 367) „теперь уже к лету“; nyugd lounatamaa i ehtharää joma tšajun (VMLT, 366) „сейчас обедаем, а под вечер (досл. к вечеру) пьем чай“; nyugd jo viluhpää puhuškadop kauged ahavoon'e (VMLT, 367) „теперь уже к холодам, начинает дуть пронизывающий ветер“; edelpei kense kääll krepli ičeze päin, a sid langez' (LK, 28) „впереди (досл. в передней стороне) кто-то руками схватился за голову, а потом упал“; hän lendab edelpei i kat-sub ten (LK, 28) „он летит впереди и рассматривает путь“; a edoopää razboinikoot' käullibad (VMLT, 367) „а раньше разбойники ходили (бывали)“; hän zavodl tagazepi kätas (LH, 27) „он начал повертываться назад (досл. в обратном направлении)“; mi se s'igou edelespei dorogou must'istab (М. Х., 123) „что-то там впереди на дороге чернеет“; Nastä katsouz' edelespei i nägeb (LK, 28) „Настя взглянула вперед и видит“; lilonuded sobad i kengad telustiba huppida, ličoiiba alahakspei (LK, 97) „промокшая одежда и обувь мешали прыгать и тянули вниз“.

В финском языке и собственно-карельских говорах вепскому агглютинату *-päi (~ -pai, ~ -pei* и т. д.) и южнокарельскому *päi(n)* соответствует послелог *päin*. Исторически это инструктив множ. ч. от слова *pää* „голова, конец“ и *päin*, следовательно, означает „головой, концом“.

Второе: содержит в себе исходное значение и отвечает на вопрос „откуда?“, „из кого?“, „из чего?“, „от кого?“, „с кого?“, „от чего?“, „с чего?“, „с какого времени?“, „с какой стороны?“ и употребляется с инессивом-элативом и адессивом-аблативом, а также с некоторыми наречиями места и времени. Например: *lapsed läksiba školaspēi* (VKG, 18) „дети пошли из школы“; *rahvas tuliba suimaspeī* (VKG, 18) „народ пришел с собрания“; *mindal kyksiba kravatišpeī* (LK, 118) „меня согнали с кровати“; *miišpeī puzertas veren, kuti gal'blošpeī* (LK, 113) „из нас кровь выжимают, как (сок) из клюквы“; *pored prihād ampusketas oružjoišpeī* (LK, 86) „молодые парни стреляют из ружей“; *pinun muzik i'äks' kanzaspeī službale* (M. X., 55) „мой муж ушел из семьи на (военную) службу“; *s'uguzuu painn'espeī läks'in* (M. X., 114) „осенью перестал быть пастухом (досл. осенью ушел с пастухом)“; *silmid hänespeī ij pästa* (LH I, 34) „глаз с него не сводит“; *sīd yks' hiišpeī kacouz' jälgile* (LK, 78) „потом один из них оглянулся“; *bohatsud t'egiba eriže bedn'akoišpeī itšezol laukan* (M. X., 9); „богачи устроили отдельно от бедняков свою лавку“; *Pet'a, nāgub, tusktuškanz' i läksi iknaspeī irdale* (LK, 29) „Петя, видно, начал скучать и вышел через окно (досл. из окна) на улицу“; *Mak säregan' ihastusespeī* (LH II, 33) „Мак задрожал от радости“; *zavod'imel opetas ihasas tšasuspeī homendest* (M. X., 101) „начинаем учиться с девяти часов утра“; *i'nob i'ähtta mel'l'intšoupai* (M. X., 36) „придется уйти с мельницы“; *ulitsalpeī... ani raffan päle ajoiba heboil* (LK, 113) „с улицы... прямо на людей наехали на лошадях“; *lahk langez' katuselpeī* (VKG, 18) „доска упала с крыши“; *kolhoznikat ehtkoičel tuliba ruudolpeī* (VKG, 18) „колхозники вечером пришли с поля“.

Агглютинат *-pei* в сочетании с некоторыми наречиями места и послелогоми и другими агглютинами имеет исходное значение. Например:

с наречиями: *yhtnāgoi edahanpeī kuluškanz' mittese judu* (LK, 31) „вдруг издали послышался какой-то грохот“; *a s'igoupei kirboz' rovespeī pul'k* (M. X., 125) „а оттуда из-за пазухи выпала пуля“; *toi sigapeī bol'in* (M. X., 13) „привез оттуда болезнь“;

с послелогоми: *dohtur' ot'i pinžakon p'oupei häd'i* (M. X., 125) „доктор взял да снял с себя (досл. сверху) пиджак“; *savel p'äl'p'äi goid'a* „с глины сверху скрыть“; *ja ujuškanz' jougolden alpeī* (LK, 96) „лед начал отходить из-под ног (под ногами)“;

с агглютинатом *-no(u)*: *tul'in m'öst feršalannopai* (M. X., 115) „пришел опять от фельдшера“; *a Galka jo minunnopai jokseb* (LK, 65) „Гайка уже бежит от меня“; *levigat, lähtkat toizennoupei* (LK, 96) „разойдитесь, уйдите друг от друга“; *laukannopai astul äi rahvast* (VKG, 18) „от лавки шло много народа“.

Агглютинат *-päi*, употребляясь с инессивом-элативом, адессивом-аблативом и с агглютинатом *-nou* (*-nost*, *-lou*, *-lost* и т. д.), соответствует элативу и партитиву в исходном значении (древнему делативу) финского и других прибалтийско-финских языков. Например, финск. *lapset tullvat koulusta* „дети пришли из школы“; *yksi niistä pojista tuli pellolta* „один из тех парней пришел с поля“; *tyttö juoksi talon luota* „девочка отбежала от дома“; *jo kaukaa alkoi näkyä urea koulu-talo* „уже издали показалось красивое школьное здание“.

О происхождении двойного значения вепского агглютината *-päi* (*-pai*, *-pei* и т. д.), образовавшегося из послелога *päin*, можно сказать следующее. Рассматриваемый агглютинат (а до этого послелог) имел первоначально только нейтральное значение, без указания

направления (как, например, сейчас финский послелог-наречие *päin*), а значение исходности он получил только после того, как вепский язык потерял исходные падежи (элатив и аблатив) или точнее, после того, как в вепском языке совпали элатив с инессивом и аблатив с адессивом. Такая замена утраченных исходных падежей агглютинатом *-päi* (*~pei* и т. д.) могла произойти довольно легко, ибо указанные исходные падежи как в сочетании с названным агглютинатом (ранее послелогом), так и без него близки: в том и другом случае имеет место исходность. Сравни, например, финск. *metsästä päin kuuluu, järveltä päin näkyu* „со стороны леса слышно, со стороны озера видно“ и *metsästä kuuluu, järveltä näkyu* „из леса слышно, с (от) озера видно“. После фонетического совпадения элатива с инессивом и аблатива с адессивом агглютинат *-päi* (*~pei* и т. д.) в вепском языке взял на себя функции тех утраченных исходных падежей, с которыми он до этого сочетался. Что это так, показывают такие вепские примеры, где утраченные исходные падежи не были заменены агглютинатом *-päi* (*~pei* и т. д.) в таких случаях, когда исходный падеж не имел исходного значения. Например, финскому *otin lasta kädestä* „взял ребенка за руку“ в вепском языке соответствует *otin last kädes* (*<kädestä*), а не *kädespeī*. В таких случаях агглютинат *-päi* (*~pei* и т. д.) не мог заменить утерянного вепским языком элатива, потому что элатив в рассматриваемом значении не мог иметь (также как и в современном финском языке не имеет) ни в малейшей степени исходного значения.

4. *-(s)sai* (*~(s)säi* *~(s)sei* *~(s)saa* *~(s)sää*) с терминативным значением при обозначении предела в пространстве, времени и состоянии.

Рассматриваемый агглютинат употребляется с иллативом и аллативом, инессивом-элативом и адессивом аблативом в исходном значении последних двух падежей и с наречиями места. Например: *Leningradspēi Moskovahasei om enamb kut sadad kilometrad* (VKG, 18) „от Ленинграда до Москвы свыше шестисот километров“; *homesespeī eh'hasei kolhoznikad ratas ruudol* (VKG, 18) „с утра до вечера колхозники работают на поле“; *minun mužik an'i ahlak bliñoohessaa* (VMLT, 366) „мой мужик большой охотник до блинов“; *sigä k'y'l'äks gadan, surdun surmhassai i möst kod'ihē joksen* (M. X., 87) „там вдоволь работаю, устаю до смерти и опять бегу домой“; *hän astul jogelesēi* (VKG, 18) „он дошел до реки“; *minä ajoil' kod'iišpeī vištoštikime virstad poušarehesseī* (M. X., 128) „я проехал от дома до Поушара (название местности.— M. X.) пятнадцать верст“; *ani mežasseī om milden kolhozan ruud* (VKG, 18) „от самой межи простирается поле нашего колхоза“; *s'id' aigasseī zavod'in itšel'in hoz'aistvan* (M. X., 115) „с того времени завел свое хозяйство“; *pin'essaa andabad vaudan* (VMLT, 366) „с малолетства дают волю“; *desätник Markov peivän kävell jogirandadme ylesseī* (LK, 97) „десятник Марков целый день шел по берегу реки до верховья“.

5. *-ke(d)* с комитативным значением.

Указанный агглютинат присоединяется к окончанию генитива. Например: *s'id' mii el'imel n'el'toškyme vot ukonke* (M. X., 47) „потом мы прожили с мужем четырнадцать лет“; *m'in'ä pitšuid'e laps'id'eke el'än* (M. X., 58) „я с маленькими детьми живу“; *prihaine syl liibän maidonke* (VKG, 18) „мальчик ел хлеб с молоком“; *torhespeī hän ozutihē mustaks viheranke* (LH II, 48) „от сырости он казался темно-зеленым (досл. черным с зеленым)“; *ala sinä huudu, mäne kodihē, andan minä liibäd sinij mugoman kromaižen, miše fatib sinij igäks*

kanzanke (LH II, 3) „не беспокойся ты, иди домой, дам я тебе такой каравай (хлеб), что хватит тебе с семьей на век“.¹

В вепском языке образование агглютинат представляет однородную картину. Из небольших исключений можно отметить употребление в прионежском наречии послелога *m'oto* вместо агглютината *-m'õ(d)*, *-me(d)*, *-mi* в других наречиях и говорах. Например, вместо *lavadm'õ(d)* „по полу“, *t'edme(d)* „по дороге“, *stoladm'õ* „по столу“ в прионежском наречии употребляется *lavad m'oto*, *t'ed m'oto*.

АГГЛЮТИНАТЫ В ЮЖНОКАРЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В отдельных южнокарельских говорах ливвиковского и людиковского наречий имеют место следующие агглютинаты:

1. В ливвиковских и людиковских говорах агглютинат *-luo (-lyö) ~ -lou (-lõy)* и людиковских *-luo (-lyö) ~ -lo (-lõ) ~ -loi (-lõi) ~ -luo (-lyö) ~ -lu ~ -luste ~ -lii ~ -ni ~ -nuste* и в других возможных фонетических вариантах со значением нахождения, пребывания возле, около кого-либо, чего-либо или отхода от кого-либо, чего-либо или приближения, прибытия близко к кому-нибудь, к чему-нибудь. Например: *brihatšud istuttih hätken gannal suren kivellyö* „мальчики сидели долго на берегу у большого камня“; *lapsset juostih läreh ukolluo* „дети отбежали от старика“; *n'et vel'ekset tullah sen kivellyö* (KKN II, 15) „те братья подходят к тому камню“; *menõu sinne jo kuldazen dvoortšalluo* (KKN II, 15) „идет туда уже к золотому дворцу“; *hän putul sin'p'ä vahnan akallu* (LKN, 181) „он попал там к старой женищине“; *sit kuttšui tsar' ieneralad itšellui* (LKN, 23) „потом позвал царь к себе генералов“; *en t'ledä mid'äl ruatta, kul emändänny mändä* (LKN, 180) „не знаю, как быть, как идти к хозяйке“; *tuud'il meid'innuste kahtentošt polganke* (LKN, 30) „пришли к нам с двенадцатью сыновьями“.

Агглютинат *-luo (-lyö) ~ -luo ~ -ni* и т. д. присоединяется к генитиву. Во всех ливвиковских и части людиковских говоров *-l-* этого агглютината ассимилирует окончание генитива *n* в *l* (*ukolluo < ukonluo*), а в некоторых людиковских говорах это *-l-* ассимилируется с падежным окончанием генитива в *n* (*ukonnuo < ukonluo*).

В ряде ливвиковских говоров этот агглютинат принимает участие в гармонии гласных (*ukolluo, hänellyö*).

В финском языке и в собственно-карельских говорах этому южнокарельскому агглютинату (в одних говорах) или послелогу (в других) соответствует послелог задней огласовки *luo-* с некоторыми застывшими падежными окончаниями. Например: *isän luona* „около отца, при отце“; *isän luota* „от (близости, возле) отца“; *isän luo* (*< *look*) „к отцу“.

¹ Примечание. В печенском наречии вепского языка формант *-ke* всегда присоединяется только к основе слова: в ед. ч. — к лексической основе слова, которая совпадает с формой генитива ед. ч. и во множ. ч. — к словоизменительной основе множ. ч., например, *prihain'e tul'ii suureke l'eibäke* „мальчик пришел с большим хлебом“; *St'ork ajoj p'oldol'e akoike* „Степка поехал на поле с женищницами“; *miä tul'iin t'änna vahnebakke poigake* „я пришел сюда со старшим сыном“.

В этом говоре рассматриваемый формант *-ke*, безусловно, является падежным окончанием комитатива, ибо он присоединяется только к основе слова, а не к падежному окончанию. В синтаксическом плане этот новый падеж не отличается от других падежей: падежное окончание *-ke* употребляется при определении и определяемом, в то время как агглютинат употребляется в основной массе вепских говоров только при определяемом.

2. Агглютинат *-sah (-säh) ~ -sai ~ -sua ~ -saa* и в других возможных вариантах имеет терминативное значение в обозначении предела в пространстве, времени и состоянии и сочетается с иллативом и аллативом (в тех говорах, где имеет место аллатив), инессивом-элативом и адессивом-аблативом (-аллативом), а также с некоторыми наречиями и послелогами с местным значением. Следовательно, агглютинат *-sah (-säh)* с упомянутыми падежами обозначает предел от определенного и до определенного места, времени и состояния. Например: *i lähtiäh kod'ih päi udamah. Ujjetah pualeh matkassah* (KKN II, 14) „и поплыли они в сторону дома. Доплыли они до середины пути“; *pu läkkä pugõi uj'jammo randassah* (KKN II, 14) „ну давай доплывем до берега“; *sit lähteih tulemah kodihpäi. Tullah meressäh* (KKN II, 13) „потом отправились домой. Прибывают к морю (до моря)“; *muato händü kazvatti vuodeh viidehtostusah* (KKN II, 12) „мать его растила лет до пятинадцати“.

Во многих ливвиковских говорах рассматриваемый агглютинат принимает участие в гармонии гласных. Например: *matkassah, meressäh*.

Падежное окончание иллатива *-h* ассимилируется с последующим за ним согласным *-s* агглютината *-sah (-säh)*. Например: *pualeh matkassah (< matkah sah), meressäh (< mereh sah)*¹.

3. Агглютинат *-ker(e) ~ -kel(e) ~ -ke* с комитативным значением.

Этот агглютинат присоединяется к окончанию генитива. Например: *mutšoi nouzou da tyttären tuou sihe kažinke* (KKN II, 80) „жена встанет и дочку приведет туда с кошкой“; *a sie mutšoi magoadau tyttärenke* (KKN II, 80) „а там жена спит со своими дочерьми“; *kaži hyppäi läres kol'tšazenkele* (KKN II, 13) „кошка выпрыгнула с кольцом“; *tuud'il meld'innuste kahtentošt poiganke* (LKN, 30) „пришли к нам в гости с двенадцатью сыновьями“.

Необходимо отметить, что агглютинаты в южнокарельских наречиях не достигли ни такого единства, ни такой законченности развития, как, например, в вепском языке. В одних говорах они присоединяются к падежным окончаниям и являются, таким образом, агглютинатами. В других говорах они не присоединяются к падежным окончаниям и являются, следовательно, послелогами. Например: *ristemän lyö men'immõ gos'ih Mikkizen tyttölöin ker* (KKN II, 42) „к крестной мы отправились в гости вместе с дочерьми Миккинена“; *kod'ih menõv monast'eriz moamah luo* (KKN II, 42) „домой отправляется из монастыря к своей матери“; *i kolrain el'i sih päiväh sah* (KKN II, 79) „и собачка (пр)жила до того дня“; *ukk akan ker läh-tietäh mettšäh* (KKN II, 45) „муж с женой отправились в лес“.

¹ Примечание. Ассимиляция ряда согласных в прибалтийско-финских языках широко развита не только внутри слова, но в связной речи она распространяется с одного слова на другое в ряде всевозможных вариантов. Например, многие конечные согласные ассимилируются с первыми согласными следующего слова: *kirveh'en kord'az ottaa dai hevõl päi leikkaa* (*< päin leikkaa*. — М. Х.) (KKN II, 23) „берет топор из саней и отрубает голову у лошади“; *laitah magavust'ila* (*< magavuz'ila*. — М. Х.) *kuuvet lukun* (*kuuvet lukun*. — М. Х.) *toakse* (KKN II, 27) „устраивают им постель за шестью замками“; *kävettis sie* (*kävettih sie*. — М. Х.) *merel* (KKN II, 48) „ходили там по морю“. Поэтому ассимиляция согласных падежных окончаний с согласными агглютинат (раньше послелогов) в таких случаях как *tuom brihalluo < tuon brihan luo* „около того парня, к тому парню, от того парня“, *suureh l'innasai < suureh linnah sai* „до большого города“, не может служить серьезным доказательством того, что в рассматриваемых случаях имеет место образование новых падежных окончаний.

Нет всегда устойчивости в употреблении агглютинат или послелогов даже внутри одного говора. Неодинаково употребляются агглютинаты в некоторых говорах при определении и определяемом. Например, в одном и том же селении встречается *menđu sinne jo kuldazen dvortšalluo* (ККН II, 15) „идет туда к золотому дворцу“ (в этом случае агглютинат *-luo* не употребляется при определении) и *kerälne vedäu keskimäzellyö sizärellyö* (ККН II, 15) „клубок тянет к средней сестре“ (в этом случае агглютинат употребляется при определении и при определяемом).

О ПРИРОДЕ АГГЛЮТИНАТ

В отношении определения грамматической сути рассматриваемых образований существует несколько точек зрения. Например, известный финляндский исследователь карельских диалектов А. Генетц в своей монографии о ливвиковском наречии карельского языка в словарь в качестве отдельных слов включил *luo (lyö)* и *sah (säh)*¹. В этом словаре *luo (lyö)* он относит к послелогам, а *sah (säh)* — к наречиям.

Автор „Грамматики карельского языка“ Н. А. Анисимов упомянутые выше агглютинаты называет послелогам.² Финляндский языковед Э. Тункело называет вепские агглютинаты послелогам, а соединяющиеся между собой падежные окончания и агглютинаты — постпозиционными.³ Финляндский лингвист Лаури Кеттунен рассматривает вепские агглютинаты как особые падежные формы. В общем заголовке он их определяет как „поздно возникшие (послелогообразные) падежи“ [*myöhäilssyntyiset (postpositiomaiset) sijat*]⁴. З. М. Дубровина рассматривает вепские и южнокарельские агглютинаты без всяких оговорок как падежные формы.⁵ Авторы грамматики вепского языка определяют рассматриваемые форманты как агглютинаты.⁶

Рассмотрим суть агглютинат, падежных окончаний и послелогов и особенности их употребления в предложении. О них можно сказать следующее:

1) Агглютинаты имеют сходство с послелогам. Они, как и послелогам, выступают при тех же падежах. Но на этом сходство между послелогам и агглютинатами и кончается. Послелогам, выступая при том или ином падеже, не присоединяются к нему, а только управляют ими.

2) Агглютинаты же, присоединяясь к слову, теряют свое первоначальное ударение отдельного слова. В ряде случаев в отдельных говорах они принимают участие в гармонии гласных. Все это свидетельствует об утрате агглютинатами (бывшими послелогам) значения отдельного слова.

¹ A. Genetz. *Tutkimus aunuksen kielestä, Suomi, toinen jakso*, Helsinki, 1885, II, Sanakirja.

² Н. Анисимов. *Грамматика карельского языка (коткозерский говор)*, Петрозаводск, 1948, глава „Склонение имен“ (рукопись хранится в архиве Карельского филиала АН СССР).

³ E. Tunkelo. *Vepsän kielen äännehistoria*, Helsinki, 1946, § 43, § 49.

⁴ Lauri Kettunen. *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*, Helsinki, 1943, стр. 568, 571, 572, 577, 583.

⁵ З. М. Дубровина. Автореферат кандидатской диссертации „Предлоги и послелогам в финском языке“, Петрозаводск, 1954.

⁶ М. М. Хямяляйнен, F. A. Andrejev. *Vepskiljan kelen grammatik*, Leningrad, 1934, стр. 17.

3) Агглютинаты имеют сходство и с падежными окончаниями. Оба они присоединяются к слову. Падежные окончания присоединяются к основе слова и иногда вызывают изменения в самой основе слова, агглютинаты же присоединяются только к падежным окончаниям или к другим агглютинатам. Агглютинаты весьма легко отделяются от падежных окончаний.

4) Различно соединяются с притяжательными суффиксами в слове падежные окончания и агглютинаты. Притяжательные суффиксы присоединяются к падежным окончаниям, которые, в свою очередь, присоединяются к основе слова, например, вепск.: *tata|le|z* „к его отцу“; *tata-* основа слова, *-le-* — падежное окончание аллатива, *-z* — притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч. Агглютинаты, в отличие от падежных окончаний, присоединяются к притяжательным суффиксам. Например, *tat|ha|ze|ssei* „(он) до своего отца“; *tat-* — основа слова, *-ha-* — падежное окончание иллатива, *-ze-* — притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч., *-ssei* — агглютинат с терминативным значением.

Таким образом, агглютинаты никогда не имеют соприкосновений с основой слова, а присоединяются к падежным окончаниям. В случае употребления притяжательных суффиксов в слове агглютинаты отделяются от падежных окончаний этими суффиксами и, следовательно, не представляют единого и неразделимого форманта.

5) Различия между агглютинатами и падежными окончаниями проявляются и в склонении числительных от десяти до двадцати в южнокарельских говорах. В рассматриваемых сложных числительных, например, *uksitostu* „одинадцать“, *kolmetostu* „тринадцать“ и т. д. [досл. один второго (десятка), три второго (десятка)], *kolme|tostu* „тринадцать“ *kolme|h|tostu* „в тринадцать“ и т. д. склоняется только первый компонент. В случае употребления агглютинат при этих числительных они присоединяются ко второму, несклоняемому компоненту этих сложных числительных, например, *puato händu kazvatti vuode|h|vide|h|tostu|sah* (ККН II, 12).

Таким образом, агглютинаты при склонении некоторых сложных числительных не присоединяются к падежным окончаниям, а отделяются от них вторым компонентом этих числительных и не образуют с этими окончаниями ничего единого, неразделимого.

6) Имеются и весьма существенные различия между падежными окончаниями и агглютинатами в синтаксическом плане. В прибалтийско-финских языках, как и в русском, определение, выраженное прилагательным, числительным или местоимением, согласуется, как правило, с определяемым в числе и падеже. Например, вепск.: *l'evad p'yud* „широкое поле“, *l'evedad p'yudod* „широкие поля“, *l'evedale p'yudole* „на широкое поле“, *l'evadil'e p'yudoil'e* „на широкие поля“ и т. д. Этого нельзя сказать об агглютинатах. Они присоединяются только к падежному окончанию определяемого. Например, вепск.: *l'eveda|ha p'yud|ho|ssei* „до широкого поля“; *händast tabaziba sure|n jarve|n|no* (LK, 63) „его поймали около большого озера“; *tul'i tal'v, mina m'ost verhi|d' gadol'd'm'o* „наступила зима, я опять у чужих работаю (досл. по чужим работам)“; карельск.: *n'et vellekset tullah se|n kive|l|luo* (ККН II, 15) „те братья подходят к тому камню“; *ujjetah ruale|h matka|s|sah* (ККН II, 14) „проплыли половину пути“. Следовательно, агглютинат отделяется от падежного окончания и при определении.

7) Следует также принять во внимание, что агглютинаты в какой-то мере сохраняют за собой лексическое значение. Не случайно

А. Генетц в упомянутой выше работе, по олонецким говорам включил в ливвиковский словарь рассматриваемые нами агглютинаты *sai~sah~säih*, *luo~lyö* и т. д. как самостоятельные слова. Кеттунен, рассматривая вепсские агглютинаты как особые падежные окончания, признает в некоторых случаях за ними и самостоятельное значение. Он пишет, что вепсск. *saa* может иногда присоединяться также и к другим падежным окончаниям (кроме иллатива.— М. Х.), но в таких случаях его самостоятельное значение в такой степени сохраняется, что он не является падежным окончанием. Например, *kaks' virstad suvårvole saa* „две версты до Сюярв“¹.

Нельзя сказать, чтобы падежные окончания в любом из прибалтийско-финских языков хоть в малейшей степени имели какое-либо самостоятельное лексическое значение, как это иногда имеет место с агглютинатами.

* * *

Учитывая все вышесказанное об агглютинатах, следует сделать вывод, что они не являются ни послелогом, хотя и обладают отдельными их свойствами, ни падежными окончаниями, хотя имеют и некоторые общие с ними черты. Агглютинаты не входят ни в одну из этих грамматических категорий, а представляют собой самостоятельную грамматическую категорию в системе именного словоизменения.

* * *

Не означает ли признание в вепсском языке и в некоторых южнокарельских говорах особых формантов-агглютинат, образовавшихся из послелогов (восходящих к знаменательным словам), отрицания возникновения из послелогов и вообще из знаменательных слов в финноугорских языках новых падежей? Известно, что, например, в венгерском языке довольно поздно образовалось много новых падежей, окончания которых в основной своей массе восходят к знаменательным словам или сочетанию знаменательных слов с другими падежными окончаниями. Эти новые падежные окончания, в отличие, например, от вепсских агглютинат, при присоединении к слову ведут себя точно так же, как и такие древние падежные окончания, которые восходят к финноугорской языковой общности. Все падежные окончания венгерского языка — самые древние и самые молодые — присоединяются к основе слова или к показателю множественного числа, если слово употребляется во множ. ч., или к лично-притяжательному окончанию, если в слове употребляется такое окончание. Показатель множ. ч. или лично-притяжательные суффиксы присоединяются к основе слова. В этом отношении нет никаких различий между старыми и новыми падежами. Например: 1) *kéz-en* „на руке“, *kez-ek-en* „на руках“, 2) *ház-ban* „в доме“, *ház-ak-ban* „в домах“. В первом случае перед нами суперессив (падеж нахождения на поверхности) с падежным окончанием *-n* (*e* перед *n* — соединительный гласный), который, по общему признанию, восходит к древнему общефинноугорскому локативу на *n*.² Во втором случае — инессив (падеж внутреннего нахождения) с падежным окончанием *-ban*, *-ben*,

¹ L. Kettunen, VMLT, § 576.

² К. Е. Майтниская. Венгерский язык, I, изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 133—134.

восходящим «к существительному *bel* „кишка“, „внутренность“ — древний финноугорский локативный *lx*! Суперессив — первичный падеж, весьма древний, восходит к общефинноугорской общности. Инессив — вторичный падеж позднего происхождения.

Образуются новые падежи и в прибалтийско-финских языках. Например, в собственно-карельских говорах карел Калининской области совсем поздно образовался новый падеж — комитатив с падежным окончанием на *-nke*. Это падежное окончание образовалось из сращения окончания генитива *-n* и суффикса *-ke*, восходящего к послелогу *kerä* (имеющему место именно в таком виде в собственно-карельских говорах Карелии), а *kerä*, в свою очередь, восходит, по общему признанию, к знаменательному слову *kerta* „раз“. Приведем примеры употребления этого нового падежа: *kaheksan kuvn jälgeh kazvo huväksi kolraksi piti|nke korvi|nke, pörhäkä|nke hännä|nke i suvri|nke hajukkahi|nke silmi|nke* (URKKM, 42) „через восемь месяцев вырос (щенок) в доброго пса с длинными ушами, с пушистым хвостом и с большими умными глазами“; *tänäpäinä Vitja kizuav kolmannel|nke toista tovarissa|nke* (USKKM, 90) „сегодня Витя играет с тринадцатым товарищем“. Собственно-карельский комитатив в говорах карел Калининской области ведет себя во всех отношениях так, как и все остальные падежные окончания: первичные и вторичные по своему происхождению.

Слияние составных частей калининского собственно-карельского комитатива является полным и завершённым. Не распадается это окончание на прежние составные части даже при сложных числительных (количественных и порядковых) от одиннадцати до девятнадцати включительно, у которых, как известно, склоняется только первый компонент, например, *kolme|lla|toista* „тринадцать, у тринадцати, тринадцати“, *kolme|h|toista* „на тринадцать, в тринадцать“; *kolme|nke|toista* „с тринадцатью“, *kolmannel|nke|toista* „с тринадцатым“, в отличие от южнокарельских агглютинат, которые присоединяются к падежным окончаниям, но не сращиваются с ними, а при рассматриваемых числительных отделяются от падежных окончаний, например, ливвиковское *kolme|ll|tostu* „тринадцать, у тринадцати или от тринадцати“, *kolmehtostu* „на тринадцать, в тринадцать“, *kolmen|tostu|kel* „с тринадцатью“, *kolmandel|n|tostu|kel* „с тринадцатым“ и т. д.

В собственно-карельском (калининском) говоре при определении и определяемом не отделяются друг от друга прежние составные компоненты окончания комитатива на *-nke*, например: *piti|nke korvi|nke, pörhäkä|nke hännä|nke...* „с длинными ушами, с пушистым хвостом“, в отличие, например, от ливвиковских говоров, в которых агглютинаты отделяются при соответствующем положении (*pitkien korvin|kel*).

Постановка вопроса об образовании особых формантов-агглютинат в системе склонения вепсского языка и в южнокарельских наречиях ни в коем случае не противоречит общепризнанному положению об образовании в отдельных финноугорских языках новых падежных окончаний, возникших либо из знаменательных слов, либо из сочетания старых падежных окончаний и знаменательных слов. Весь вопрос заключается в том, что падежные окончания, в том числе и окончания поздно образовавшихся падежей, и агглютинаты, являющиеся поздними

¹ К. Е. Майтниская. Венгерский язык, I, изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 137.

образованиями и восходящие к знаменательным словам, различно ведут себя синтаксически и по-разному присоединяются к слову. Поэтому выделение падежных окончаний и агглютинат в особые грамматические категории является вполне правомерным и необходимым.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

И. Г.—И. М. Гуркин. Записи по каргинскому наречию вепского языка в 1931 году. Рукопись хранится в архиве Карельского филиала АН СССР, разряд VII, оп. 1, тетрадь II.

KKN II—Karjalan kielen näytteitä, II, Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita, Helsinki, 1934.

LH I—F. A. Andrejev. Literaturnij hrestomatij vepskijale nacal'nijale skolale, Gosudarstvennij izdatel'stv „Kirja“, Leningrad, 1934.

LH II—F. A. Andrejev. Literaturnij hrestomatij vepskijale nacal'nijale skolale, II cast, 4-le openduzvodele, Gosudarstvennij izdatel'stv „Kirja“, Leningrad, 1935.

LK—N. Bogdanov, M. Loginov, G. Bol'sakov, V. Romanov, I. Andrejeva, M. Sokolov. Legend knig, Ucpedgiz, Moskv—Leningrad, 1936.

LKN—Lyydiläisiä kielennäyttelyä. Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen, Suomalais-ugrilaisen seuran toimittuksia, LXIX, Helsinki, 1934.

М. Х.—М. М. Хямяляйнен. Записи по средневепским говорам, 1931 г. Рукопись хранится в архиве Карельского филиала АН СССР, разряд VII, оп. 1, тетрадь I.

VKG—M. Hämäläinen, F. Andrejev. Vepskijan kelen grammatik, Gosudarstvennij izdatel'stv „Kirja“, Leningrad, 1934.

VKAN—A. E. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki, 1946.

VMLT—Lauri Kettunen. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki, 1934.

USKKM—F. Stepanov. Upraznenjoin sbornikka karjalan kieldä myöti nacal'noilla skolalla varoin, Ucpedgiz, Moskv, 1936.

А. И. ПОПОВ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

В последние годы к числу источников истории и языка Новгорода и новгородских земель XI—XV вв. прибавился новый источник — берестяные грамоты. Это замечательное открытие А. В. Арциховского представляет широкое поле для исследователя — историка и лингвиста, причем то, что уже найдено, и возможности дальнейших находок обещают весьма существенно изменить и дополнить наши представления о северной республике и ее населении.

О берестяных грамотах как новом виде источников истории и культуры Новгорода и новгородских земель XI—XV вв. появился уже ряд замечаний исторического и лингвистического порядка, включая и опубликованные А. В. Арциховским материалы (с комментариями) о результатах раскопок 1951 и 1952 гг., а также некоторые предварительные публикации в журнале „Вопросы истории“ и других изданиях.

Учитывая вполне понятную неполноту разъяснения многих мест новгородских грамот на бересте, постараемся внести сюда некоторые дополнения, касающиеся встречающихся в них прибалтийско-финских личных имен.

* * *

Грамота № 2 из раскопок А. В. Арциховского¹ интересна для нас тем, что содержит ряд личных имен „чуждского“ происхождения; в ней указаны, по-видимому, феодальные повинности, размер которых определен мехами:

1. „Аекуевь бела, росомуха. У Фоме 3
2. куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху
3. даль дару куницу. Вельяказа 4 кун
4. ица. Игугмор на Волоки куница. У Мятащи
5. 2 куници. У Вельютовых 2 куници. У Возем
6. ута 2 куници. У Филиппа 2 куници. У Намест
- 7—8. а 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница.
9. У Вихтимаса 2 белки. У Гостили 2 куници. У В
10. ельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бел“.²

¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 21—25. Эта грамота была обнаружена в Новгороде при раскопках 1951 года; датируется она примерно XV веком, так что принадлежит к числу поздних.

² Точная орфография подлинника нами не соблюдалась.

В отличие от подавляющего большинства других берестяных грамот этот документ содержит текст на обеих сторонах листа, а пустое место тщательно прочеркнуто. В соединении с тем обстоятельством, что на первой странице текста имеется какой-то лишний неясный знак, означающий, вероятно, номер страницы, надо думать, что мы имеем здесь только один лист из берестяной книжки, а не цельный документ. Содержание этого листа, приведенное выше, очень напоминает отрывок из уставной грамоты или близкого по характеру делового акта.

Нас в данном случае будут интересовать в первую очередь вопросы о местонахождении указанных в грамоте географических пунктов и об этнической принадлежности упоминаемых ею имен не славянского происхождения.

Решение второго из них в значительной мере определяется решением первого, к которому и обратимся.

Следует по самому характеру грамоты думать, что в данном случае все указанные на дошедшем до нас листке личные и географические имена относятся к одной и той же местности небольших размеров. Здесь упоминаются: Игугмор-наволоок и Великий остров, определить местонахождение которых и представляет нашу первую задачу.

Что такое Игугмор-наволоок?

Единственное близкое по звучанию географическое имя представляет название селения на Водлозере в Карелии: Гумар-наволоок, значившийся согласно „Спискам населенных мест Российской империи“ прошлого века, в тогдашнем Пудожском уезде Олонецкой губернии. Селение это древнее, по крайней мере, оно указано в писцовых книгах XVI века под названием Гумор-наволоок¹, т. е. в форме еще более близкой к Игугмор-наволоок берестяной грамоты, где начальное И, вероятно, только вспомогательное, возникшее в русской передаче.²

Все это было бы однако лишь не очень обоснованным предположением, если бы на помощь не пришло упоминание в берестяной грамоте Великого острова, который должен находиться где-то здесь же. Достаточно взглянуть в те же „Списки населенных мест...“, чтобы обнаружить этот географический пункт. Оказывается, что на одном из островов Водлозера имеется, действительно, селение Великоостров³, одно из двух с подобным именем во всем списке селений Олонецкой губернии XIX века.

Таким образом, можно с большой степенью вероятности утверждать, что мы обнаружили то место, к которому относятся записи берестяной грамоты № 2 А. В. Ардиховского и М. Н. Тихомирова. Это место — Водлозеро, расположенное к востоку от северной части Онежского озера⁴ и имевшее даже в недавнем прошлом население, известное

¹ „Писцовые книги Обонежской пятинны“, Л., 1930, стр. 173: погост Водлозерский за Онегом. См. также „Списки населенных мест Российской империи“, Олонецкая губ., СПб., 1879 (Пудожский или Пудожемский уезд), особенно № 3935 (Гумар-наволоок), № 3943 (Великоостров) и др.

² Гумар-наволоок, Гумор-наволоок (древнее новгородское Игугмор-наволоок) происходит, как следует думать, от „чудского“ названия Гумар-нисми или Гугмар-нисми (финск. *huitag*, в карельских диалектах *huitag* „ступа, толчея“; вепсск. *huitag* должно было ранее звучать близко к карельскому слову).

³ В писцовой книге Обонежской пятинны 1563 г. указаны две деревни „на Великом острове“.

⁴ Водлозеро — большое озеро Восточной Карелии со многими островами, на которых имеется ряд селений.

русским под именем „чуди“, но не карел. В этом убеждает и подробное изучение здешней топонимики, которая не имеет характера собственно-карельской, а ближе к вепсской или людиковской: Вавдиполь¹, Варишпилда, Коскосалма, Канзанаволок, Маткалахта, Калакунда и т. п.

Большинство названий подобного рода не может быть отнесено к карельским и в значительной части они даже просто немыслимы в собственно-карельских диалектах.²

Поэтому лучше всего охарактеризовать данные названия как „чудские“, понимая под этим термином принадлежность названий какому-то исчезнувшему в настоящее время прибалтийско-финскому диалекту, наиболее близкому к вепсскому языку из всех ныне существующих видов речи этого типа.

Исходя из этого следует строить и все дальнейшие выводы.

В грамоте упоминаются следующие личные имена несомненно „чудского“ происхождения: Вельяказ, Вельютовы, Вельют, Вихтимас и некоторые др., а также прозвище Лопинков.³

Что означает имя Вельяказ с точки зрения данных прибалтийско-финских языков? В грамоте мы имеем Вельяказ („ять“ в первом слове), что следует читать, несомненно, как *Вильяказ* в соответствии с сохранившимися и до сих пор особенностями новгородских говоров.

Это имя нам хорошо знакомо из Новгородских писцовых книг⁴ и других актов, в которых оно встречается много раз в форме Вильяк, Вильяка и т. п., как „чудское“, водское или ижорское имя. Вельяказ или Вильяк(аз) является „чудским“ соответствием эстонского *viljakas* (род. пад. *viljaka*) „плодородный, хлебородный“ (от *vili*, род. пад. *vilja* „жито, хлеб (в зерне); плод“).

Отсюда же и имя Вельют, встречающееся во многих древнерусских актах, большею частью в форме Вильят, как опять-таки „чудское“, водское или ижорское имя, широко отражено в топонимике. Таким образом, основой личных имен Вельяказ и Вельют следует считать „чудское“ соответствие финского-суоми *vilja*, эст. *vili* „хлеб (в зерне), жито“. Суффикс *-каз* в *Вельяказ* тот же, что в финском-суоми в словах *rahakas* „денежный, богатый“ (от *raha* „деньги“), *varakas* „зажиточный, состоятельный“ (от *vara* „имущество, запас“), *nerokas* „гениальный“ (от *nero* „гений“) и т. д.; эст. *rahakas* „денежный, богатый“, *jutukas* „болтливый, разговорчивый“ (от *jutt*, род. пад. *jutu* „рассказ, повесть, молва“), *karvakas* „волосатый“ (от *karv*, род. пад. *karva* „волос, шерсть, масть“) и т. п.; вепсск. *arvokaz* „ценный“ (от *arv* „цена“), *bardakaz* „бородатый“ (от *bard* „борода“) и пр.

В Вельют, Вильят и т. п. мы имеем другой суффикс *-m-*, чрезвычайно распространенный в древних прибалтийско-финских личных именах, которые хорошо изучаются по новгородским письменным источникам (там имеются сотни подобных имен: „чудских“, водских, ижорских, карельских и т. п.). В Новгородских писцовых книгах и других источниках находим имена: Лембит (многократно — у ижор, карел, води, эстов и т. д.), Тойвот („Тойвот Чудин“ и т. п.), Вильят (многократно, до Заволоцкой чуди включительно) и проч. — от „чуд-

¹ Ср. личное имя Вавдит в Новгородской уставной грамоте 1137 г. (см. М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. „Два памятника новгородской письменности“, М., 1952, стр. 20).

² В частности, для собственно-карельских данных было бы характерно не лахта, а лакши.

³ Это прозвище вполне понятно ввиду наличия здесь значительного числа лопарей еще и в XVI веке.

⁴ Указатель к Новгородским писцовым книгам.

ских" основ, соответствующих финскому-суоми *lempi* „любовь“, *toivo* „надежда, желание, упование, ожидание“ и т. д. Финскому *lemmitty* „возлюбленный, любимый“ есть, например, „чудское“ соответствие *Лембит*.

Заметим, что *-каз*, *-кас* и *-т* — не единственные суффиксы личных прибалтийско-финских имен, извлекаемых из русских и других источников XIII—XV вв.

Например, та же основа, которая соответствует финскому *toivo* „надежда“, образует в различных прибалтийско-финских языках имена (водские, ижорские, карельские и пр.): Тойвал, Тойвас, Тойват или Тойвут (Тойвот), Тойвой (Тойвуи) и т. д.¹ Помимо Лембит имеется также Лембей, Лембик, Лембуй, Лемпиев и проч.

Необходимо указать, что очень многие языческие прибалтийско-финские имена имели такие значения, как „любимый“, „жданный“ (сравни древнерусские имена Ждан, Неждан), „прелестный“, „чудный“, „восхитительный“ и т. п.

Так, если взять современное финское *ihana* „прелестный, прекрасный“, *ihanne (ihanteen)* „идеал“, *ihailu* „восхищение, обожание“, то найдем десятки соответствий ему в древних прибалтийско-финских именах: Игатко, Игай, Игаил, Игала, Игалтас, Игамуй, Игандуй, Игантуй, Игача и т. д. В том числе имя Игамас встречается неоднократно в писцовых книгах XV—XVI вв., иногда с соответствующим эпитетом: „Игамас Чудин“ (в Каргальском погосте Водской пятины).

Такие „чудские“ имена, как Игамас, Витамас и т. п., помогают нам удостовериться в прибалтийско-финском происхождении имени Вихтимас (в берестяной грамоте № 2). Необходимо отметить, что уже в известной уставной Новгородской грамоте 1137 года мы находим личное „чудское“ имя Вихтуй.

Какую прибалтийско-финскую основу имеем в именах Вихтуй и Вихтимас, точно сказать трудно в силу того, что здесь имеется не одна возможность.

Прямо напрашивается финск. *vihta* „веник“, эст. *viht* „веник“ (род. пад. *viha*), „пасмо, моток“ (род. пад. *vihi*), эст. *vihtuma* „хлестать, махать“. Однако следует иметь в виду такие слова, как финское *viikki-*, *viikkäis-* (в качестве первого компонента сложных слов в значении „венчальный, подвенечный“), *viikkiä* „венчать, освящать“ и т. п. „Чудское“ *k* часто передается русскими через *т* (русс. *сярта*, *сарть* вместо *särkkä*; *пихта* вместо *piikka* и др.), и там, где имеем несколько возможностей, выбрать определенно то или иное решение мы не можем, поэтому лучше воздержаться от произвольных гипотез. В любом случае мы уверены в том, что Вихтимас является типично „чудским“, т. е. прибалтийско-финским именем.

В начале грамоты № 2 стоит прозвище, которое читают различным образом: „Аекуевь“, „А Екуевь“ и т. п. Это прозвище также типично „чудское“. В писцовых книгах мы имеем ряд таких прибалтийско-финских имен и прозвищ: Акуев, Аввуй, Виллуй, Милуев (Миллуев), Лемекуев и многие десятки других.

При этом следует заметить, что в случае, если мы имеем дело с остатком берестяной книжки, то возможно предположение о том, что *-екуевь* является только окончанием прозвища, начало которого содержалось на предыдущей странице, до нас не дошедшей. Впрочем, имеется и другая возможность: нам кажется, что возможно чтение

¹ В русской передаче (из Новгородских писцовых книг XV—XVI вв.).

не „Аекуевь“, а „Мекуевь“, т. е. Микуев (и), если учитывать упомянутую выше особенность новгородских говоров.

В таком случае следует сравнить имеющееся в грамоте имя Мика, соответствующее финскому-суоми *Mikko* „Михаил“. Заметим, что в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. в Водлозерском погосте указан „след“ Мигуевых¹, а также Гостилов наволоок (сравни имя Гостило в берестяной грамоте). Это также увеличивает вероятность отнесения материала грамоты № 2 к Водлозеру.

Следует указать, что в упомянутой писцовой книге 1563 г. при описании Водлозерского погоста наблюдается такое же отсутствие точного различия звуков *E* („ять“) и *и*, как и в берестяных грамотах: „волочек Кемской“ и „волочек Кимской“.

Остальные, кроме разобранных нами, имена грамоты № 2 имеют русское происхождение, за исключением имени Воземут. Последнее вряд ли отличается по происхождению от остальных „чудских“; однако аналогий ему в других материалах не имеется.²

* * *

Обратимся теперь вновь к писцовой книге 1563 г., к описанию Водлозерского погоста. Из него видно, что название „Великий остров“ существовало и тогда, так как здесь указываются деревни „в наволоке на Великом острове“ (сравни берестяную грамоту № 2: Воликом острове).

Необходимо указать на то обстоятельство, что в это время — середина XVI века — местное население, несомненно, еще не утратило своей „чудской“ речи. Об этом свидетельствуют двойные географические названия одной и той же местности: на „чудском“ и русском языках. Так, имеем в писцовой книге: „деревня на Воронье поле словет в Вариш-палды“. Это то самое место, которое в „Списках населенных мест...“ XIX века и других источниках названо Варишпилда или Варишпельда. Чудской оригинал звучал, несомненно, „Вариш-пелдо“, т. е. „Воронье поле“, как совершенно правильно и передает писцовая книга.

В той же книге 1563 г. в Водлозерском погосте указана местность „на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке“, что опять-таки является точным переводом (сравни финское-суоми *kontio*, карельск. *кондый*, людиговск. *кондий*, вепсск. *kondi* „медведь“).

Таким образом, ясно, что местное население было знакомо больше с „чудским“ языком, чем с русским, по крайней мере, в отношении топонимики, которая „слыла“ в своей „чудской“ форме и только отчасти переводилась на русский язык.

Еще раз возвратимся к вопросу о характере того водлозерского прибалтийско-финского диалекта, который мы назвали „чудским“. Этот диалект не может являться собственно-карельским, ввиду наличия в нем ряда слов, имеющих другую форму у карел в собственном смысле.

Водлозерский „чудской“ диалект, например, всегда применяет термин „лахта“ (Курвалахта, в Шошолехте и пр.), соответствующий финскому-суоми *lahti*, эст. *laht*, но не карельскому *лакши*.

¹ Здесь же „деревня на Воллице...“ словет Микоевская („Писцовые книги Обонежской пятины“, Л., 1930, стр. 224).

² Возможное толкование (из карельских данных) предложено А. А. Беляковым (см. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 24).

В большинстве диалектов современного вепсского языка слово *laht* отсутствует, но из многочисленных топонимических фактов, относящихся к Белозерскому краю — земле древней Веси, мы знаем, что оно было в древневепсском. Вообще данные вепсского языка подходят довольно близко к водлозерскому „чудскому“ диалекту XV—XVI вв., но далеко неполностью совпадают с ним.

Действительно, „Игугмор-наволоок“ берестяной грамоты № 2, „Гумор-наволоок“ писцовой книги 1563 года, „Гумак-наволоок“ „Списков населенных мест...“ Олонецкой губернии XIX века, соответствует ближе всего финскому-суоми *huhmar-niemi*, а не вепсскому *humbar-nem*. Точно также некоторые формы писцовой книги 1563 г.: „на Овды-пелды“, „на Пелд-наволоке“ и т. п. ближе к карельскому *пелдо*, чем к современному нам вепсскому *рууд* „поле“. С другой стороны, такие названия того же источника, как Коско-салма и т. п., не являются собственно-карельскими. По этим соображениям, которые можно было бы развить очень подробно, следует предположить некоторую обособленность водлозерского „чудского“ диалекта от всех известных нам ныне видов прибалтийско-финской речи.

Не исключена, конечно, и возможность значительной диалектной смешанности в данном месте, как и вообще во многих местах новгородского Севера.¹ Все эти подробности не так уже существенны для нашего исследования.

Важнее всего для нас, в данном случае, то обстоятельство, что значительное число личных имен берестяной грамоты № 2 имеет несомненно „чудское“, т. е. прибалтийско-финское происхождение.

Заметим, что отдельные имена этого происхождения встречаются и в некоторых других новгородских грамотах на бересте из раскопок А. В. Арциховского.

¹ В „Списках населенных мест...“ Олонецкой губернии прошлого века население на Водлозере характеризуется как „обруселая чудь“. Разумеется, это указывает лишь на прибалтийско-финскую принадлежность речи этого населения в прошлом, без точных деталей.

М. М. Хямяляйнен

О СТАТЬЕ А. И. ПОПОВА „ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТИЯНЫХ ГРАМОТАХ“¹

Новгородские берестяные грамоты относятся к важным источникам и по истории, и по языку. Они, безусловно, вызывают большой интерес не только у славистов, но и у финноугроведов. Многие места новгородских берестяных грамот еще не разъяснены. В своей статье А. И. Попов ставит своей целью, выражаясь его словами, „внести сюда некоторые дополнения, касающиеся встречающихся в них прибалтийско-финских личных имен“ (стр. 95). Нужно всячески приветствовать такую попытку автора.

Автор статьи дает свои соображения о встречающихся собственных именах и топонимических названиях в грамоте № 2, относящейся примерно к XV веку. В рассматриваемой статье высказано предположение, что „на дошедшем до нас листке личные и географические имена относятся к одной и той же местности небольших размеров“ (стр. 96). В дальнейшем изложении конкретизируется принадлежность этих имен к определенной местности и к определенной языковой группировке. Автор пишет, что „можно с большой степенью вероятности утверждать, что мы обнаружили то место, к которому относятся записи берестяной грамоты № 2 А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова. Это место — Водлозеро, расположенное к востоку от северной части Онежского озера и имевшее даже в недавнем прошлом население, известное под именем „чуди“, но не карел. В этом убеждает и подробное изучение здешней топонимики, которая не имеет характера собственно-карельской, а ближе к вепсской или людиковской: Вавдиполь, Варишпилда, Коскосалма, Канзанаволок, Маткалаhti, Калакунда и т. д.“

Большинство названий подобного рода не может быть отнесено к карельским и в значительной части они даже просто немислимы в собственно-карельских диалектах.

Поэтому лучше всего охарактеризовать данные названия как „чудские“, понимая под этим термином принадлежность названий какому-то

¹ От редакции. Редакция имела возможность ознакомиться с рукописью А. И. Попова сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Научный сотрудник сектора языкознания М. М. Хямяляйнен решил отозваться на рукопись статьи А. И. Попова рецензией, в которой высказывает также свое отношение к поднятым в статье А. И. Попова вопросам. Редакция сочла уместным напечатать замечания М. М. Хямяляйнена в качестве первого отзыва на статью А. И. Попова.

исчезнувшему в настоящее время прибалтийско-финскому диалекту, наиболее близкому к вепсскому языку из всех ныне существующих видов речи этого типа.

Исходя из этого следует строить и все дальнейшие выводы" (стр. 96—97).

Нам представляется, что на основе нескольких слов берестяной грамоты нет серьезных оснований для выдвижения гипотезы об исчезновении неизвестного для нас диалекта, близко стоявшего к вепсскому языку.

Возражение вызывает и основное предположение автора, что встречающиеся в берестяной грамоте № 2 прибалтийско-финские названия восходят „к одной и той же местности небольших размеров“ и что эти названия относятся к диалекту (исчезнувшему), близко стоявшему к вепсскому языку или людиковскому наречию (восходящему к вепсскому языку). Если согласиться с этим предположением, то трудно связать между собой Гумор-наволоки и Игугмор-наволоки. По мнению автора, Гумор- и (И)гугмор-наволоки возводятся к прибалтийско-финскому слову *хумбар-хум|мар* или *хухмар* „ступа“. Дело в том, что *хумбар* отражает фонетическую оформленность вепсского языка и людиковского наречия, *хум|мар* — собственно-карельскую, а *хухмар* — финскую оформленность. Значит, Гумор-наволоки и Игугмор-наволоки никак нельзя связывать между собой в одном наречии. Заметим, между прочим, что собственное название Гумарино (по-русски), встречается и на территории собственно-карельских говоров. По-карельски это название звучит *Хум|марине* (-ине в этом названии является суффиксом). Не укладывается в вепские нормы языка и *вихта* „веник“. Слово *вихта* относится к западно-финским говорам, эстонскому языку и т. д., но отнюдь ни к вепсскому, ни к карельскому языкам, ни к восточно-финским говорам. В этих языках употребляется слово *васта*. В вепском языке нет также и слова *вихкий* „венчать“. Если исходить из вепсского языка, то вряд ли *вельют* можно возводить к *вилъют* из *вилля* „зерно, хлеб“, ибо в вепском языке нет слова *вилля*. Нам кажется, что нет серьезных оснований возводить *вельют* к *вилля* и по линии суффиксального словообразования. В карельском, вепском и финском языках в какой-то мере многие имена существительные употребляются с уменьшительно-ласкательным суффиксом на -хут и -ут. С этим же суффиксом особенно часто употребляется *велье-велле* „брат“. В *вельют* имеет место упоминаемый суффикс, и это слово, следовательно, переводится „братец“. Слово же *вилля-вилля* с этим суффиксом не употребляется.

Собственные названия *Коскосалма*, *Калакунда* (стр. 97) возводимы к вепсскому языку, людиковскому и ливвиковскому наречиям карельского языка, ряду собственно-карельских говоров и другим прибалтийско-финским языкам, а не только к вепсскому языку. *Канзанаволок* и *Маткалахта* могут относиться к вепским и южно-карельским говорам, а также и к другим прибалтийско-финским языкам, но не к собственно-карельскому, как правильно отмечает автор. Только *Варишпилда* можно с несомненностью отнести к вепсскому языку.

Нам кажется остроумным и весьма вероятным одно из предположений автора о том, „что *-екуевь* („Аекуевь“, „А Екуевь“. — М. Х.) является только окончанием прозвища, начало которого содержалось на предыдущей странице, до нас не дошедшей“ (стр. 98). Но в таком случае *-екуевь* может отражать не только „чудскую“, но и карельскую, водскую и ижорскую речь.

Возможно, что приведенные автором статьи собственные названия и являются вепскими (и это весьма вероятно). Но если это так, то нужно искать совершенно новые толкования для некоторых слов.

Несмотря на наши возражения по толкованию некоторых слов из берестяной грамоты и о недостаточной обоснованности возведения их (слов) к „чудской“ речи, статья А. И. Попова не теряет своего интереса хотя бы только с точки зрения постановки важного вопроса в расшифровке неизвестных до сего времени слов новгородских берестяных грамот.

Г. М. КЕРТ

ЗНАЧЕНИЕ СААМСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ФИННОУГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Саамский (лопарский) язык принадлежит к финноугорской семье языков. Принадлежность саамского языка к финноугорской семье языков доказывается общностью значительной части словарного состава, имеющего соответствия в родственных языках, а также относительной общностью грамматического строя саамского языка с грамматическим строем других финноугорских языков. На саамском языке говорит коренное население Кольского полуострова (около 2 тыс. человек), а также население, проживающее на севере Фенно-Скандинавского массива (в общей сложности около 33 тыс. человек).¹ Саамский язык в своей совокупности не представляет однородного явления, а распадается на множество диалектов. Поэтому в финноугорской литературе принято говорить не о едином саамском языке, а о саамской речи, понимая этот термин в широком смысле слова.

Как известно, финноугорские языки принадлежат к агглютинирующим языкам. Однако саамский язык в этом отношении представляет собой несколько особое явление. В саамском языке агглютинация сочетается с сильно развитой флексией основы. В саамском языке чередуются почти все гласные и согласные звуки. Это своеобразие саамского языка явилось причиной длительного спора о его происхождении.

Уже в середине XIX века было замечено, что саами и финны в антропологическом отношении, а именно в строении черепа, сильно отличаются друг от друга. Известный исследователь финноугорских языков Матиас Кастрен высказал мнение о том, что носители саамского языка пришли из Саян в Европу, где они и восприняли финноугорскую речь.² Известный исследователь саамского языка (диалекта Луле) К. Б. Вилкунд высказал предположение о том, что саамский язык первоначально был иным, что саами восприняли свой настоящий язык от своих финских соседей и поэтому в какое-то время саамский язык был идентичным с финским.³ Приблизительно на той же точке зрения стоял и крупнейший финский ученый Э. Н. Сетеле.

¹ А. Г. Эндюковский. Саамский (лопарский) язык, сб. «Языки и письменность народов севера», часть I, Учпедгиз, М.—Л., 1937, стр. 125.

² См. статью Д. В. Бубриха «К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками», Изв. АН СССР, т. VII, вып. 6, 1948, стр. 516.

³ К. В. Wiklund. Entwurf einer Uralappischen Lautlehre. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, X, Helsingfors, 1896, стр. 8.

Он считал, что процесс соприкосновения саамов с финнами и принятие ими финского языка произошел значительно раньше, чем это предполагал К. Б. Вилкунд, т. е. еще в финноугорскую общность.¹

Вопрос о происхождении саамского языка не оставался без внимания и в последующие годы. В 1934 г. появилась статья П. Равила, в которой автор на основании довольно обстоятельного исследования фонетики и морфологии пришел к выводу, в значительной части приближающемуся к мнению К. Б. Вилкунда.²

В 1948 г. появилась статья советского финноугроведа Д. В. Бубриха «К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками», в которой также указывается на близость саамского языка к самоедским языкам. Автор статьи пишет: «На самоедов приходится смотреть как на очень древних северян, в глубочайшей древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами».³

Нет нужды подробно описывать точки зрения различных авторов на данный вопрос. Обстоятельно история вопроса освещена Ю. Х. Тойвонен в статье «К проблеме протолопарей».⁴

Высказываясь за самоедское происхождение саамов, Ю. Х. Тойвонен приводит до 50 саамских слов, которым находит соответствия в самоедских языках. Т. Итконен приводит еще 11 слов из саамских диалектов, родственных языку ханты.⁵

В настоящее время, благодаря работам Д. В. Бубриха, Ю. Х. Тойвонена, П. Хайду⁶, И. Шебештьен⁷, самоедское происхождение саамов можно считать в достаточной мере решенным. Однако вопрос: «где же, когда же и при каких условиях произошли эти саамско-самоедские и (обско-)угорские сношения»⁸, остается нерешенным.

Разрешение этого вопроса в значительной степени зависит от привлечения новых материалов. Такие материалы могут быть приведены только при более тщательном исследовании восточно-саамских диалектов, изучение которых всегда отставало от изучения других саамских диалектов.

Уяснение происхождения саамского языка позволит глубже осветить вопросы этногенеза коренного населения и заселения Севера. Еще в русских летописях было зафиксировано, что саами обитали в районе современного гор. Петрозаводска. О проживании саамов южнее их настоящего местопребывания говорит топонимика Финляндии, где имеется значительное количество коренных саамских названий.⁹

¹ E. N. Setälä. «Valvoja», Helsinki, 1894, стр. 545.

² P. Ravila. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie, «Finnisch-Ugrische Forschungen», XXIII, Helsingfors, 1934, стр. 20—65.

³ Д. В. Бубрих. «К вопросу об отношении между самоедскими и финноугорскими языками», Изв. АН СССР, отд. лит. и языка, том VII, вып. 6, 1948, стр. 517.

⁴ Y. H. Toivonen. Zum Problem des Protolappischen, Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften, 1949, Helsinki, 1950, стр. 161.

⁵ T. Itkonen. Ost'akisch-lappische Wortvergleichen, Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, XCVIII, Helsinki, 1950, стр. 133.

⁶ П. Хайду. К этногенезу венгерского народа, Acta Linguistica, Akademiae Scientiarum Hungaricae, т. II, Budapest, 1953.

⁷ I. N. Sebestyén. Beiträge zum Problem der protolappischen Sprache, Acta Linguistica, Akademiae Scientiarum Hungaricae, т. III, Budapest, 1953, стр. 291.

⁸ П. Хайду, цитируемая работа, стр. 307.

⁹ T. I. Itkonen. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella, «Virittäjä», 1920, стр. 1; T. I. Itkonen. Lisiä Keski- ja Etelä-Suomen lappalaisperäiseen paikannimistöön, «Virittäjä», 1926, стр. 33.

Саамская топонимика простиралась на юг вплоть до Ленинграда. Проф. Д. В. Бубрих писал по этому поводу: „граница между прибалтийско-финским населением и саамами была в прошлом подвижной: саамы шаг за шагом оттеснялись по крайней мере от 60° сев. широты на север“.¹

Интересно отметить, что на территории Карельской АССР и частично Архангельской области встречаются географические названия, не имеющие соответствий в других финноугорских языках. Эти наименования мест находят соответствия в лексике, относящейся к саамскому субстрату, т. е. к лексике, которая не имеет соответствий в прибалтийско-финских языках, и, в частности, в финском языке. На берегу Белого моря имеется станция Нюхча, по соседству с ней в Архангельской области есть река Нюхча и озеро Нюхчозеро. В саамском языке (кильдинский диалект) *n'uhč* означает „лебедь“; в Архангельской области поселок Муньга, *mun'n'* в саамском языке означает „мороз“ (-*ga* — распространенный финноугорский суффикс); в Карельской АССР имеется Няльм-озеро, *n'al'm* в саамском языке означает „глотка, пасть“; Навдь-озеро, *navd'* в саамском языке означает „зверь“. Такие примеры можно было бы значительно продолжить.

О важности данных саамского языка для исторического освещения вопросов коренного населения народов Севера еще в 1911 году русские академики И. А. Бодуэн-де-Куртэнэ, Ф. А. Браун, С. К. Булич, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. Д. Руднев, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в „Записке“ по вопросу о мерах к обеспечению преподавания и изучения финноугорских языков в России писали: „Немаловажным представляется и вопрос о русско-лопарских отношениях. Исследования профессора Вилкунда показали, что Лопари, жившие некогда гораздо южнее, чем теперь, около 700 года после Р. Х. заняли Кольский полуостров, причем в это время в их языке уже существовали славянские заимствования. Откуда шли эти заимствования — взяты ли заимствованные ими слова непосредственно у Славян, или шли через посредство Финнов — вот что существенно важно при определении славянской прародины“.²

В связи с вопросом о заимствованиях интересно отметить, что в диалектах кольских саамов насчитывается более шестидесяти заимствований из германских языков.³ Эти слова были заимствованы в древнее время, причем не через посредство финнов, язык которых, как предполагают, восприняли саамы, а непосредственно. Характерно, что некоторые из заимствований не имеют соответствий в финском языке. Например: саамск. (кильд.) *par'n'* „мальчик, ребенок“, древнегерм. **barna*, шведск. *barna*, сравни финск. *poika* „мальчик“; саамск. (кильд.) *al'm* „небо“, немецк. *der Himmel*, сравни финск. *taivas* „небо“; саамск. (чалмны-варрский говор) *ros's'e* „конь, лошадь“, древнегерм. **hrossa*, немецк. *des Ross*, сравни финск. *hevonen* „лошадь“; саамск. *mann* „месяц, луна“, древнегерм. **mano*, немецк. *der Monat*, сравни финск. *kuu* „месяц“; саамск. *akš* „топор“, древне-

¹ Д. В. Бубрих. Из этнонимии Карелии, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковедч. наук, вып. 2, изд. 1948, стр. 127.

² Приложение к протоколу заседаний Историко-филологического Отделения 27 апреля 1911 года, Известия Императорской Академии наук, VI серия, том V, 1911, стр. 863.

³ К. В. Wiklund. Die nordischen Lehnwörtern in den russisch-lappischen Dialekten, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, X, 1892, стр. 146.

герм. **aksio > oakše*, немецк. *der Axt*, сравни финск. *kirves* „топор“; саамск. *silp* „серебро“, древнегерм. **silbra*, немецк. *das Silber*, сравни финск. *hopea* „серебро“.¹

Детальное изучение лексики кольских диалектов саамского языка позволило бы найти новые соответствия, причем сравнение аналогичных заимствований по другим диалектам, а также в финском языке позволило бы, до некоторой степени, установить и хронологию этих процессов.

Однако значение саамского языка далеко не исчерпывается только той ролью, которую могут сыграть данные саамского языка при разрешении исторических вопросов. Более важное значение имеет изучение саамского языка с лингвистической точки зрения. Факты саамского языка могут принести определенную пользу при выяснении происхождения той или иной грамматической категории не только прибалтийско-финских, но и других финноугорских языков.

Особую важность приобретает изучение саамских диалектов Кольского полуострова. По своему словарному составу и грамматическому строю в семье финноугорских языков саамский язык наиболее близок к финскому (*suomi*) языку. Близость этих языков обнаруживается как в значительной общности словарного состава с определенными фонетическими соответствиями в обоих языках, так и в некоторых соответствиях грамматических категорий. Кроме того ряд общностей наблюдается в типологической структуре, т. е. в синтаксических конструкциях, образующих словосочетания того и другого языка.

В финноугорской литературе имеются работы, посвященные сравнению словарного состава саамского и финских языков.² Однако в этих работах сравниваются диалекты только западных саамов. Кроме того, в работе Т. И. Итконена приводятся факты из различных диалектов, т. е. не берется один диалект как система.

Ниже приведем некоторые фонетические соответствия в саамском (кильдинский диалект) и финском языках.

Саамскому *a* в первом слове соответствует в большинстве случаев финское *a*, например:

саамск.	финск.	
<i>tal'v</i>	<i>talvi</i>	зима
<i>tah'te³</i>	<i>tahtoa</i>	хотеть
<i>ar'vde</i>	<i>arvata</i>	отгадывать
<i>kan'n'</i>	<i>kana</i>	курица
<i>lampes'</i>	<i>lammas</i>	овца
<i>san'n'</i>	<i>sana</i>	слово
<i>pall</i>	<i>pallo</i>	мяч, шар

В некоторых случаях саамскому *a* в первом слове соответствует финское *i*, например:

¹ Древние формы приведены по Вилкунду, см. цитируемую работу.

² J. K. Qvigstad. Beiträge zur Vergleichung des Verwandten Wortvorrathes der lappischen und der finnischen Sprache, Acta Societatis Scientiarum Fennicae, XII, 1883, стр. 113—240; T. I. Itkonen. Lappalais-suomalaisia sananvertailuja, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, XXXII, 1916—20 и продолжение в Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, LVIII, 1928.

³ Знаком *ε* обозначается открытое заднее *e*.

саамск. <i>randt'</i>	финск. <i>rinta</i>	грудь
<i>lan'n'</i>	<i>linna</i>	замок, дворец
<i>adč</i>	<i>isä</i>	отец
<i>čal'm</i>	<i>silmä</i>	глаз

Другие соответствия саамскому *a*:

саамск. <i>a</i>	финск. <i>e</i>	
<i>tar'v</i>	<i>terva</i>	смола
<i>a</i>	<i>u</i>	
<i>maN'N'</i>	<i>muna</i>	яйцо

Саамскому *o* в первом слове соответствует финское *u*, например:

саамск. <i>toll</i>	финск. <i>tuli</i>	огонь костра
<i>oske</i>	<i>uskoa</i>	верить
<i>olken'</i>	<i>ulkona</i>	на улице
<i>odt</i>	<i>uusi (uude-)</i>	новый
<i>logk</i>	<i>lukea</i>	читать, считать
<i>komrende</i>	<i>kumartua</i>	кланяться
<i>kol'l'</i>	<i>kulta</i>	золото
<i>sovij</i>	<i>suvi</i>	лето

финское *a* или *i*, например:

саамск. <i>oNk</i>	финск. <i>hanki</i>	наст
<i>olghe</i>	<i>alkaa</i>	начинать
<i>lost</i>	<i>lastu</i>	щепка
саамск. <i>o</i>	финск. <i>i</i>	
<i>tonn</i>	<i>sinä</i>	ты
<i>monn</i>	<i>minä</i>	я
<i>lon't'</i>	<i>lintu</i>	птица

Саамскому *u* в первом слове соответствуют финское *a*, *uo*, *uu*, *o*, например:

саамск. <i>suov</i>	финск. <i>savu</i>	дым
<i>kull'</i>	<i>kala</i>	рыба
<i>kuht</i>	<i>kaksi (kahte-)</i>	два
<i>kun'te</i>	<i>kantaa</i>	нести
<i>vureč</i>	<i>varis</i>	ворона
саамск. <i>u</i>	финск. <i>uo</i>	
<i>sun</i>	<i>suoni</i>	жила
<i>sul'l'</i>	<i>suola</i>	соль
<i>lun'n'</i>	<i>luona</i>	у, возле
<i>ludt</i>	<i>luoti</i>	пуля
<i>nur'r'</i>	<i>nuora</i>	веревка
<i>nurr</i>	<i>nuori</i>	молодой

саамск. <i>u</i>	финск. <i>uu</i>	
<i>kulle</i>	<i>kuulla</i>	слышать
<i>šurr</i>	<i>suuri</i>	большой
<i>kuss</i>	<i>kuusi</i>	ель
саамск. <i>u</i>	финск. <i>o</i>	
<i>surmas</i>	<i>sormus</i>	кольцо
<i>pulv</i>	<i>polvi</i>	колени
<i>kušk</i>	<i>koski</i>	водопад

Некоторые соответствия в согласных звуках. Саамскому *č* соответствует финское *s*, например:

саамск. <i>č</i>	финск. <i>s</i>	
<i>čiNlas</i>	<i>syvä</i>	глубокий
<i>čud't'</i>	<i>sata</i>	сто
<i>čal'm</i>	<i>silmä</i>	глаз
<i>čehč</i>	<i>syksy</i>	осень
<i>večer</i>	<i>vasara</i>	молот
<i>čuel'm</i>	<i>salmi</i>	залив
саамск. <i>š</i>	финск. <i>s</i>	
<i>šente,</i>	<i>syntyä</i>	родиться
<i>šurr</i>	<i>suuri</i>	большой
<i>šolše</i>	<i>sääliä</i>	жалеть
<i>šag'k'</i>	<i>sika</i>	свинья
<i>kentaš</i>	<i>kynnys</i>	порог (дверной)
<i>kirše</i>	<i>kärsiä</i>	терпеть
<i>ešte</i>	<i>istua</i>	сидеться
<i>eNN ~ iNN</i>	<i>ää</i>	
<i>jiNN</i>	<i>jää</i>	лед
<i>šeN</i>	<i>sää</i>	погода

Характерной фонетической особенностью, общей для финского и саамского языков, является чередование согласных звуков (такое явление имеет место и в других прибалтийско-финских языках: карельском, эстонском и частично (остатки) в вепском).

Впервые мысль о финноугорском происхождении чередований согласных была высказана Отто Доннером в статье „Современное родство финноугорских языков“.¹ Однако только впоследствии Э. Н. Сетеле создал теорию, в которой доказывал финноугорское происхождение этого явления.²

В последнее время все настойчивее высказывается мысль, что чередование ступеней согласных не общеприбалтийско-финское явление,

¹ O. Donner. Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprache, Acta Societatis Scientiarum Fennicae, XI, 1879.

² E. Setälä. Über quantitätswechsel im finnisch-ugrischen, Journal de la Societe Finno-Ougrienne, XIV, Helsinki, 1896.

а прибалтийско-финское. Так, например, Ю. Х. Тойвонен в цитированной выше статье утверждает, что чередование ступеней согласных, будучи заимствованным саамами у самоедов (селькупский язык имеет чередование ступеней согласных), было впоследствии воспринято прибалтийскими финнами у саамов.

В саамском языке явление чередования ступеней согласных представлено значительно шире, чем в финском языке. Несомненно, что изучение чередования гласных и согласных в саамском языке внесло бы определенный вклад в разрешение истории происхождения этого довольно сложного явления.

Значительные соответствия между финским и саамским языками имеются в грамматической структуре. Так, падежи элатив, абессив, аккузатив (мн. ч.), эссив имеют идентичные показатели в саамском и финском языках, например: *monn uinse tinet'* и *minä näin teidät* „я видел (увидел) вас“ (аккузатив); *mun vilij pudz Leningrades't* и *minun veljeni saapui Leningradista* „мой брат приехал из Ленинграда“ (элатив); *mun tovrūž robhuž učitel'en'* и *minun toverini työskentelee opettajana* „мой брат работает учителем“ (эссив); *sopp čuike sav'he al'n' kabpr'ahhta* и *hän hiihti lakitta* „он ехал на лыжах без шапки“ (абессив).

Показатель сравнительной степени в саамском языке одинаков с показателем сравнительной степени в финском языке. Общее происхождение имеют притяжательные суффиксы в саамском и финском языках.

Значительное количество общностей имеется в глаголе. К таким относятся показатель сослагательного наклонения (саамск. -č-, финск. -isi-), различные словообразовательные суффиксы, выражающие каузативность, мгновенность, длительность и т. д. Несомненно, что эти общности имеют глубокий генетический характер. В этой связи важны те моменты грамматического строя саамского языка, которые проливают свет на происхождение тех или иных категорий родственных языков.

В финском языке исторически имелся *k*-овый показатель множественного числа. В настоящее время этот показатель исчез, сохранившись лишь в некоторых диалектах, а также в виде аспирации. Л. Хакулинен по этому поводу пишет: „Считают, что *k* встречается в номинативе множественного числа личных местоимений, а также в конце личных окончаний глаголов множественного числа и притяжательных суффиксов, указывая на множественность деятеля или владельца: *me(')* „мы“ < **mek*; *te(')* „вы“ < **tek*; *he(')* „они“ < **zek*; *saamme* (1 л. мн. ч. от *saada* „получать“) < **saakme-k*; ...*talomme* „наш(и) дом(а)“ (от *talo* „дом“) < **talonme-k*“.¹

Финскому *-k* в саамском языке соответствует *-gk*, например, финск. *sika* „свинья“, саамск. *šag'k'*. В саамском языке этот *-gk* (признак множественного числа) сохранился хорошо в местоимениях, например:

а) вопросительные местоимения

Ед. ч.	Множ. ч.
<i>kie</i> кто	<i>kiegk</i> кто
<i>mi</i> что	<i>megk</i> что

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть I, Фонетика и морфология, М., 1953, стр. 82.

б) указательные местоимения

Ед. ч.		Множ. ч.
<i>tadt</i>	этот	<i>tagk</i> эти
<i>tedt</i>	тот	<i>tegk</i> те
<i>tudt</i>	тот (более удаленный)	<i>tugk</i> те
<i>te(o)lettz</i>	„тот“ (наиболее удаленный)	<i>te(o)l'egkz</i> те

в) отрицательные местоимения

Ед. ч.	Множ. ч.
<i>nikie</i> никто	<i>nikiegk</i> никто
<i>nimie</i> ничто	<i>nimiegk</i> ничто

г) относительное местоимение

Ед. ч.	Множ. ч.
<i>ku</i> который	<i>kagk</i> которые

В истории прибалтийско-финского языка-основы имели место звуковые переходы *s > h*. Сравни: морд. *son* „он“ — финск. *hän* „он“; морд. *sin* „они“ — финск. *he* „они“. Характерно, что литво-латышские заимствования в саамском языке не претерпели перехода *s > h*, в то время как в финском языке в соответствующих словах такой переход совершился. Я. Калима приводит примеры таких балтийских звукопереходов, например: финск. *hanhi* „гусь“, вепсск. *han'h*, эст. *hani* из литовского *žansis* (в соврем. литовском *žasis*), в саамском такого перехода нет — *čue'n'n'*; или финск. *lohi* „лосось“, вепсск. *loh'i*, из древнелитовского *lašis*, в саамском языке *luss* „семга“; финск. *halla* „заморозки, мороз“, вепсск. *hall*, эст. *hall* из литовского *šalna*, в саамском без перехода — *sul'n* „иней“; финск. *heinä* „сено“, вепсск. *h'ein*, южноэст. *hain* из литовского *šienas*, в саамском *suin* „трава, сено“.¹

Этот факт говорит, во-первых, о том, что в период, когда происходили литво-латышские заимствования в прибалтийско-финские языки, саами находились в тесной близости с прибалтийскими финнами; во-вторых, что саамские племена разошлись с прибалтийско-финскими еще до того, как в прибалтийско-финском языке начался переход *s > h*, в саамском же языке этот переход не произошел.

В финском языке исторически были звукопереходы *ln > ll* и *sn > ss*, т. е. ассимиляция. Замечательно то, что в саамском языке этот переход не произошел: сравни саамск. *al'n'* „под, внизу“, финск. *alla* „под“; саамск. *sizn'* „в середине“, финск. *sisässä* „внутри“.

Этот факт доказывает происхождение вторичных так называемых внутренне-местных и внешне-местных падежей на основе первичных падежей, в частности, эссива. Так, Л. Хакулинен пишет: „Из внутренне-местных падежей падеж нахождения „в(где)“, инессив, в современном литературном и национальном финском языке имеет окончание *-ssa*, *-ssä* < **sna*, *-snä*; выступающее в нем *-na*, *-nä*, очевидно, то же, что и окончание эссива, т. е. древний признак локатива“.² Окончание падежа нахождения „на, у(где)“, адессива, *-lla*, *-llä* < **lna*, **lnä* содержит тот же локативный элемент *-na*, *-nä*, который выступает и в эссиве и в инессиве: компонент *-l* перед ним

¹ J. Kalima. Itämerensuomalaisten kielten. balttilaiset lainasanat, Helsinki, 1936, стр. 59.
² Л. Хакулинен, цитируемая работа, стр. 87.

является, вероятно, тем же, что и в локальном словопроизводном суффиксе *-la, -lä* (*etelä* „юг“, *pohjola* „север“, *appela* „дом тѣстя, свекра“).¹

Немаловажным представляется также значение саамского языка в чисто лингвистическом плане, в частности, при выяснении развития значений падежей, происхождения некоторых падежей, происхождения глагольных форм и т. д. Так, значение орудийности, выражаемое некоторыми падежами, показателем которых является *-guim, -guim*, развилось из первоначальной комитативности (совместности), сравни: *parna pudden' školaija modčes kniškaguim* „ребята пришли в школу с красивыми книжками“; *sij vul'gen' varra udc parnaguim* „они пошли в лес с маленькими ребятами“. В данных предложениях формант *-guim* передает совместность действия. В предложениях же: *sij voal'ten' vuntas kuem' reguim* „они брали песок горстями“; *tenna monn uina ižan čel'meguim* „это я видел своими глазами“; формант *-guim* передает орудийность. Развитие комитативности в орудийность наблюдается и в других языках, в частности, в тюркских.²

В финноугорских языках существовала закономерность образования вторичных падежей из послеложных конструкций. Так, проф. Д. Бубрих пишет: „Новые обстоятельственные падежи формировались уже по-новому. Это хорошо прослежено в традиционной науке, хотя в отдельных случаях объяснения оказываются и неверными. Пути формирования новых обстоятельственных падежей следующие: сращение послелога (по происхождению существительного в том или ином из первичных падежей) с предшествующим существительным; морфологическое перераспределение слова, в результате которого словообразовательный суффикс отходит в состав падежного окончания; по-разному поставленное комбинирование показателей первичных падежей“.³

В саамском языке и сейчас еще прослеживается происхождение некоторых вторичных падежей из сращения послелогов с предшествующими именами существительными. Так, падежи комитатив и эссив произошли при наращении послелога к имени (см. примеры выше). Довольно ясно прослеживается происхождение инессива (внутренне-местного падежа) единственного числа (окончание *-s't'*). Сравни такой послелог-наречие *sisin'* „внутри“, а также *sizmuš* „внутренности“.

Значительную роль могут сыграть данные саамского языка при рассмотрении генезиса глагольного предложения в финноугорских языках и, в частности, вопроса о происхождении личных форм глагола. Общеизвестно, что личные местоимения, имеющие общую генетическую связь с притяжательными суффиксами, легли в основу образования личных форм глагола. В связи с образованием глагольных форм не лишне отметить поразительную близость глагольных и именных основ в саамском языке. Саамский язык показывает собой пример, где различие между именем и глаголом сказывается не так резко, как в индоевропейских и в некоторых финноугорских языках.

Можно было бы продолжить примеры, где саамский язык, сохраняя моменты более архаического состояния, может в некоторой

¹ Л. Хакулинен, цитируемая работа, стр. 88—89.

² А. М. Щербак. Реликты комитативного строя в тюркских языках. „Научная сессия молодых ученых, посвященная памяти Н. Я. Марра“ (тезисы докладов), изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 19.

³ Д. В. Бубрих. Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР. Учен. зап. ЛГУ, Серия востоковедч. наук, вып. 2, изд. ЛГУ, 1948, стр. 69.

степени объяснить происхождение грамматических категорий родственных финноугорских языков, в частности, происхождение *m*-овых инфинитивов в финском-суоми языке, а также некоторых словоизменительных категорий из словообразовательных. Сравни суффикс причастия *-ynč, -inč*: *valtyynč* „бравший“; *sarnynč* „говоривший“ и т. д. и уменьшительный суффикс *-ynč, kidt* „рука“ — *kidynč* „ручка“, *pert* „дом“ — *perdynč* „домик“; *kul'l'* „рыба“ — *kuellynč* „рыбка“ и т. д.

Однако приведенных выше примеров вполне достаточно, чтобы показать, какое значение имеет саамский язык для финноугорского сравнительного языкознания. Необходимо лишь подчеркнуть чрезвычайную важность быстреего сбора лингвистического, топонимического и этнографического материала, ибо, как писали еще в 1911 г. русские академики, „ценнейший этнографический и лингвистический материал, представляемый финноугорскими народностями, населяющими Россию, с каждым годом умалывается под напором культуры, идущей из городских центров в сельские местности: его настоятельно необходимо описывать и исследовать“.¹

В июле-августе 1955 года состоялась вторая диалектологическая экспедиция по сбору диалектного материала саамского языка.² Цель этой экспедиции состояла в дальнейшем продолжении сбора материала по диалектам и говорам языка кольских саамов. Основное внимание было уделено сбору лексики и морфологии. В связи с вопросами лексики и морфологии саамских диалектов и говоров были затронуты также и вопросы фонетики и синтаксиса, ибо невозможно изучать вопросы морфологии вне связи с синтаксисом. Вопросы фонетики, в частности, явление чередования гласных и чередования согласных, проявляются в различных формах слова. Попутно решались вопросы фонетики, связанные с определением фонемного состава того или иного диалекта или говора.

Для общего ознакомления с диалектом и говором была составлена программа с учетом фонетических, морфологических и лексических особенностей саамского языка. Особое внимание уделялось записыванию текстов — сказок и бытовых рассказов. Практиковалась также запись отдельными предложениями с целью выяснения тех или иных вопросов фонетики или морфологии.

Материалы экспедиций позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

Подтверждается мысль о том, что язык кольских саамов имеет в основном три диалекта: кильдинский, нотозерский и иоканьский.³ К кильдинскому диалекту принадлежат говоры села Ловозеро, поселка Териберка, села Воронье, Чудз-явр и Варзино; к нотозерскому диалекту относятся говоры сел Тулома и Нотозеро; к иоканьскому диалекту принадлежат говоры села Иоканья и Чальмны-Варры.

Следует указать, что в настоящее время представители трех диалектов в основной своей массе не имеют между собой непосредственного контакта. Саамская речь представляет собой разрозненные островки в море русской речи. Это обстоятельство создает предпосылки для быстрого перехода саамов на русский язык. Уже в настоящее время все саами двуязычны. Саамский язык служит средством общения только в домашне-бытовой обстановке.

¹ Цитированная выше (на стр. 106) „Записка“, стр. 864.

² Первая экспедиция была в 1954 году.

³ А. Г. Эндюковский, цитируемая работа, стр. 126.

В вышеуказанных диалектах имеются значительные фонетические различия, затрудняющие взаимное понимание между представителями различных диалектов. Эти различия проявляются в более или менее регулярных соответствиях гласных и согласных звуков по диалектам. Закономерности этих соответствий еще не установлены точно, т. к. имеется множество случаев, сбивающих эти соответствия.

Приведем некоторые фонетические соответствия гласных по диалектам:

кильдинский ¹	нотозерский	ноканьгский	
и	иэ	ы	
ku'l'l'	kuɛ'l'l'	ky'l'l'ä	рыба
kušk	kuɛšk	kyšk	водопад
su'l'l'	suɛ'l'l'	sy'l'l'a	соль
nur'r'	nuɛrr'	nyr'r'ä	молодой
ludt	luɛht	lydt	пуля
иэ	иа	е	
kuɛs's'	kuas's'	kes's'	когда
cuɛmp	cuabp	cɛmbaj	лягушка
puɛrne	puarne	—	поправляться

По некоторым словам могут быть перебои в соответствиях:

кильдинский	нотозерский	ноканьгский	
ruvt'	ruvt'	rivd'd'a	железо
čud't'	čuah't	čidta	сто
čum	čum	čimm	чешуя

Некоторые соответствия согласных звуков по диалектам:

кильдинский	нотозерский	ноканьгский	
gk	hk	gk	
loagk	lahk	lagk	потолок
čigk	chiehk	cigk	туман
šag'k'	šah'k'	šag'k'	свинья
bp'	hp	bp'	
kob'p'	koahp'	kobp'ä	яма
kɛbp	kɛhp	pačk'em	болезнь
mp	bp	mp,mb	
cuɛmp	cuabp	cɛmbaj	лягушка
suɛm'p'	subp	sɛmp	палка

Так же, как и в гласных звуках, соответствия в согласных звуках могут перебиваться.

Между диалектами имеются также лексические различия, например:

кильдинский	нотозерский	ноканьгский	
boran	vijorsz	lambpes'	баран
oasse	par'v'	assuj	одежда
vuɛrpen'	vuabn'	vuɛrbpan	сестра
kɛbp	boles't'	pačk'em	болезнь

¹ Примеры даны по ловозерскому говору.

кильдинский	нотозерский	ноканьгский	
čuekas	čuahkas	rydt	дорога
vierc	viarc	puŋk	мешок
ku't'k	čedduš	kyt'k'e	сердце
vaptɛk	bohtes'	kyš's'a	богатый
odles'	tovdɛs'	sirvɔ	быстрый
sur'khe	sur'ktɛd'	palgedtad	испугаться
kielselle	luantelle	tibylɛd	лгать

Основной словарный фонд и грамматический строй всех диалектов является общим, хотя общение в настоящее время между представителями различных диалектов затруднено, а в некоторых случаях и невозможно. Диалекты саамского языка в своем развитии не могли консолидироваться и тем более выработать единый по своему грамматическому строю, словарному составу и фонетике язык, понятный для всех саамов. Такое положение было обусловлено всем ходом экономического развития народности саамов. Саами в основной своей массе вели полукочевой образ жизни, были экономически слабо развиты, сильно разобщены и поэтому не могли тяготеть к какому-либо определенному экономическому центру. Этому способствовало также раннее проникновение русских на Кольский полуостров.

В морфологической структуре диалектов также имеются различия, обусловленные в большинстве случаев их фонетическим развитием.

Из морфологических различий, не обусловленных фонетическим развитием, в ноканьгском диалекте можно отметить следующие:

1. Наряду с аналитическим способом (т. е. с помощью вспомогательного глагола) выражения модальности имеются случаи выражения модальности морфологическим способом, т. е. при помощи суффикса -č, например: *mun logčim tamme kniška* „я хочу прочитать эту книжку“, сравни *mun logkim tamme kniška* „я читал эту книжку“; *mun asčim pɛrt* „я хочу построить дом“, сравни *mun assim pɛrt* „я построил дом“. (Выражение модальности морфологически возможно не от всех глаголов.) Аналитическим способом модальность выражается с помощью глагола *tuɔnadte* „хотеть“, например: *mun tuɔnadem logkid kniška* „я хочу прочитать эту книжку“; *mun tuɔnadem assid pɛrt* „я хочу построить дом“. Однако это явление требует еще дальнейшего более тщательного исследования.

2. В ноканьгском диалекте падежный суффикс -gojm, -gejm (соответствия: в кильдинском -gujm, -guejm, в нотозерском -vujm) имеет очень много значений, например:

а) выражает совместность: *olmyj man'ij kanzäs'gejm* „человек шел с друзьями“;

б) выражает орудийность: *olmyj višija pɛdcigejm* „человек едет на оленях“;

в) выражает место: *sij jel'lev modčes' pɛrtkejm* „они живут в красивых домах“ (однако, „они живут в красивом доме“ передается формой: *sij jellev modčes' pɛrhst*);

г) выражает объектные отношения: *olmyj pɛnnä čidzy paltsigejm* „человек охраняет стадо от волков“.

В кильдинском же и нотозерском диалектах данный падеж выражает лишь совместность и орудийность.

3. Интересной особенностью ноканьгского диалекта является своеобразное выражение множественного числа. Обычно во всех диалектах множественное число имен выражается в номинативе изменением основы (например; *kuss* „ель“, *kuuz* „ели“) и в косвенных

падежах окончаниями и суффиксами -ε-, -ы-. В иоканьгском диалекте имеется случай, когда послелог также получают признак множественного числа, например, *jogk kysr's't' oarr modčes' parht* „у реки стоит красивый дом“ и *šurr jogk kurn' liin' sijd* „у больших рек располагаются (есть) селения“.

Грамматические особенности, характерные для всех диалектов

В саамском языке (как и в других финноугорских языках, исключая прибалтийско-финские) прилагательные и числительные, как правило, не согласуются с именами существительными ни в числе, ни в падеже. На фоне общего несогласования интересной особенностью, характерной для диалектов саамского языка, является согласование числительных с именами существительными в сопроводительном падеже и падеже состояния, например: *učitel' vul'ki varra vεdein' parnen'* „учитель отправился в лес с пятью учениками“ (кильдинский диалект); *mahtij vυel'ki varra vεdyjn' skol'n'ik'in* „учитель отправился в лес с пятью школьниками“ (иоканьгский диалект); *učitel' varra vul'ij vidyn' parnu'n* „учитель пошел в лес с пятью ребятами“ (нотозерский диалект). В остальных семи падежах согласования нет, например, в инессиве: *vεdant školas't' li jennε učinehke* „в пятой школе есть много учеников“ (кильдинский диалект).

Однако в нотозерском диалекте согласование наличествует. Согласование, возможно, появилось под влиянием финского языка, например: *vidas' školas' jennε li vuapstedjette* „в пятой школе много (есть) учеников“. Вопрос о согласовании числительного с существительным в нотозерском диалекте также требует более тщательного исследования, т. к. формант -s в числительном, возможно, является показателем порядковости.

Одной из интересных особенностей саамских диалектов вообще является их взаимопереходность. Территориально близкие диалекты имеют больше общих черт в лексике и грамматике, чем диалекты, далее отстоящие друг от друга. Говор, стоящий на границе диалектов, совмещает в себе признаки обоих диалектов. Показательным в этом отношении является варзинский говор кильдинского диалекта. Хотя лексика этого говора в основном совпадает с лексикой говоров кильдинского диалекта, в нем есть элементы лексики иоканьгского диалекта, например:

ловозерский	варзинский	иоканьгский	
<i>n'uemmel'</i>	<i>kurij</i>	<i>kurja</i>	заяц
<i>mištεg</i>	<i>vašš</i>	<i>vašša</i>	куст
<i>kεbp</i>	<i>pačket</i>	<i>pačket</i>	болезнь

Интересным явлением во всех диалектах является аналитический способ выражения сослагательного наклонения (наряду с выражением отдельной морфемой -č-, соответствующей показателю сослагательного наклонения -isi- в финском языке). Сослагательное наклонение в саамском языке выражается при помощи имперфекта вспомогательного глагола *lie* „быть“ и инфинитива основного глагола, например: *mun jehta vuestε l'eije akš, tar'm vυelje l'eije jodte murε gorra* „если бы я вчера купил топор, я сегодня мог бы поехать за дровами“; *puεdte l'eijeh jevtlagka, tonn vuestleħčeh kul'š:l'jedte* „если бы ты пришел пораньше, ты встретил бы рыбаков“ (в последнем предложении

нии в слове *vuestleħčeh* сослагательное наклонение выражено суффиксом -č-).

Характерным для всех диалектов саамского языка на Кольском полуострове является наличие сложных глагольных времен (перфекта и плюсквамперфекта). Образование сложных времен, как и в финском языке, происходит по обычным моделям: спрягаемый вспомогательный глагол + форма причастия или деепричастия (при образовании плюсквамперфекта вспомогательный глагол выступает в имперфекте). Причастие выступает в неизменяемой форме как при образовании единственного, так и множественного числа. Например, в ловозерском говоре: *monn l'a kisma nur'r'* „я свил веревку“ (перфект); *tonn lije kisma nur'r'* (плюсквамперфект).

Большой интерес в диалектах саамского языка представляет категория множественного числа. Эта категория в саамском языке в номинативе не имеет твердого морфологического показателя. Множественное число в номинативе выражается главным образом путем чередования гласных и согласных звуков основы слова, например: *paht* „има“, *paεt* „имена“; *kεbp* „болезнь“, *kεεβε* „болезни“; *kuss* „ель“, *kuuz* „ели“; *ruwt'* „железо“, *ruvd'* „железо“; *ludt* „пуля“, *luude* „пули“ и т. д. В косвенных падежах множественное число выражается кроме того падежными суффиксами, а также показателем множественности -ε- или *ы*. Вообще категория множественного числа является одной из сложных и до последнего времени не освещенных в литературе разделов грамматики саамского языка. Дело осложняется еще и тем, что эта категория, не имея твердого морфологического показателя, в связи с сильным потоком заимствований из русского языка не успевает грамматикализироваться в соответствии с фонетическими законами саамского языка. Особые трудности представляет собой выявление этой категории в определительных сочетаниях, т. к. генитив единственного числа имени существительного по своей форме совпадает с номинативом множественного числа.

В дальнейшем работа по изучению диалектов саамского языка должна идти в плане монографического описания разделов фонетики, морфологии и синтаксиса по каждому отдельному диалекту с привлечением материалов по говорам. Особое внимание следует уделить фиксации лексики, особенно специфически производственно-бытовой, т. к. лексика является наиболее уязвимым местом со стороны внесистемного языка.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Д. В. Бубрих. Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков	3
Г. Н. Макаров. К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке	25
А. А. Беляков. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР	49
Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык	63
Н. И. Богданов. Вепсский язык на современном этапе развития	76
М. М. Хямяляйнен. Об агглютинатах в вепсском языке и в южнокарельских говорах карельского языка	83
А. И. Попов. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах	95
М. М. Хямяляйнен. О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах»	101
Г. М. Керт. Значение саамского языка для финноугорского языкознания	104

Редактор *И. В. Сало*
 Технический редактор *К. М. Подбельская*
 Корректор *М. М. Суйкканен*

*
 Сдано в набор 16/VI 1958 г.
 Подписано к печати 13/X 1958 г.
 Е-03551. Бумага 70×108^{1/16}. — 7,5 печ. л.
 9,29 уч.-изд. листа. Госиздат № 123.
 Тираж 1000. Зак. 911.
 Цена 3 руб. 70 коп.

Госиздат Карельской АССР
 Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

*
 Книжная типография
 Министерства культуры КАСР
 Сортавала, Карельская, 32.